

Московский городской педагогический университет

Всероссийское периодическое издание

**СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И СОЦИОЛОГИЯ**

2017

№ 1 (21)

Выходит 4 раза в год

ISSN 2223–6880

**Москва
2017**

Системная психология и социология: научно-практический журнал. М.: МГПУ,
2017. № 1 (21). 116 с.

ISSN 2223–6880

Редакционная коллегия

Романова Евгения Сергеевна (главный редактор),
Рыжов Борис Николаевич (зам. главного редактора),
Абушкин Борис Михайлович, Арзуманов Юрий Леонидович,
Бершедова Людмила Ивановна, Георгиева Росица (Болгария),
Дубровина Ирина Владимировна, Казаренков Вячеслав Ильич,
Карпова Наталья Львовна

Редакционный совет

Рыжов Борис Николаевич (председатель, Москва),
Шейнов Виктор Павлович (зам. председателя, Минск, Республика Беларусь),
Ананишнев Владимир Максимович (Москва), Волкова Елена Николаевна (Санкт-Петербург),
Забродин Юрий Михайлович (Москва), Иванников Вячеслав Андреевич (Москва),
Коган Борис Михайлович (Москва), Консон Григорий Рафаэльевич (Москва),
Леньков Сергей Леонидович (Тверь), Романова Евгения Сергеевна (Москва),
Рычихина Элина Николаевна (Москва), Тюков Анатолий Александрович (Москва),
Урываев Юрий Викторович (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–37716 от 29.09.2009 г.

Заключением Президиума ВАК Минобрнауки России № 13–6518 от 01.12.2015 г.
включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук

Учредитель: Московский городской педагогический университет

Подписной индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России»: 41421

Зав. редакцией О. В. Чибискова

Адрес редакции: Москва, Петровско-Разумовский пр., 27

Тел.: +7 495 612 6716

E-mail: systempsychology@mgpu.ru

Электронная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
Регистрационный номер ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009 г.

<http://www.systempsychology.ru>

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования

Валявко С. М., Шулекина Ю. А. Проблема смыслового восприятия текста детьми дошкольного возраста.....	5
Васильева И. И. Справедливость в организации: системно-функциональный подход.....	16
Бершедова Л. И., Набатникова Л. П. Семья в системе ценностей и судьбах русской эмиграции первой волны.....	29
Немов Р. С., Алтунина И. Р., Яценко Д. А. Общее и различное в психологических теориях личности и мотивации.....	37
Шейнов В. П. Незащищенность студентов от манипуляций и их психологический пол, локус контроля и уверенность в себе.....	44
Марчук Н. Ю. Роль чрезвычайных ситуаций в филогенезе и онтогенезе человека.....	49

Социально-психологические аспекты развития информационно-коммуникационных технологий

Романова Е. С., Шубин С. Б. Психологическое влияние компьютерных и консольных видеоигр на молодежь.....	57
--	----

История психологии и психология истории

Иванов Д. В. Психологическая мысль в России в первой трети XIX века. П. Я. Чаадаев.....	70
--	----

Мнения

Simons G. Tangible Threats Through Intangible Means: Aspects of BRICS Information and Communication Security.....	87
Мрдуляш П. Б. Классификация проектно-ориентированных образовательных программ.....	99

Рецензия

Шейнов В. П. Рецензия на: Рыжов Б. Н. Системная психология. 2-е изд. М., 2017. 356 с.	108
---	-----

Информация

Сведения об авторах журнала «Системная психология и социология», 2017, № 1 (21).....	110
--	-----

CONTENTS

Psychological Researches

Valyavko S. M., Shulekina Yu. A. The Problem of Semantic Perception of the Text in Preschoolers.....	5
Vasileva I. I. Organizational Justice: Systemic-Functional Approach	16
Bershedova L. I., Nabatnikova L. P. Family in the System of Values and in the Fate and Fortunes of the First Wave of the Russian Emigration	29
Nemov R. S., Altunina I. R., Yatsenko D. A. General and Different in Psychological Theories of Personality and Motivation.....	37
Sheinov V. P. Students' Vulnerability to Manipulation and Their Psychological Gender, Locus of Control and Self-Confidence	44
Marchuk N. Y. The Role of Emergency Situations in the Human Phylogeny and Ontogeny.....	49

Social and Psychological Aspects of Information and Communication Technology Development

Romanova E. S., Shubin S. B. The Psychological Impact of Computer and Console Video Games on Young People.....	57
---	----

History of Psychology and Psychology of History

Ivanov D. V. Psychological Idea in Russia in the First Third XIX Century. P. Y. Chaadayev.....	70
---	----

Opinions

Simons G. Tangible Threats Through Intangible Means: Aspects of BRICS Information and Communication Security	87
Mrdulyash P. B. Classification of Project-Oriented Educational Programs	99

Review

Sheinov V. P. A Review on: Ryzhov B.N. Systems Psychology. 2d edition. Moscow, 2017. 356 p.	108
---	-----

Information

Authors of the Journal «Systems Psychology and Sociology», 2017, № 1 (21)	110
---	-----

ПРОБЛЕМА СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

*С. М. Валявко,
Ю. А. Шулекина,
МГПУ, Москва*

Статья продолжает серию публикаций авторов, направленных на изучение смыслового восприятия языковых единиц детьми дошкольного возраста. В статье впервые представлены принципиально новые сведения о смысловом восприятии текста дошкольниками с фонетико-фонематическим недоразвитием, в частности показано разноуровневое состояние смыслового восприятия в изучаемой авторами популяции детей с нарушениями речевого развития.

Ключевые слова: смысловое восприятие речи; текст; дошкольники; нарушение речевого развития; нарушение звукопроизношения; дислалия; фонетико-фонематическое недоразвитие речи.

THE PROBLEM OF SEMANTIC PERCEPTION OF THE TEXT IN PRESCHOOLERS

*S. M. Valyavko,
Yu. A. Shulekina,
MCU, Moscow*

This article continues a series of publications focused on the study of semantic perception of language units in preschool children. The paper presents a fundamentally new information on the semantic perception of the text in preschool children with phonetic and phonemic underdevelopment, in particular it shows a multilevelness of semantic perception in preschoolers with violations of speech development.

Keywords: semantic perception of speech; text; preschoolers; disorder of speech development; disorder of sound pronunciation; dislalia; phonetic and phonemic underdevelopment of speech.

Введение

Современные образовательные стандарты предусматривают всестороннее обучение детей дошкольного и школьного возраста. Большое внимание в образовательном процессе уделяется формированию предметных и метапредметных универсальных учебных действий, среди которых особое место занимают умения и навыки работы с текстом.

Опираясь на статистические исследования учебной деятельности современных детей, многие авторы указывают на характерные для них актуальные трудности работы с текстами, представленными в разных модальностях и на разных носителях (О. Е. Грибова, С. М. Валявко, Ю. Е. Вятлева,

Н. Ю. Киселёва, Ю. А. Шулекина и др.). Так, большинству современных дошкольников неинтересно: читать / просматривать книгу; смотреть длинный мультфильм-сказку; им трудно работать в дидактической тетради; читать учебную литературу; поддерживать диалог на заданную тему и др. Это касается и возможности восприятия на слух различных инструкций [13; 14]. Перечисленные трудности многократно возрастают у обучающихся с ограниченными возможностями, интегрированных в систему общего начального образования. Таким образом, актуальность изучения проблемы восприятия, понимания и полноценного осмысления информации в детском возрасте может рассматриваться и как профилактика трудностей текстовой деятельности

и подготовка дошкольников к разным видам слушания и чтения текстов.

Смысловое восприятие речи в психолингвистике и психологии речи традиционно связывается с пониманием речевого высказывания (В. П. Белянин, А. А. Брудный, М. М. Гохлернер, Л. П. Добраев, Т. М. Дридзе, А. А. Залевская, С. В. Куликов и др.). Однако в более узком контексте его можно рассматривать в совокупности нескольких этапов обработки речи на сенсорном, перцептивном и смысловом уровнях (табл. 1). В этом проявляется иерархичная структура смыслового восприятия речи [19].

Средствами выступают языковые значения слов, грамматических конструкций, предложений [9].

Смысловый уровень восприятия речи также предусматривает ряд последовательных переходов от фазы установления смысловых связей, в том числе между словами и между смысловыми звеньями, к фазе смыслоформулирования [4; 5; 7]. Полное понимание достигается, когда у человека формируются глубинные суждения о высказывании, когда «грамматика слов» превращается в «грамматику мысли» [6: с. 306]. Учитывая

Таблица 1

Схема смыслового восприятия текста

	Сенсорный уровень восприятия	Перцептивный уровень восприятия	Смысловый уровень восприятия
Операции	Перевод воспринятых аналитической системой стимулов на язык речевой системы	1 этап: перцептивные действия (обнаружение, различение, идентификация)	1 этап: первичная интерпретация
		2 этап: мыслительные операции (первичный синтез – анализ – вторичный синтез)	2 этап: понимание 3 этап: сложная интеллектуальная деятельность (осмысление)
Задачи	Подготовка к следующему (перцептивному) уровню	Активная работа по определению признаков текста	Определение иерархии смысловых связей текста

В качестве примера взаимосвязи разных операций при реализации смыслового восприятия сообщения можно рассмотреть модель «Анализ через синтез», предложенную К. Стивенсом [20]. Путь к пониманию речевого сообщения начинается с восприятия физических характеристик звуков, из которых оно состоит (перекодировка звуковой волны). Данные операции осуществляются на сенсорном уровне смыслового восприятия речи. Потом следуют более сложные операции, составляющие суть перцептивного уровня смыслового восприятия. Сначала происходит первичный анализ акустического рисунка воспринимаемой речи (определяется, какими акустическими свойствами обладают звуки высказывания). Далее, согласно И. А. Зимней, последовательно сменяют друг друга следующие перцептивные действия: первичный синтез слова, полный синтез слова, фразовый синтез слов в систему обобщения, вторичная аналитико-синтетическая обработка всего сообщения и, наконец, определение его

указанные уровни смыслового восприятия, представляется возможным выявлять и описывать речезыковые и когнитивные механизмы, благодаря которым реципиенту становится ясен смысл сообщения. На разных уровнях языка взаимодействие речезыковых и когнитивных механизмов различается. Наиболее сложными считаются реляции на текстовом уровне. Это обусловлено несколькими причинами.

С одной стороны, сама природа языкового текста задает сложный нелинейный алгоритм его логико-смысловой обработки. Текст представлен внешним планом, отражающим фактическую информацию, и внутренним планом. В художественном тексте, например рассказе, внутренний план может включать подтекст и скрытый смысл. Его расшифровка требует от реципиента активной поисковой мыслительной деятельности, направленной на соотнесение этих двух планов текста между собой. При этом подобная смысловая обработка может не совпадать с порядком,

в котором информация организована в тексте, и заключается в действии специфических внутренних законов речемышления. Как правило, последние разворачиваются от поиска общего смысла сообщения, выдвижения гипотез к распознаванию отдельных языковых единиц текста на сенсорном, лексическом и синтаксическом уровнях [10]. Последующая интеграция этих значений приводит к формированию смыслового концепта текста (текстового смысла), который выступает для слушателя предметом понимания и осмысления.

Процесс смысловой обработки текста завершается на смысловом уровне посредством построения цепочки последовательных переходов от первичной интерпретации (установления значения) через процесс понимания (формирование общей мысли сообщения) к окончательному осмыслению (работа с подтекстом высказывания). Таким образом, происходит сложная интеллектуальная работа индивида — в терминах Н. И. Жинкина «семантическая оптимизация интеллекта» [8: с. 94].

С другой стороны, описывая сложные механизмы восприятия текста, следует учитывать когнитивную активность, а также способность и готовность самого реципиента декодировать и понимать текст. В этом отношении следует подробнее рассмотреть возможности дошкольников с фонетико-фонематическим недоразвитием (далее по тексту — ФФН) воспринимать и проводить смысловую обработку текста в сравнении с их сверстниками, имеющими нормальное речевое развитие, восприятие устной речи которых более изучено [2; и др.].

Чаще всего при описании речевого статуса таких детей констатируется несформированность звукового строя речи (звукопроизношение и фонематическое восприятие), а качественному анализу импрессивной стороны речи не уделяется достаточного внимания. В современной логопедии принято считать, что для детей с ФФН не характерны существенные трудности понимания. Так, большинство произносительных ошибок детей затрагивают образование оттенков фонем и не нарушают смысла высказывания; при грубом недоразвитии произносительных навыков смешение фонем оказывает негативное влияние на понимание реципиентом

смысла высказывания [13: с. 603]. В логопедической практике дефекты произношения при ФФН чаще подвергаются рассмотрению в основном со стороны артикулирования отдельных звуков. Этому уделено значительное внимание во всех учебных пособиях по логопедии [18]. Между тем недостатки в формировании звуковой стороны речи, по Р. Е. Левиной, не ограничиваются звукопроизношением [12].

В традициях русской фонологической школы (И. А. Бодуэн де Куртене, Р. И. Якобсон, Н. С. Трубецкой и др.) устная речь рассматривается как последовательность постоянно сменяющих друг друга фонем, из которых складываются слова, фразы и т. д. С этих позиций всякое затруднение в понимании устного сообщения представляет собой провал в распознавании одной или нескольких фонем. Только когда все звуки распознаны, становятся понятными и составленные из них слова. В норме процесс распознавания осуществляется автоматически, на бессознательном уровне. В случаях речевой недостаточности, поражениях и дисфункциях центральной нервной системы этот процесс замедлен, дает сбой или серьезно нарушен.

Классики логопедической и психологической науки высказывались по этому поводу более определенно и подчеркивали, что фонематический слух является по своей сути смысловым [17: с. 85]. По определению А. Р. Лурия, фонематический слух — это способность обобщать различные звучания в отдельные группы, объединять звуки, кладя в основу этого объединения существенные и игнорируя случайные признаки звука. Только при наличии сформированного фонематического слуха возможно четкое восприятие звуков речи и смысла отдельных слов. При нарушении этой способности происходит «распад единства звука и смысла, ведущий к отчуждению от смысловой стороны речи» [15: с. 140]. Логично предположить, что в случаях несформированности фонематического слуха «единство звука и смысла» не достигается или достигается не полностью.

В русском языке наличие или отсутствие в согласных звуках звонкости / глухости, твердости / мягкости, аффрикативности / отсутствия аффрикативности служат смыслоразличительными признаками. Отсюда возможно

смещение слов по смыслу, например, *бочка* – *почка* и пр. Нечеткость словесных образов, о чем свидетельствуют многочисленные недостатки звукопроизношения, приводят к ошибкам их воспроизведения, выражающихся в метатезе (перестановке фонем и слогов), контаминации (слиянии двух слов при произнесении) и т. д. К.-П. Беккер и М. Совак писали о том, что расплывчатость фонематических образов слов, недостаточное различение их фонематического состава приводит к тому, что даже при значительном различии в их звуковом облике слова превращаются в омофоны, т. е. одно звуковое сочетание может обозначить несколько предметов [1: с. 84].

Описанные выше трудности дошкольников с ФФН отличаются от ошибок понимания текста при нормальном речевом развитии.

Организация и методы изучения смыслового восприятия текста у дошкольников

Исследование проводилось на базе школы № 1430 имени Героя Социалистического Труда Г. В. Кисунько в 2016 г. Были сформированы две группы испытуемых (общее число — 60 детей в возрасте 5–6 лет). Экспериментальную группу (далее по тексту — ЭГ) составили 30 дошкольников (10 девочек и 20 мальчиков; средний паспортный возраст — 5 лет 3 мес.) с логопедическим заключением «фонетико-фонематическое недоразвитие речи». В контрольную группу (далее по тексту — КГ) вошли 30 дошкольников (16 девочек и 14 мальчиков, средний паспортный возраст — 5 лет 4 мес.), имеющих нормальное речевое развитие.

В качестве диагностического материала выступили два небольших по объему текста со скрытым смыслом (см. текст 1–2). Использование подобных рассказов распространено в нейропсихологии и логопедии для изучения смыслового восприятия [16; 19]. С лингвистической точки зрения тексты имели повествовательный и повествовательно-диалогический формат, их предъявление не сопровождалось показом соответствующей наглядности (сюжетных или предметных картин). Текст «Хвастунишка» был осложнен наличием

Текст 1

«Как ёжик в лесу гулял»

Пошел темной ночью серый ёжик по лесу гулять. Увидел листик и наколол на иголочки. Увидел ягоду и тоже наколол. Заметил он в луже голубую звезду. Хотел и ее наколоть, но ничего не вышло. Подумал ёжик, подумал и решил накрыть ее лопухом — пусть до утра полежит. А утром вместо голубой звезды обнаружил он в луже большое красное солнышко.

Текст 2

«Хвастунишка»

Наступила весна. Пригрело солнышко. Вырос на поляне первый цветок. А мимо него пробежал зайчик.

«Ты кто?» — спросил цветок.

«Я — грозный лев, — соврал зайчик, — я царь зверей. Меня все боятся — и волк, и лиса, и медведь, и охотники».

Но тут на поляне появилась лиса.

«Кто это?» — спросил цветок.

«Это... цыплёнок», — прошептал «царь зверей».

Что же сделал «царь зверей», когда увидел «цыплёнка»?

разветвленной системы синонимичных предикативных элементов, составивших его структурно-семантическое своеобразие. Тем не менее оба текста отвечали возрастным возможностям понимания и осмысления дошкольников. Немаловажным является и то, что они редко встречаются в популярной детской литературе, и поэтому нет риска, что они знакомы детям.

Для оценки понимания и осмысления были сформулированы вопросы после текста. Прдемонстрируем процедуру предъявления текста и вопросов к нему на примере рассказа «Хвастунишка». Поскольку из специальной литературы известно, что смысловая обработка текстов в дошкольном возрасте отличается незрелостью, тексты предъявлялись на слух, а лексико-грамматическая конструкция вопросов была упрощена по сравнению с оригинальной методикой, рассчитанной на детей младшего школьного возраста [19]. Примеры адаптации вопросов приведены в таблице 2.

Примеры адаптации конструкции вопросов, задаваемых после предъявления текста

Вопросы для младших школьников	Адаптированные вопросы для дошкольников
Что же произошло в конце истории?	Как закончилась сказка?
Расскажи, о чем эта история.	О чем эта сказка? Расскажи.
Заметил ли ты в этой истории что-то необычное?	Ты заметил что-то необычное в этой сказке?
Почему зайчик сказал цветку, что он грозный лев?	Почему зайчик сказал цветку, что он грозный лев?
Почему «царь зверей» говорил о «цыплёнке» шепотом?	Почему «царь зверей» говорил о «цыплёнке» шепотом?
Почему история так называется?	Почему сказка называется «Хвастунишка»?

Ответы испытуемых фиксировались в ходе вопросно-ответной процедуры после однократного прослушивания текста; учитывались скорость ответа ребенка, его готовность ответить сразу после завершения прослушивания текста, количество необходимых подсказок, т. е. дозированная помощь (если требовалась).

Оценочная система представляла собой следующее. Анализ ответов проводился сразу по нескольким параметрам: понимание внешнего плана текста, понимание внутреннего плана текста (подтекст и скрытый смысл), моделирование рассказа (пересказ), эффективность наводящих вопросов по тексту.

Понимание внешнего плана текста связано со способностью выделять, различать и устанавливать связи между действующими лицами, их действиями, объектами, событиями, пространством и временем, в которых разворачивается сюжет. Обобщенно данному плану текста соответствует вопрос «О чем текст?». Языковым маркером внешнего плана являются значения языковых конструкций, включенных в ткань текста.

Понимание внутреннего плана — способность фокусироваться на глубинных связях текста, не выраженных языковыми средствами. Это имплицитная информация текста, которая подразумевается, а значит, может быть выявлена только в результате размышления (ребенок должен догадаться о тех или иных событиях или их последствиях, поняв взаимосвязи всех составляющих текста).

Рассмотрим внешний и внутренний планы текста «Хвастунишка». Во внешнем (фактологическом) плане текста разыгрывается история, в которой действующими персонажами являются цветок, заяц и лиса. Заяц обманывает цветок, называя обитателей леса, в том числе себя,

чужими именами. Внутренний план текста представлен объяснением мотивов, почему заяц обманывает. Цветок только что вырос на поляне, поэтому еще ничего не знает о жизни в лесу. Заяц-хвастунишка хочет предстать значимым хоть перед кем-нибудь и именно поэтому называет себя грозным львом и царем зверей. Увидев реальную лису, заяц продолжает врать, однако переходит на шепот, поскольку боится, что та заметит его. Окончание истории додумать очень легко, если знать, что лисы охотятся на зайцев [11].

Включение параметра «моделирование рассказа» в систему оценки смыслового восприятия речи дошкольников оправдано существованием тесной взаимосвязи между процессами восприятия и порождения текста в едином акте речевой деятельности. В моделировании рассказа ребенок невольно транслирует смысл текста, с которым работал в задании «Послушай текст. Ответь на вопросы». По тому, насколько точно передан смысл эталонного текста в собственном рассказе ребенка, можно судить о качестве понимания в целом.

Параметр «эффективность наводящих вопросов по тексту» — показатель отношения ребенка к помощи экспериментатора.

Количественная обработка результатов осуществлялась путем подсчета процентов по каждому параметру:

– понимание содержания текста:
P (25 % — полное понимание, 12,5 % — частичное понимание, 0 % — непонимание);

– понимание скрытого смысла:
S (25 % — полное понимание, 12,5 % — частичное понимание, 0 % — непонимание);

– моделирование рассказа:
M (25 % — текст ребенка соответствует эталонному; 12,5 % — текст ребенка частично

соответствует эталонному, 0 % — текст ребенка не соответствует эталонному);

– эффективность вербальной помощи:
 V (25 % — помощь не требовалась; 12,5 % — помощь эффективна; 0 % — помощь неэффективна).

Индивидуальный результат ребенка высчитывался по формуле:

$$P + S + M + V$$

и соотносился с уровнем успешности смыслового восприятия текста (в %):

I уровень — неуспешные (0–12 % выполнения задания);

II уровень — малоуспешные (12,5–25 % выполнения задания);

III уровень — средние по успешности (26–50 % выполнения задания);

IV уровень — близкие к успешным (51–75 % выполнения задания);

V уровень — успешные (76–100 % выполнения задания).

Качественный анализ результатов опирался на выявление ошибок трех типов. *Первый тип* — ошибки лексико-грамматического плана — характеризовался трудностями построения конструкции ответа в соответствии с грамматическими нормами русского языка (согласование в роде, числе, падеже и т. д.; правильное использование предлогов и союзов; соблюдение порядка слов). *Второй тип* — ошибки семантического плана — включал трудности анализа как поверхностно-семантического, так и глубоко-семантического планов текста. *Третий тип* был связан с реакциями детей, неадекватными задачам смыслового анализа текста (отказ от ответа, молчание, ответы типа «Не знаю», «Не помню», «Не понял»), но свидетельствующими о наличии затруднений в речевой деятельности и о сложившихся паттернах поведения [3].

Качественно-количественная обработка экспериментальных результатов и обоснование выводов были обеспечены статистическим анализом с помощью критериев Манна – Уитни, Спирмена, нахождения асимптотической значимости.

Гипотезой исследования стало предположение о наличии недостатков смыслового восприятия текста у дошкольников с фонетико-фонематическим недоразвитием,

обусловленным комплексной несформированностью речезыковой системы, а именно выраженным недоразвитием фонематических процессов, выходящим на первый план в структуре речевого дефекта при ФФН, и латентными трудностями формирования внутриязыковых связей системного характера.

Анализ результатов исследования смыслового восприятия текста у дошкольников

Рассмотрим результаты, полученные в ЭГ. По параметру «понимание содержания текста» 73 % испытуемых продемонстрировали полное понимание; частично поняли текст 20 %; 7% детей не справились с поставленной задачей.

По параметру «понимание скрытого смысла» наблюдалась следующая картина: 43 % детей полностью поняли скрытый смысл; 33 % не в полной мере поняли его, лишь частично смогли отразить его понимание в своих ответах; 24 % дошкольников не смогли обнаружить скрытый смысл предложенного текста. При *моделировании рассказа* с задачей передать смысл исходного текста в пересказе справились полностью 43 % испытуемых, такая же часть (43 %) детей выполнила задание частично; собственный текст 14 % детей не соответствовал эталонному. При этом 23 % испытуемых не требовалась вербальная помощь экспериментатора в виде наводящих вопросов или комментариев, 60 % детей нуждались в такой помощи, используя ее достаточно эффективно, а для 17 % детей полученная вербальная помощь была неэффективной, потому что они не смогли улучшить свои ответы.

Обобщение индивидуальных результатов испытуемых нашло свое отражение в их распределении по уровням успешности смыслового восприятия текста (рис. 1). Таким образом, наиболее сложным для дошкольников с ФФН явилось понимание скрытого смысла и моделирование рассказа, несмотря на достаточное понимание его содержания, воспринимаемого на слух.

Обратимся к качественному анализу ошибок, которые дети допускали в исследовании. Общая распространенность ошибок

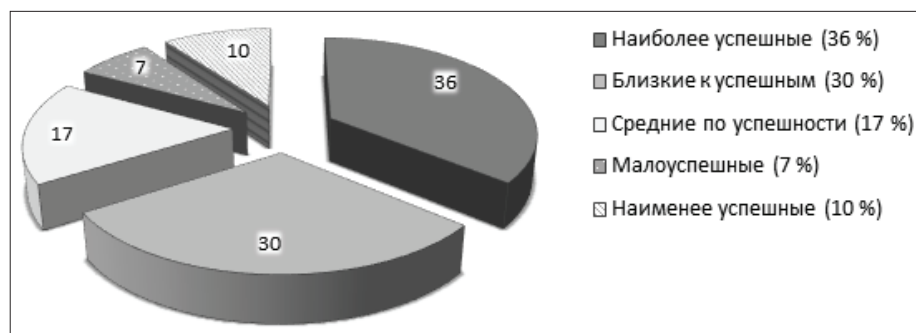

Рис. 1. Распределение испытуемых ЭГ по уровням успешности смыслового восприятия текста

в ЭГ составила 37 %. Из них на долю ошибок лексико-грамматического плана пришлось 27 %, на долю ошибок семантического плана — 30 %. При этом не наблюдалось выраженных различий в частотности появления тех или иных типов ошибок в ответах детей. Ошибки только первого или только второго типов встречались в 17 % случаев; в сочетании (одновременно ошибки первого и второго типов) — в 20 % случаев. Ошибки расценивались нами как проявление латентных трудностей формирования внутриязыковых связей системного характера. Наличие их при фонетико-фонематическом недоразвитии никогда не выявлялось, и это можно рассматривать как принципиально новую научную информацию.

Результаты, полученные в КГ, отражают состояние смыслового восприятия текста в норме. По параметру «понимание содержания текста» было выявлено два варианта оценок: 87 % испытуемых полностью поняли содержание (что в 2 раза превышает показатели детей с ФФН); 13 % поняли его частично; оценка «непонимание» отсутствовала. По параметру «понимание скрытого смысла» оценки распределились следующим образом:

73 % испытуемых (при ФФН — в 43 % случаев) смогли найти и полностью понять скрытый смысл текста; 27 % справились с задачей частично; оценка «непонимание» отсутствовала.

Моделируя рассказ, дети показали достаточно высокую успешность. Так, 73 % детей в пересказанном тексте отразили основное содержание и подтекст эталонной истории; 27 % выполнили эту задачу с некоторыми искажениями; случаи полного несоответствия текста эталонной истории отсутствовали. Необходимость в вербальных опорах испытывали 33 % детей; их применение оценивалось как эффективное. Больше половины детей с нормальным развитием речи (67 % случаев) не нуждались в вербальной помощи взрослого; оценки «помощь неэффективна» отсутствовали. Результаты испытуемых КГ были распределены по уровням успешности смыслового восприятия текста и показаны на рисунке 2.

Единичные трудности в КГ были выявлены у 10 % испытуемых. Качественный анализ трудностей, с которыми сталкивались испытуемые КГ, показал, что наиболее часто встречается дезориентация детей в последовательной развертке сюжета при первом предъявлении текста.

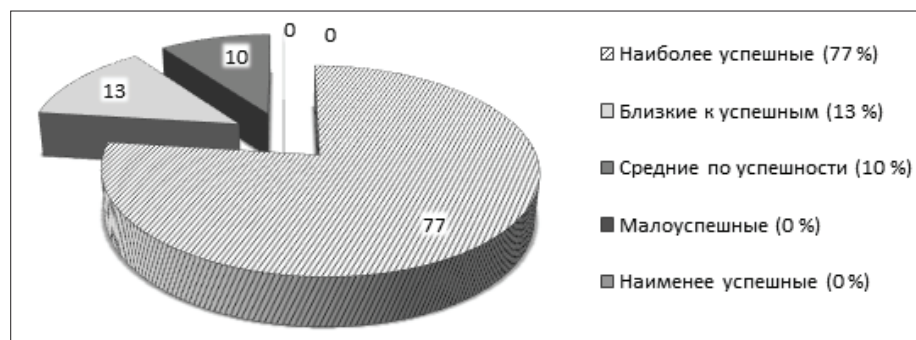

Рис. 2. Распределение испытуемых КГ по уровням успешности смыслового восприятия текста

Подобная реакция была вызвана чередованием персонажей, обозначенных синонимичными предикативными элементами, когда кажется, что героев намного больше, чем есть на самом деле. Однако, рассуждая вслух, испытуемые могли исправлять свои недочеты и находить верный ответ на вопрос. Потому подобные трудности не были квалифицированы как ошибки (по предложенной выше типологии). Таким образом, дошкольники с нормальным развитием речи успешнее справились с заданием.

Сравнительный анализ результатов исследования показал достоверно значимые различия смыслового восприятия текста в двух группах дошкольников, что подтверждает выдвинутую гипотезу (см. табл. 3).

оказалось эффективным для всех параметров: понимание содержания текста растет ($r = ,532$, при $p = ,002$); понимание скрытого смысла улучшается ($r = ,634$, при $p = ,001$); моделирование рассказа становится более эффективно ($r = ,501$, при $p = ,005$). Снижается количество грамматических ($r = -,422$, при $p = ,020$) и семантических ($r = -,417$, при $p = ,022$) ошибок. Вербальная помощь детям контрольной группы помогает снизить количество семантических ошибок ($r = -,471$, при $p = ,009$) и повысить параметр «моделирование рассказа» ($r = ,373$, при $p = ,042$).

Третья задача — доказать данными настоящего исследования и подтвердить с помощью статистических процедур, что лучше

Таблица 3

Сравнительный анализ показателей смыслового восприятия текста в ЭГ и КГ (в %)

Группы испытуемых	Понимание содержания текста			Понимание скрытого смысла текста			Моделирование рассказа			Эффективность вербальных опор		
	+	+/-	-	+	+/-	-	+	+/-	-	+/-	+	-
ЭГ	73	20	7	43	33	24	43	43	14	23	60	17
КГ	87	13	0	73	27	0	73	27	0	67	33	0

Примечание: «+» — правильное выполнение задания; «+/-» — частично правильное выполнение задания; «-» — неверное выполнение задания.

Обсуждение результатов исследования смыслового восприятия текста

Перед исследованием было поставлено несколько задач. Так, для решения первой задачи нужно было выяснить, взаимосвязаны ли ошибки грамматического и семантического типа (вместе и по отдельности) и влияют ли они на успешность смыслового восприятия текста. В экспериментальной группе грамматические и семантические ошибки связаны ($r = ,592$, при $p = 0,001$). Чем больше ошибок совершают дети с ФФН, тем ниже их общие показатели по всем параметрам (P , S , M , V) и кумулятивному показателю. Дети в контрольной группе не совершают грамматических ошибок.

Вторая задача — выяснить, влияет ли оказание помощи (V) на общую успешность, т. е. какова роль помощи в дошкольном возрасте. Применение помощи детям с ФФН

и насколько лучше сформировано в дошкольном возрасте: понимание внешнего плана текста (P) или понимание скрытого смысла (S). Понимание содержания текста лучше сформировано в дошкольном возрасте, чем понимание скрытого смысла (рис. 3–4).

Ставился вопрос о сравнении смыслового восприятия ($P + S$) и возможности продуцирования текстов дошкольниками (M), т. е. равномерно ли развиваются способности смыслового восприятия текста и его моделирования / воспроизведения с помощью языковых средств. Оказалось, что «моделирование рассказа» большее влияние оказывает на «понимание скрытого смысла» ($r = ,753$, $p = ,001$ у детей с ФФН и $r = ,659$, $p = ,001$ у детей в норме). Это отражено на рисунке 5.

Сравнение результатов исследования по гендерному признаку показало, что смысловое восприятие текста лучше у девочек обеих исследованных групп ($U_{\text{эм}} = 230,000$, при $p = ,001$ у ФФН и $U_{\text{эм}} = 220,000$ при $p = ,001$ в норме).

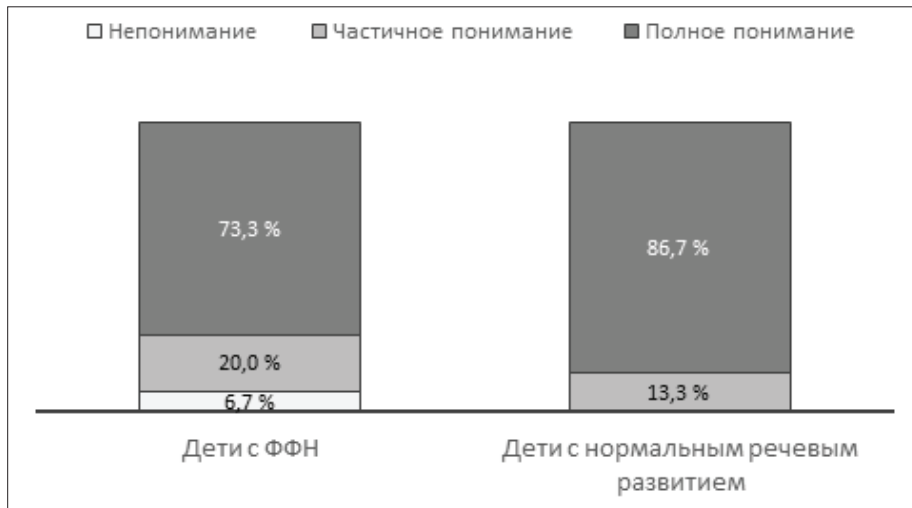

Рис. 3. Понимание содержания текста

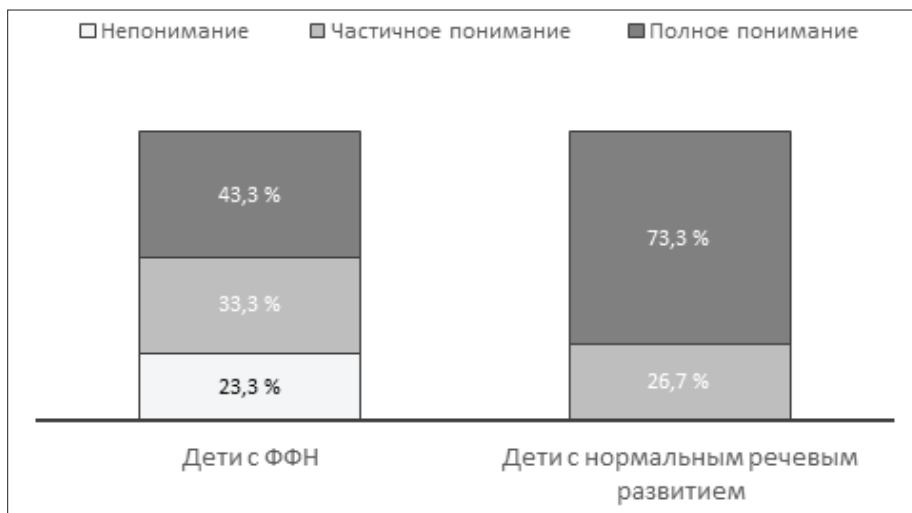

Рис. 4. Понимание скрытого смысла

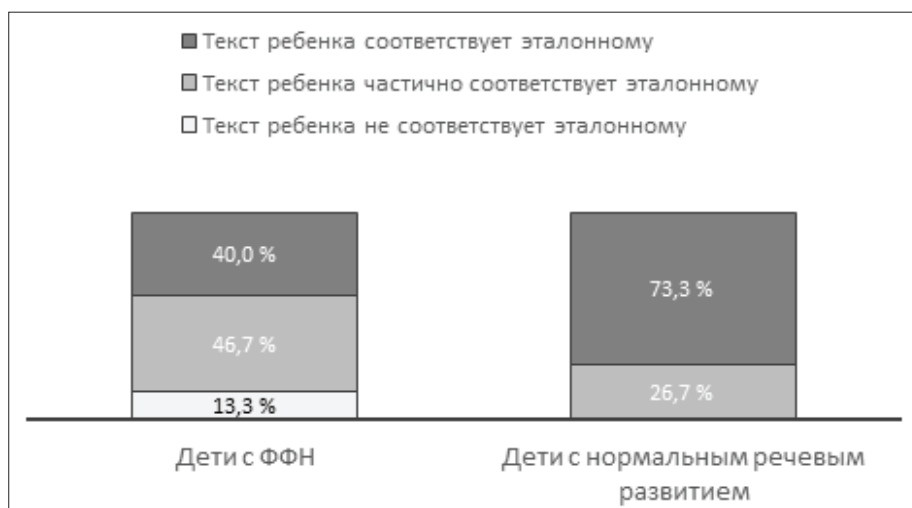

Рис. 5. Моделирование рассказа

Заключение

Незавершенность развития фонематических процессов у детей с фонетико-фонематическим недоразвитием в дошкольном возрасте, следствием чего выступают ограниченные возможности различения звуков родного языка на слух, обуславливает неполноценное восприятие устной речи. Это вызывает существенные затруднения в понимании

смысла речевых сообщений, передаваемых в разных коммуникативных ситуациях, и при обучении этих детей. Родителям необходимо знать, что причинами недопонимания речи детьми с фонетико-фонематическим недоразвитием могут выступать проблемы звуко-различения, а педагогам обязательно учитывать вышесказанное при организации образовательной среды и реализации адаптивных образовательных программ.

Литература

1. Беккер К.-П., Совак М. Логопедия: пер. с нем. М.: Медицина, 1981. 288 с.
2. Бельтюков В. И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи. М.: Педагогика, 1977. 176 с.
3. Валявко С. М. Почему дошкольники с общим недоразвитием речи резистентны к логопедическому воздействию? // Дефектология. 2009. № 2. С. 59–65.
4. Валявко С. М., Шулекина Ю. А. Особенности смыслового восприятия слова детьми с нарушениями речевого развития // Специальное образование. 2013. № 3 (31). С. 14–31.
5. Валявко С. М., Шулекина Ю. А. Изучение смыслового восприятия логико-грамматических конструкций старшими дошкольниками // Специальное образование. 2016. № 1 (41). С. 38–51.
6. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 306 с.
7. Грибова О. Е. К проблеме анализа коммуникации у детей с речевой патологией // Дефектология. 1995. № 6. С. 7–15.
8. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.
9. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Москва; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 320 с.
10. Зорькина О. С. О психолингвистическом подходе к изучению текста // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 205–210.
11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
12. Левина Р. Е. Нарушения письма и чтения у детей. Избранные труды. М.: Аркти, 2005. 240 с.
13. Логопедия / под ред. Л. С. Волковой, С. Н. Шаховской. М.: Владос, 2002. 680 с.
14. Лубовский В. И., Валявко С. М. О психологическом смысле тестовой инструкции // Специальное образование. 2016. № 2 (42). С. 65–76.
15. Лурия А. Р. Травматическая афазия. М.: Академия медицинских наук СССР, 1947. 367 с.
16. Семенович А. В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте. М.: Академия, 2002. 302 с.
17. Филичева Т. Б., Орлова О. С., Туманова Т. В. Основы дошкольной логопедии. М.: Эксмо, 2015. 320 с.
18. Хватцев М. Е. Логопедия. 5-е изд. М.: Учпедгиз, 1959. 476 с.
19. Шулекина Ю. А. Выявление и коррекция нарушений смыслового восприятия речевого высказывания у младших школьников с общим недоразвитием речи: дис. ... канд. пед. наук. М.: МГПУ, 2008. 188 с.
20. Stevens K. N. On the relations between movements and speech perception // XVIII Int. Congress of Psychology. Symp. 23. L. 1966. P. 199–215.

References

1. Becker K.-P., Sovák M. Speech therapy. M.: Medicine, 1981. 288 p.
2. Belyukov V. I. Interaction of analyzers in the process of perception and mastering of oral speech. M.: Pedagogika, 1977. 176 p.

3. **Valyavko S. M.** Preschool children with language disorders are resistant to speech treatment, why? // Defectology. 2009. № 2. P. 59–65.
4. **Valyavko S. M., Shulekina Ju. A.** Peculiarities of sense perception of a word in children with verbal development disorder // Special education. 2013. № 3 (31). P. 14–31.
5. **Valyavko S. M., Shulekina Ju. A.** A study of sense comprehension of the logical-grammatical construction in senior preschool children // Special education. 2016. № 1 (41). P. 38–51.
6. **Vygotsky L. S.** Selected works: in 6 V. V. 2. M., 1982. 306 p.
7. **Gribova O. E.** To the problem of analysis of communication in children with speech pathology // Defectology. 1995. № 6. P. 7–15.
8. **Zhinkin N. I.** Speech as a conduit of information. M.: Nauka, 1982. 157 p.
9. **Zimnyaya I. A.** Lingvo-psychology of speech activity. M., Voronezh: NPO «MODEK», 2001. 320 p.
10. **Zorkina O. S.** On the psycholinguistic approach to the study of the text // Language and culture. Novosibirsk, 2003. P. 205–210.
11. **Efremova T. F.** A new dictionary of Russian language. M.: Russian language, 2000. 1209 p.
12. **Levina R. E.** Disorders of reading and writing in children. Selected works. M.: Of Arkti, 2005. 240 p.
13. Logopedics / edited by L. S. Volkova, S. N. Shakhovskaya. M.: VLADOS, 2002. 680 p.
14. **Lubovsky V. I., Valyavko S. M.** Diagnostic significance of the test instruction // Special education. 2016. № 2 (42). P. 65–76.
15. **Luria A. R.** Traumatic aphasia. M.: Academia of medicine sciences USSR, 1947. 367 p.
16. **Semenovich A. V.** Neuropsychological diagnostics and correction in childhood. M.: Academy, 2002. 302 p.
17. **Filicheva T. B., Orlova O. S., Tumanova T. V.** The basics of preschool speech therapy. M.: Eksmo, 2015. 320 p.
18. **Hvatzev M. E.** Speech therapy. 5 ed. M.: Uchpedgiz, 1959. 476 p.
19. **Shulekina Ju. A.** Revealing and correction of infringements of speech comprehension in primary school children with general speech underdevelopment: dis. ... cand. of pedagogics sciences. M.: Moscow City University, 2008. 188 p.
20. **Stevens K.N.** On the relations between movements and speech perception // XVIII Int. Congress of Psychology. Symp. 23. L, 1966. P. 199–215.

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИИ:
СИСТЕМО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД**

И. И. Васильева,
Институт психологии РАН, Москва

В статье рассмотрены противоречия в основных определениях справедливости как феномена коллективного труда, их разнокачественность и относительность. Функциональный анализ обнаружил значение справедливости как мотива к результативному целесообразному взаимодействию и как интеграционного механизма разделенного труда. Проведенный анализ позволил определить справедливость как деятельностную установку, что дает теоретическую возможность интегрировать разнокачественные ее определения, с одной стороны, и раскрыть потенциал деятельностного подхода — с другой.

Ключевые слова: дистрибутивная справедливость; процедурная справедливость; межличностная справедливость; относительность справедливости; деятельностный подход; социальная рациональность; человекообразность; установка.

**ORGANIZATIONAL JUSTICE:
SYSTEMIC-FUNCTIONAL APPROACH**

I. I. Vasileva,
Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow

The study examines the contradictions in the basic definitions of justice as a phenomenon of a team work, their heterogeneity and relativity. The analysis has revealed justice as the main employee's motive to participate effectively in team efforts as well as the integrative mechanism of divided labor. The analysis enables to define justice as activity attitude. That makes possible the integration of heterogeneous definitions on the one hand and unlocks the potential of activity approach on the other hand.

Keywords: distributive justice; procedural justice; interpersonal justice; relativity of justice; activity approach; social rationality; human-sizedness; attitude.

Введение

Справедливость — главная категория социального мира. «Когда справедливость исчезнет, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей», — так Кант оценил ее фундаментальную и смыслообразующую роль в жизни человечества. Древнейшая правовая система — законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) — уже выстраивалась с опорой на представления о справедливости. А попытки открыть ее законы восходят, как минимум, к Гераклиту. Массив работ, посвященных анализу справедливости, труднообозрим и все сложнее поддается обобщению.

При таком исключительном интересе приходится признать, однако, что категория справедливости и по сей день сохраняет познавательную интригу. Общепринятое понимание справедливости до сих пор отсутствует. Существует множество разнокачественных

определений: справедливость определяют как норму и как представление, как естественное свойство социальности и как чувство, как психологическое качество и как врожденную идею и т. д. Единство мнения о справедливости состоит в согласии с тем, что... нет единого мнения относительно понятия справедливость.

До сих пор не получило объяснения такое важнейшее ее свойство, как относительность, отмеченная еще Сократом: ложь и обман, равенство и неравенство в разных ситуациях могут быть и справедливыми, и несправедливыми. Аристотель также указывал, что в разных социальных группах справедливость различна [1]. Современные исследования продолжают подтверждать относительность представлений о справедливости. Они различны в разных этнических средах [4; 8; 16; 17], культурно-исторических периодах [3; 5; 16], социотехнических системах [6; 18; 20; 35; 39].

Дж. Колкитт (J. Colquitt) с коллегами, подводя итоги масштабного метанализа результатов 183 исследований понятия справедливости в совместном труде за последнюю четверть XX века, получил не отличающийся определенностью результат — всё со всем связано. Соглашаясь в этом с Дж. Гринбергом (J. Greenberg), авторы делают вывод, в котором трудно не заметить нотки разочарования: эта область знаний находится на стадии «интеллектуальной юности» [25: р. 439].

Сходная сдержанность присутствует в самооценках Д. Ролза, автора наиболее признаваемой на сегодня концепции справедливости, который неизменно подчеркивал, что базовые предположения ее весьма гипотетичны и концепция представляется только наилучшей теорией справедливости по сравнению с другими подходами [14]. Такие результаты вряд ли можно считать удовлетворительным итогом тысячелетнего интереса человечества к глобальной теме.

Познавательная неопределенность в отношении категории «справедливость» прагматично зафиксирована и используется в политических интересах. Ведущий американский политолог и автор базового учебника по политологии для американских университетов К. Уолтц выстроил свою политическую доктрину на допущении, что не существует объективного определения справедливости. Следовательно, любая могущественная страна всегда может представить справедливым именно свой способ решения проблемы [38].

В науковедении релятивизм считается признаком познавательного тупика. Его механизм — во внесистемном, внефункциональном рассмотрении явлений.

Выдающийся методолог науки М. К. Петров, раскрывая эту проблему, отметил: «Описание велосипеда можно начать и со спицы в колесе, но уже на уровне вилки оно захлебнется в таких сложностях, что волей-неволей придется признать непознаваемость как велосипеда, так и колеса и спицы» [10: с. 19].

В любой ситуации познавательного релятивизма надежным методом его преодоления является переход к функциональному описанию выделенной реальности — определению того, что в ней является «вилкой», что

«спицей», и как все это образует функционирующее целое — «велосипед». Как писал Б.Ф. Ломов, «с понимания психологических качеств как функциональных и начинается развитие научной психологии» [9: с. 35].

Системное рассмотрение некоторой области объектов предполагает выявление той роли, которую каждое явление (объект) играет в едином механизме функционирования.

Организация как структура человекообразных фрагментов труда

Человеческий мир — мир разделенного труда. Он состоит из множества производительных систем — организаций, в которых используется организационный эффект — повышение производительности через комбинацию усилий. Производственная организация — это микросоциум, обладающий всеми характеристиками макросоциальности. Такая точка зрения восходит к Э. Дюркгейму, М. Веберу, Г. Зиммелю, А. Гоулднеру и др.

Культурологический подход позволил М. К. Петрову предложить также и решение вопроса о законе образования организаций, который поднимал еще Э. Дюркгейм. Искомая формула нашла отражение в принципе **человекообразности** как «посильности» социального опыта: «Все виды деятельности специализированы, оформлены в знаке как посильные для индивидов фрагменты, сопряженные с другими, столь же специализированными, фрагментами» [11: с. 71]. Принцип фрагментации необходимых массивов труда с целью соответствия трудовых операций возможностям отдельного индивида с последующим сопряжением этих фрагментов по датам и точкам приложения их частичных результатов — основной механизм формирования систем труда. Он сформулирован как культурная норма. В этом свете тейлоризм предстает как исторически, возможно, первая попытка осознанного применения этого принципа для формирования трудовой системы — организации — посредством фрагментации деятельности в соответствии с критерием человекообразности и последующей ее реинтеграции в социально-необходимую форму.

Организация — это структура скоординированных по датам и точкам приложения результатов человекоразмерных фрагментов труда, которая является инструментом эффективного достижения групповых целей. Она отображается в структуре регламентов индивидуальных действий и взаимодействий — формальной структуре, которая представляет собой базовый механизм координации такого искусственно созданного массива труда, своего рода матрицу для заполнения активными исполнителями. По образному выражению Т. Халлета и М. Вентрески, организации — это «обитаемые институты», населенные наемным персоналом [30].

Согласившись с этим образным утверждением, резонно поставить вопрос о мотивах «заселения» этих институтов живыми людьми. Что объясняет готовность работников включиться в предписанные регламенты и добросовестно исполнять их, компенсируя несовершенство штатных расписаний, принципиальную неполноту инструкций, просчеты управления и т. д.? Что может заставить исполнителей согласованно взаимодействовать, упреждая ошибки друг друга? Если формальная структура — первичный координатор совместной деятельности, то что может стать фундаментальным ее мотиватором?

Справедливость как социальная рациональность и мотив взаимодействия

Обращение к результатам изучения справедливости в совместном труде обнаруживает в этом феномене сложное строение. Так, Д. Левенталь различает несколько компонентов справедливости: дистрибутивную справедливость (вознаграждение по результатам) и процедурную [33]. Последняя, регулирующая сам процесс совместного труда, в свою очередь также разделяется (что подтверждается статистически) на независимые регуляторы. Компонентами процедурной справедливости являются:

- информационная справедливость, обеспечивающая гарантии полноценной информированности всех участников взаимодействия;
- межличностная справедливость, гарантирующая уважительное и вежливое отношение к участникам взаимодействия;

– собственно процедурная справедливость, обеспечивающая участникам равные права контроля процесса и результата взаимодействия, возможности апелляции, нейтрализации предубеждений, однообразии процедур, условий и т. д.

В литературе указывается возможность дальнейшего расщепления каждого фактора справедливости на составляющие компоненты, что расценивается как один из парадоксов справедливости.

Такое расщепление упрощает анализ и позволяет довольно легко обнаружить в этих компонентах справедливости функциональное значение: элементарные основания, делающие участие в совместном труде минимально осмысленным и рациональным и выступающие, таким образом, как искомый мотиватор добросовестной включенности.

Действительно, если в совместном труде участнику не гарантируется уважение достоинства личности как условие проявления ее свободной активности (межличностная справедливость), полноценное информирование в отношении всех значимых обстоятельств деятельности (информационная справедливость), право активного участия в создании совместного результата в соответствии с имеющейся компетентностью (процедурная справедливость), то участие во взаимодействии при таких условиях может быть только формальным (фиктивным), а не фактическим. Такое фиктивное участие не дает права на совместно полученный результат, а значит, приложение усилий становится нерациональным.

Аналогичное значение имеют и другие компоненты процедурной справедливости. Постоянство изначально установленных правил («однообразие») и защита результата от влияния внешних по отношению к деятельности мотивов участников, мешающих действовать в соответствии с внутренней логикой актуальной цели («нейтрализация предубеждений»), являются базовой рациональностью для любой совместной активности. Они позволяют реализовать потенциал организационного фактора — фактора сложения усилий. Если такие стартовые условия не выдерживаются, *de facto* совместный результат не гарантирован. «Вкладываться» в такое взаимодействие становится нецелесообразным.

Полноценного добросовестного сотрудничества, направленного на достижение планового результата, такие условия не обеспечивают. Организация в таком случае будет представлять разобщенную группу имитаторов полезной активности, каждый из которых будет действовать в соответствии только со своей личной рациональностью, но не коллективной. Частичные результаты человекообразных фрагментов труда будут напоминать броуновское движение, а не слаженно функционирующий трудовой массив. Организационная структура окажется при этом только формально «обитаемой».

Функциональный анализ раскрывает значение справедливости как **социальной рациональности** — фактора, сохраняющего основания для включения исполнителя в совместное взаимодействие и обеспечивающего результативность и смысл приложенной активности. Деятельность без возможности получить результат абсурдна по сути, лишена права на существование. Неслучайно некоторыми философами (Ф. Бэкон, Т. Гоббс) справедливость признается естественным законом, придающим вещам онтологический статус — основание существования [7]. Она рассматривается как важнейшая базовая характеристика деятельности, ее естественный признак и качество. Нарушение правил процедурной справедливости точно так же разрушительно для совместных усилий, как и несправедливое распределение совместно добытого (общественного) продукта, что стало главным предметом изучения экономической науки. Справедливость — это совокупность условий и правил коллективной деятельности, образ действий, мотивирующих и вовлекающих в нее исполнителей. Вера в справедливость является мощным стимулом социальной активности и следования нормам общежития.

Справедливость как интеграционный механизм распределенной деятельности

Одновременно справедливость раскрывается как **интеграционный механизм**, инструмент, позволяющий коллективу (группе) действовать как единое целое и обеспечивающий условия достижения результата — функциональность организационной единицы.

Объединяющее значение справедливости было отмечено как важнейшее свойство еще Платоном: отсутствие справедливости разрушает социальную общность. Рассуждая об идеальном государстве, он так пишет о его антиподах — несправедливых государствах: «Как бы там ни было, в них заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей и в каждом из них опять-таки множество государств» [13: с. 171].

В современной экономической теории существует авторитетная позиция, устанавливающая акцент на интегрирующем значении справедливости как приоритетном [12; 36]. Г. Г. Пирогов и Б. А. Ефимов так ее формулируют: «Справедливость — это **состояние согласия**, при котором никто не требует его изменения для улучшения своего положения, обеспечивающее бесперебойное функционирование общественной кооперации» [12: с. 8].

Справедливые правила удерживают участников совместного труда во взаимодействии, сохраняя трудовую кооперацию и обеспечивая ее функциональные качества. В литературе содержится достаточное количество результатов, убедительно показывающих, что соблюдение справедливости повышает качественные характеристики совместного труда. Организационная справедливость стимулирует производительность труда работников, сплоченность, сотрудничество и конструктивное общение внутри организации, включенность и экстра-ролевое поведение [20; 22–24; 27–29; 31; 34; 37].

И, наоборот, несправедливость ослабляет включенность в цели организации, снижает производительность труда, уничтожает мотив к сотрудничеству и взаимопомощи, провоцирует противодействие коллективным целям [21; 22].

В тех деятельности, которые не регулируются формальными предписаниями (например, живая очередь), справедливость выступает как единственный интегратор взаимодействия.

Относительность справедливости

Справедливость предстает как универсальный мотиватор, основание, оправдание и гарантированное условие разумности приложения активности.

Справедливым считается действие (и соответствующее правило), обеспечивающее совместное достижение цели. Легко допустить, что различия в целях и условиях, в которых может быть задана цель, делают механизм справедливости, обеспечивающий ее достижение, различным. Применительно к организациям, этот тезис можно переформулировать: справедливость неодинакова в различных технологических системах (организациях).

Зависимость норм справедливости от типа организации становилась объектом ряда исследований. Существование такой связи получило в них свое подтверждение [6; 35; 39].

Относительность справедливости оказывается не парадоксальным свойством, как считают некоторые авторы, а очевидным и естественным. Оно тесно увязывается еще с одной проблемой.

В современных исследованиях вопроса существования справедливости в организации закрепилось представление об этом феномене как субъективном веровании, убеждении, которое возникает в результате оценки подчиненными тех или иных действий руководителя — так называемая воспринимаемая справедливость (*perceived fairness*). Р. Кропанцано с коллегами отчетливо заостряют постановку вопроса: «Специалистов по управлению меньше интересует то, что есть справедливое, а больше — то, что люди признают как справедливое... Справедливость — скорее субъективное и описательное понятие... чем объективная реальность»¹ [26: р. 34]. Рекомендации авторов практикам (со ссылкой на статистические обследования), вытекающие из такой постановки вопроса, сводятся к тому, чтобы выполнять ряд правил, которые во всех случаях воспринимаются людьми как справедливые. Так, положительную корреляцию с представлениями о справедливом имеют уважительное отношение к подчиненным, предоставление возможности проявлять активность в труде согласно своим способностям, справедливое разрешение конфликтов, равный доступ к значимой информации, соответствие дохода трудовому вкладу и т. д. Отрицательную корреляцию с представлением о справедливом обнаружили

предвзятость в отношениях, грубость в общении, неравенство в распределении благ, высокая централизация и авторитарность в рабочем взаимодействии и т. п., что в совокупности отражено в принципах дистрибутивной, процедурной и межличностной справедливости. Справедливость, по мнению Р. Кропанцано с соавторами, это клей, который мотивирует работников эффективно действовать сообща.

В этой позиции полностью и целиком можно согласиться только с последним образным утверждением. Справедливость — мотив к эффективному складыванию усилий, который удерживает людей во взаимодействии — «склеивает» их и стимулирует согласование действий в соответствии с поставленной целью.

Утверждение о том, что существует такое поведение руководителя, которое во всех случаях вызывает «чувство справедливости», порождает сомнение, и не только как очевидный манифест никак не изжившего себя бихевиоризма.

Выведение за скобки объективных условий, в которых задана цель общих усилий, скрывает важнейшую детерминанту создания климата справедливости. Именно объективные условия совместного труда существенным образом влияют на представления работников о справедливости. Одни и те же действия руководителя в разных условиях могут восприниматься ими по-разному: как справедливые в одних условиях и как несправедливые — в других.

В качестве примера проявления такого рода относительности принципов справедливости можно привести результаты макроэргономического обследования, проведенного на предприятиях электроэнергетики Московского региона в 1991–2008 гг. [2]. На этот период пришлось реформирование энергетической отрасли в соответствии с новыми экономическими реалиями. В рамках этих реформ предпринимались попытки стимулировать соревновательность на предприятиях электроэнергетики.

Для оценки отношения персонала к такому рода новациям в одном из обследований персонала ТЭЦ-00 был задан в числе прочих вопрос: следует ли ввести систему классности

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

для оперативного персонала с соответствующими доплатами за высокую квалификацию? Неожиданно обнаружилось, что в котлотурбинном и электрическом цехах электростанции на этот вопрос были получены прямо противоположные ответы. В котлотурбинном цехе подавляющее большинство опрошенных отрицательно отнеслись к идее стимулировать соревновательность в коллективах смен, посчитав это несправедливым. Комментарии были при этом единодушны: «Если работник соответствует квалификации, то он должен быть уравнен в зарплате». В электрическом цехе такое же подавляющее большинство высказало прямо противоположное мнение и поддержало идею дифференцированно оценивать труд каждого члена коллектива. Представления о должном и справедливом в двух подразделениях одной организации очевидным образом разошлись. В котлотурбинном цехе справедливым было признано уравнительное распределение, а в электрическом — распределение по трудовому вкладу.

Помимо различий в дистрибутивной (распределительной) справедливости также были отмечены существенные различия в том, что обычно трактуется как проявления процедурной справедливости. В котлотурбинном цехе климат был отмечен реальным демократизмом: равными правами участия в выработке коллективного решения, равным доступом к оперативно-значимой информации, взаимопомощью и отсутствием соперничества в трудовых отношениях, что в целом воспринималось всеми как справедливое положение дел. В электрическом цехе обнаружилась совершенно иная картина: информационные ресурсы сосредоточены в руках руководителя — начальника цеха, который единолично принимает решения, обязательные для беспрекословного исполнения подчиненными. В этом цеху выявилась отчетливая властная вертикаль и статусные различия в трудовых правах. Такое положение дел, однако, никем в коллективе электроцеха не оспаривалось и также признавалось всеми разумным и справедливым.

Этот парадокс при более детальном изучении условий коллективного труда получает понятные объяснения. Различия в представлениях

о справедливом и должном объясняются различиями, в которых задана цель коллективного труда в каждом случае.

В котлотурбинном цехе такой целью является совместное обслуживание энергетического машинного комплекса (котлов, турбин, насосов, двигателей, арматуры и т. д.), размещенного на территории в несколько гектаров, но работающего как единый механизм. Информация о состоянии оборудования, которое отслеживается обходчиками в процессе регулярных его осмотров, является критически важной для эффективного управления этим «размазанным в пространстве» агрегатом. Каждый член коллектива смены является, таким образом, носителем критически важной информации, поэтому равноправно участвует в выработке совместного коллективного решения. Равные права в получении актуальной информации, например, о предстоящем плановом останове оборудования («информационная справедливость»), и равные права участия в выработке коллективного решения («справедливость контроля») — необходимые и обязательные условия обеспечения бесперебойной работы оборудования. При этом уважительное и равноправное отношение к каждому участнику, гарантирующее безопасность личного достоинства («межличностная справедливость»), стимулирует оперативно значимую личную активность каждого члена коллектива, которая необходима для создания полноты оперативной картины. Межличностная справедливость имеет функциональное значение.

Труд в котлотурбинном цехе отмечен еще одной важной деталью: общий объект труда устанавливает объективную зависимость всех от каждого и наоборот. Недоработка одного обходчика может заставить весь коллектив перейти в режим аварийного реагирования. Как следствие, объективная со-зависимость исполнителей делает запрет на любую самостоятельность очевидным условием достижения планового результата. Попытки соперничества оказываются обоюдно разрушительными. Поэтому стимулирование соревновательности экономическими методами оказывается абсолютно неприемлемым: разделяя личные интересы, оно разрушает согласованное и взаимодополняющее сотрудничество, без чего

минимально координированная, а значит, продуктивная, деятельность невозможна. Этим объективным обстоятельством объясняются отрицательные ответы на вопрос анкеты о дифференцированной оплате труда. Все участники коллективного труда сознают, что экономическое соперничество разрушительно для совместных усилий. В реальности итог экономических экспериментов был отрицательным: они были отторгнуты как объективно неприемлемые.

Как становится понятным, правила справедливости (дистрибутивной, процедурной) полностью диктуются условиями, в которых дана общая цель. Они сохраняют мотив к складыванию усилий и к совместной результативности.

Детальный анализ объективных условий коллективного труда в электроцехе позволяет найти объяснение прямо противоположным ответам, полученным в этом цехе, на тот же самый вопрос.

Главная специфика работы с электрооборудованием в электроцехе состоит в том, что это опасный труд. Все операции осуществляются только на отключенном оборудовании. Электрические процессы предельно динамичны и не оставляют возможности скорректировать ошибочные решения. Достоверность, полнота информации о статусе оборудования, точность отображения на оперативной схеме всех проведенных за каждую смену переключений — абсолютные и первостепенные условия, обеспечивающие безопасность работы персонала. Эта информация аккумулируется на электрической схеме цеха, которая находится в руках начальника смены электроцеха. Он вносит изменения в нее в соответствии с оперативной информацией. Ему же принадлежит и исключительное право принятия всех решений о переключениях оборудования. Таким образом, начальник смены электроцеха — единственный, кто владеет полной картиной состояния электрооборудования станции, и он же единолично им всем управляет.

Именно эти объективные различия в технологии определяют существенные особенности в отношениях начальника электроцеха со своими подчиненными. Если в коллективе котлотурбинного цеха имеют место

отношения совместной регулировки единого объекта с построением единого представления и принятия коллективного решения, то у начальника электроцеха отношения со своими подчиненными — дежурными электромонтерами — совершенно другие. Он выступает для них как единоличный создатель замысла, а монтеры (обычно это 3–4 человека) — как частичные исполнители этого решения, смысл которого не всегда может быть им понятен (особенно в условиях дефицита времени). Точность в восприятии команды и беспрекословное ее исполнение — основное условие безопасности и главное требование к электромонтеру. Коммуникация строго формализована, она включает набор команд и диспетчерских наименований оборудования, а также регламент служебных переговоров в стандартных ситуациях, что в целом направлено на обеспечение надежности передачи оперативной информации и взаимодействия.

Железная дисциплина — условие эффективной и безопасной работы всего коллектива. «Творческое отношение к делу» в электроцехе оказывается полностью абсурдным ориентиром, поскольку любая несогласованная инициатива грозит аварией или несчастным случаем. От исполнительской дисциплины подчиненных зависит эффективность работы цеха и безопасность персонала, за которую начальник электроцеха несет административную и даже уголовную ответственность. Эмоциональный стресс, который испытывает при этом руководитель, чрезвычайно велик и несопоставим с эмоциональной нагрузкой, которая падает на всех остальных участников совместного труда.

Этими объективными факторами объясняются особенности трудовых отношений в электроцехе. Отношения между начальником электроцеха и его подчиненными, дежурными электромонтерами, авторитарны, формальны, дистанцированы, отмечены строгой субординацией и жесткой требовательностью со стороны руководителя, что направлено на поддержание бесперебойного, машинообразного функционирования «коллективного механизма». Выход за рамки формальных отношений во взаимодействии бессмыслен и неуместен, поскольку любая неформальность в поведении

персонала нарушает необходимую машинообразность взаимодействия и общения, гарантирующую безопасность и результативность. «Межличностная справедливость общения», выражающаяся во внимании к индивидуальности и важная для стимулирования свободного творчества и инициативы, неадекватна формальному нормированному взаимодействию, важному для обеспечения точных оперативных коммуникаций на опасном производстве.

В такой же степени неадекватным объективным условиям труда является право контроля как одно из требований процедурной справедливости: не могут на равных вмешиваться в управление опасным технологическим процессом работники, не имеющие доступа к необходимой информации. И сам доступ к оперативной информации всех участников труда как одна из признанных норм процедурной справедливости также невозможен по объективным причинам. Правила процедурной справедливости в электроцехе диктуются объективными условиями труда.

Нормы дистрибутивной справедливости также чувствительны к реалиям трудового процесса. В электроцехе отсутствуют характерные для котлотурбинного цеха взаимозависимости всех от каждого, позволяющие управлять друг другом. Электромонтеры работают, как правило, по одному на разных объектах, выполняя разовые поручения начальника электроцеха, которые легко оценить: собрал схему — разобрал схему. Отношения между ними конкурентны, а частные интересы (например, в выполнении менее трудоемкого и менее ответственного переключения) отчетливо обособлены. Это обстоятельство делает электромонтеров автономными трудовыми единицами, позволяет адекватно оценивать трудовой вклад каждого и создает тем самым подходящие условия для стимулирования соревновательности в интересах повышения эффективности труда. Предложение о дифференцированной оплате труда в электроцехе было расценено ими как справедливое.

И дистрибутивная справедливость (справедливость вознаграждения), и укоренившиеся порядки (процедурная справедливость) в таком случае действуют однонаправленно: они консолидируют власть, обеспечивающую

результат и безопасность, и подкрепляют рациональные основания для каждого включиться во взаимодействие, представляющее при таких условиях надежным, разумным и продуктивным. Высокая степень централизации, обеспечивающая эти качества трудового процесса, воспринимается работниками как абсолютно справедливая. Данные о том, что централизация отрицательно связана с представлениями о справедливости [35], требуют, на наш взгляд, дополнительной проверки.

Требования справедливости — объективно обусловленная реальность. Поэтому набор универсальных приемов, «гарантирующих» руководителю климат справедливости, далеко не во всех случаях сработает как «клей». Действия справедливости относительно и привязаны к конкретной ситуации и условиям достижения совместной цели. Справедливость относительно, потому что объективна.

Конфликт несправедливости

Относительность справедливости объясняет, почему в представлениях о справедливости закрепилось понимание ее как веры, убеждения, но не реальности.

В качестве примера приведем реальную проблемную ситуацию, типичную для сферы электроэнергетики. На энергопредприятиях существует понятие «ремонтная кампания» — периодические ежегодные капитальные ремонты генерирующего оборудования, которые проводятся в летний период. Летом потребление электроэнергии снижается, что позволяет вывести из технологического процесса часть оборудования и провести необходимый ремонт. Сама кампания — масштабное и чрезвычайно дорогостоящее мероприятие, которое задолго планируется, обеспечивается финансовыми, материальными и трудовыми ресурсами с тем, чтобы в ограниченные сроки отремонтировать или заменить выработавшее свой ресурс оборудование к осенне-зимнему периоду. От того, как пройдет ремонтная кампания, зависит надежность электроснабжения региона и финансовые результаты деятельности энергокомпании в целом, поскольку аварийный останов оборудования в период

пиковых нагрузок влечет разного рода чрезвычайные ситуации и негативные последствия. Это недоотпуск электроэнергии и упущенная прибыль, штрафные санкции, снижение зарплат персонала, как оперативного, так и управленческого; это необходимость экстренных действий со стороны энергосистемы для покрытия внезапного дефицита мощностей и, как следствие, репутационные потери для руководства энергопредприятия всех уровней, оборачивающиеся для некоторых карьерным провалом, и т. п. Ремонтная кампания — период предельной мобилизации всех ресурсов, людских и материальных, ее смысл понятен любому энергетiku.

В такой ситуации отказ руководства энергопредприятия предоставить отпуск начальнику ремонтного цеха летом, по мнению большинства наблюдателей, абсолютно справедливый поступок, поскольку наличие ключевой фигуры на рабочем месте — главное условие успешного проведения летнего ремонта. При этом уже само требование такого отпуска воспринимается всеми с осуждением как несправедливое и неприемлемо субъективное — ложно-справедливое.

Однако со стороны начальника ремонтного цеха такая ситуация может выглядеть иначе, если предположить, что в тот момент его семейные отношения переживали состояние острого кризиса, а совместная поездка всей семьей в отпуск летом — впервые за много лет — воспринималась как единственный шанс их спасти. В субъективном сознании производственные потери, которые этим руководителем могут оцениваться как маловероятные, оказываются неизмеримо менее значимыми, чем разрушение личной судьбы. Поэтому отстаивание им своего личного права не может быть однозначно расценено как нарушение справедливости, опирающееся на ложные о ней представления — так называемая воспринимаемая справедливость. Оно справедливо как право на базовую личную свободу. Имеет место не нарушение справедливости, а взаимодействие разных видов справедливости как исключających друг друга целей и условий их достижения. Поэтому достижение справедливости в одном отношении одновременно является нарушением

справедливости — в другом. Попытка игнорировать относительность справедливости — функциональный смысл того или иного действия, закрепив за ним какое-то постоянное значение «справедливости», — приводит к утрате психологического смысла.

Таким образом, вопрос, который иногда обсуждается в литературе — «Почему люди иногда нарушают справедливость?», — в предложенном контексте лишен смысла. Люди не нарушают справедливость — они добиваются **своей** справедливости, что сторонним наблюдателям, не включенным в личностную позицию «нарушителя», представляется преступным, злонамеренным и несправедливым проступком, достойным осуждения. Л. Свендсен отмечает (ссылаясь на Дж. Каца), что даже преступники озабочены моральным оправданием своих действий: «...типичные убийства... мотивированы тем или иным представлением о благе» [15]. Отсутствие такой «озабоченности» может быть расценено как аморальное деяние, связанное с распадом личности и предельной степенью отчуждения ее от своей родовой общественной сущности.

Поэтому коллизии несправедливости решаются в большинстве случаев через раскрытие смыслов «несправедливого» деяния и признания за ним оснований существования. Любой спор о справедливости завершается, если стороны признают друг за другом основные права и готовы учитывать их в своих действиях.

Признание справедливости как относительной, а не ложно-субъективной становится универсальным основанием для преодоления такого рода конфликтов.

Проведенный анализ дает возможность закрепить понимание справедливости как деятельностной установки, что позволяет интегрировать ее разнокачественные определения. Это и норма, поскольку деятельность определяется формой (стандартом) реализации активности. Это и ценность, поскольку целеполагание всегда определяет значимость тех или иных обстоятельств деятельности, наделяет элементы своего контекста значениями ценности. Это и чувство, поскольку личностная значимость установки деятельности получает субъективное отражение; и представление,

поскольку обстоятельства деятельности отображаются в сознании субъекта. Установка действовать справедливо как показатель качества и результата социализации позволяет рассматривать ее и как психологическое свойство.

Заключение

Системно-функциональное рассмотрение феномена справедливости раскрывает его значение как механизма интеграции совместной деятельности и как мотива

добросовестного и результативного взаимодействия, своего рода социальной рациональности. Такое рассмотрение позволяет дать интерпретацию фундаментальной характеристике справедливости — ее относительности, — обосновать объективный характер этого регулятора и раскрыть сущность преодоления конфликта несправедливости.

Системное рассмотрение справедливости позволяет, таким образом, раскрыть ее функциональное деятельностное значение и уточнить направления конкретных исследований.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.
2. Васильева И. И. Психология — энергетике: на пути к безопасности и эффективности. М.: Б. и., 2012. 272 с.
3. Васькина О. Э. Социальная справедливость в массовом сознании советского общества // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 22–26.
4. Воловикова М. И., Соснина Л. М. Этнокультурное исследование представлений о справедливости (на примере молдаван и живущих в Молдове цыган) // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 85–93.
5. Григорьева Н. С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2008. № 6 (1). С. 112–123.
6. Гулевич О. А., Морозова Е. С. Организационная культура как фактор восприятия организационной справедливости // Психологический журнал. 2012. № 33 (2). С. 59–68.
7. Иванова Е. И. Философский аспект понятия «справедливость» в трудах ученых античности, эпохи возрождения и нового времени // Международный студенческий научный вестник: электронный научный журнал. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scienceforum.ru/2013/12/3089> (дата обращения 10.06.2016).
8. Кирюхин Д. И. Представления о справедливости в Украине и России: повседневность и идеология // Соціологія: теорія, методи, маркетинг, 2007. № 1. С. 136–51.
9. Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–44.
10. Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 268 с.
11. Петров М. К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике // Южнороссийское обозрение. Вып. 15. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 143 с.
12. Пирогов Г. Г., Ефимов Б. А. Социальная справедливость: генезис идей // Социологические исследования. 2008 № 9. С. 3–11.
13. Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.
14. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 534 с.
15. Свендсен Л. Философия зла. М.: Прогресс-Традиция, 2008 // Литмир: электронная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=137117&p=31> (дата обращения 10.06.2016).
16. Смольников С. Н. Специфика восприятия населением России понятия социальной справедливости // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2013. № 19. С. 104–110.
17. Соснина Л. М. Тенденции исследований справедливости в зарубежной социальной психологии // Психологический журнал. 2006. № 27 (5). № 40–49.
18. Спиридонов В. Ф., Гулевич О. А., Безменова И. К. Факторы, опосредующие восприятие справедливости организационного взаимодействия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 7 (1). С. 130–137.
19. Ambrose M. L. Contemporary justice research: A new look at familiar questions // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2002. V. 89. № 1. P. 803–812.

20. **Ambrose M. L. & Schminke M.** Organization structure as a moderator of the relationship between procedural justice, interactional justice, perceived organizational support, and supervisory trust // *Journal of Applied Psychology*. 2003. V. 88. № 2. P. 295–305.
21. **Ambrose M. L., Seabright M. A. & Schminke M.** Sabotage in the workplace: The role of organizational injustice // *Organizational behavior and human decision processes*. 2002. V. 89. № 1. P. 947–965.
22. **Aquino K., Tripp T. M. & Bies R. J.** Getting even or moving on? Power, procedural justice and types of offense as predictors of revenge, forgiveness, reconciliation, and avoidance in organizations // *Journal of applied psychology*. 2006. V. 91. № 3. P. 653–668.
23. **Chansler P. A., Swamidass P. M. & Cammann C.** Self-Managing work teams an empirical study of group cohesiveness in “Natural Work Groups” at a Harley-Davidson motor company plant // *Small Group Research*. 2003. V. 34. № 1. P.101–120.
24. **Cohen-Charash Y. & Spector P.** The role of justice in organizations: a meta-analysis // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2001. V. 86. № 2. P. 278–321.
25. **Colquitt J. A., Conlon D. E., Wesson M. J., Porter C. O. & Ng K. Y.** Justice at the millennium: a meta-analytic review of 25 years of organizational justice research // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. № 3. P. 425– 445.
26. **Cropanzano R., Bowen D.E. & Gilliland S.W.** The management of organizational justice // *Academy of Management Perspectives*. 2007. November. P. 34–48.
27. **De Cremer D., van Dijke M. & Bos A. E.** Leader’s procedural justice affecting identification and trust // *Leadership & Organization Development Journal*. 2006. V. 27. № 7. P. 554–565.
28. **De Cremer D. & Tyler T. R.** The effects of trust in authority and procedural fairness on cooperation // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. № 3. P. 639–649.
29. **Farmer D. J. & Farmer R. L.** Justice, hesitancy and the in-between // *Journal of Organizational Change Management*. 1996. V.9. № 4. P. 24–33.
30. **Hallett T. & Ventresca M. J.** Inhabited institutions: Social interactions and organizational forms in Gouldner’s Patterns of Industrial Bureaucracy // *Theory and Society*. 2006. V. 35. № 2. P. 213–236.
31. **Karriker J. H. & Williams M. L.** Organizational justice and organizational citizenship behavior: a mediated multifoci model // *Journal of management*. 2009. V. 35. № 1. P. 112–135.
32. **Lam S. S., Schaubroeck J. & Aryee S.** Relationship between organizational justice and employee work outcomes: a cross-national study // *Journal of organizational behavior*. 2002. V. 23. № 1. P.1–18.
33. **Leventhal G. S.** What should be done with equity theory? New approaches to the study of fairness in social relationships // ERIC: Institut of Education Sciences. Available at: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED142463.pdf> (accessed on August 15, 2016).
34. **Rioli L. & Savicki V.** Impact of fairness, leadership, and coping on strain, burnout, and turnover in organizational change // *International Journal of Stress Management*. 2006. V. 13. № 3. P. 351–377.
35. **Schminke M., Ambrose M. L. & Cropanzano R. S.** The effect of organizational structure on perceptions of procedural fairness // *Journal of Applied Psychology*. 2000. V. 85. № 2. P. 294–304.
36. **Stiglitz J. E.** *The Roaring Nineties: seeds of destruction*. London: Allen Lane. 2003. 389 p.
37. **Thau S., Bennett R. J., Mitchell M. S. & Marrs M. B.** How management style moderates the relationship between abusive supervision and workplace deviance: An uncertainty management theory perspective // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2009. V. 108. № 1. P. 79–92.
38. **Waltz K. N.** *Theory of international politics*. Waveland Press, 2010. 251 p.
39. **Yang J., Mossholder, K. W. & Peng T. K.** Procedural justice climate and group power distance: an examination of cross-level interaction effects // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. № 3. P. 681–692.

References

1. **Aristotle.** *Policy*. Writings: In 4 V. V. 4. M.: Thought, 1983. 830 p.
2. **Vasileva I. I.** *Psychology — for power energy: towards safety and efficiency*. M., 2012. 272 p.
3. **Vaskina O. E.** Social justice in the mass consciousness of soviet society // *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University*. 2009. № 8. P. 22– 26.
4. **Volovikova M. I., Sosnina L. M.** Ethno-cultural research of perceived justice (case of Moldovans living in Moldova, Roma) // *Psychological Issues*. 2001. № 2. P. 85–93.
5. **Grigorieva N. C.** Social justice: the evolution of concept and practice // *Problem analysis and state government planning*. 2008. № 6 (1). P. 112–123.

6. **Gulevich O. A., Morozova E. C.** Organizational culture as a factor of the organizational justice perception // *Psychological journal*. 2012. № 33 (2). P. 59–68.
7. **Ivanova E. I.** Philosophical perspective on the concept of “justice” in the writings of antiquity scholars, the Renaissance and New time // *European Student Scientific Journal: the electronic scientific journal*. Available at: <https://www.scienceforum.ru/2013/12/3089> (accessed on June 10, 2016).
8. **Kiryukhin D. I.** Perceived justice of Ukrainian and Russian populations: ideology and everyday life // *Sociology: theory, methods, marketing*. 2007. № 1. P. 136–51.
9. **Lomov B. F.** On the systemic approach in psychology // *Psychological Issues*. 1975. № 2. P. 31–44.
10. **Petrov M. K.** Consciousness and scientific work. Rostov-on-the-Don: Rostov University Press, 1992. 268 p.
11. **Petrov M. K.** Selected papers on theoretical and applied regional studies. South Russian review. V. 15. Rostov-on-the-Don: North Caucasian Scientific Center Press, 2003. 143 p.
12. **Pirogov G. G., Efimov B. A.** Social justice: genesis of the ideas // *Sociological research*. 2008. № 9. P. 3–1.
13. **Plato.** State. Laws. Politician. M.: Mind, 1998. 798 p.
14. **Rawls J.** A theory of justice. Novosibirsk: Novosibirsk University, 1995. 534 p.
15. **Svendson L.** The philosophy of evil. M.: Progress-Tradition, 2008 // Litmir: electronic library. Available at: <http://www.litmir.co/br/?b=137117&p=31> (accessed: June 10, 2016).
16. **Smolnikov S. N.** The peculiarities of Russian’s perceived social justice// *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic Sciences*. 2013. № 19. P. 104–110.
17. **Sosnina L. M.** Trends in the justice research in the foreign social psychology // *Psychological journal*. 2006. № 27 (5). P. 40–49.
18. **Spiridonov V. F., Gulevich O. A., Bezmenov I. K.** Predictors of perceived justice in organizational interaction // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2010. № 7 (1). P. 130–137.
19. **Ambrose M. L.** Contemporary justice research: A new look at familiar questions // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2002. V. 89. № 1. P. 803–812.
20. **Ambrose M. L. & Schminke M.** Organization structure as a moderator of the relationship between procedural justice, interactional justice, perceived organizational support, and supervisory trust // *Journal of Applied Psychology*. 2003. V. 88. № 2. P. 295–305.
21. **Ambrose M. L., Seabright M. A. & Schminke M.** Sabotage in the workplace: The role of organizational injustice // *Organizational behavior and human decision processes*. 2002. V. 89. № 1. P. 947–965.
22. **Aquino K., Tripp T. M. & Bies R. J.** Getting even or moving on? Power, procedural justice and types of offense as predictors of revenge, forgiveness, reconciliation, and avoidance in organizations // *Journal of applied psychology*. 2006. V. 91. № 3. P. 653–668.
23. **Chansler P. A., Swamidass P. M. & Cammann C.** Self-Managing work teams an empirical study of group cohesiveness in “Natural Work Groups” at a Harley-Davidson motor company plant // *Small Group Research*. 2003. V. 34. № 1. P.101–120.
24. **Cohen-Charash Y. & Spector P.** The role of justice in organizations: a meta-analysis // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2001. V. 86. № 2. P. 278–321.
25. **Colquitt J. A., Conlon D. E., Wesson M. J., Porter C. O. & Ng K. Y.** Justice at the millennium: a meta-analytic review of 25 years of organizational justice research // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. № 3. P. 425–445.
26. **Cropanzano R., Bowen D.E. & Gilliland S.W.** The management of organizational justice // *Academy of Management Perspectives*. 2007. November. P. 34–48.
27. **De Cremer D., van Dijke M. & Bos A. E.** Leader’s procedural justice affecting identification and trust // *Leadership & Organization Development Journal*. 2006. V. 27. № 7. P. 554–565.
28. **De Cremer D. & Tyler T. R.** The effects of trust in authority and procedural fairness on cooperation // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. № 3. P. 639–649.
29. **Farmer D. J. & Farmer R. L.** Justice, hesitancy and the in-between // *Journal of Organizational Change Management*. 1996. V.9. № 4. P. 24–33.
30. **Hallett T. & Ventresca M. J.** Inhabited institutions: Social interactions and organizational forms in Gouldner’s Patterns of Industrial Bureaucracy // *Theory and Society*. 2006. V. 35. № 2. P. 213–236.
31. **Karriker J. H. & Williams M. L.** Organizational justice and organizational citizenship behavior: a mediated multifoci model // *Journal of management*. 2009. V. 35. № 1. P. 112–135.

32. **Lam S. S., Schaubroeck J. & Aryee S.** Relationship between organizational justice and employee work outcomes: a cross-national study // *Journal of organizational behavior*. 2002. V. 23. № 1. P.1–18.
33. **Leventhal G. S.** What should be done with equity theory? New approaches to the study of fairness in social relationships // ERIC: Institut of Education Sciences. Available at: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED142463.pdf> (accessed on August 15, 2016).
34. **Rioli L. & Savicki V.** Impact of fairness, leadership, and coping on strain, burnout, and turnover in organizational change // *International Journal of Stress Management*. 2006. V. 13. № 3. P. 351–377.
35. **Schminke M., Ambrose M. L. & Cropanzano R. S.** The effect of organizational structure on perceptions of procedural fairness // *Journal of Applied Psychology*. 2000. V. 85. № 2. P. 294–304.
36. **Stiglitz J. E.** *The Roaring Nineties: seeds of destruction*. London: Allen Lane. 2003. 389 p.
37. **Thau S., Bennett R. J., Mitchell M. S. & Marrs M. B.** How management style moderates the relationship between abusive supervision and workplace deviance: An uncertainty management theory perspective // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2009. V. 108. № 1. P. 79–92.
38. **Waltz K. N.** *Theory of international politics*. Waveland Press, 2010. 251 p.
39. **Yang J., Mossholder, K. W. & Peng T. K.** Procedural justice climate and group power distance: an examination of cross-level interaction effects // *Journal of Applied Psychology*. 2007. V. 92. № 3. P. 681–692.

**СЕМЬЯ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ И СУДЬБАХ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ**

*Л. И. Бершедова,
Л. П. Набатникова,
МГПУ, Москва*

В статье обозначены вопросы обусловленности образа семьи, брачно-семейных представлений социально-историческими условиями и конкретными взаимоотношениями в родительской семье. В истории жизни писательницы Н. Н. Берберовой, более известной за рубежом, чем в России, акцентированы детерминанты построения брачно-семейных основ своей жизни. Устанавливается взаимосвязь между детскими наблюдениями, впечатлениями, воспоминаниями и личным выбором модели семейной жизни.

Ключевые слова: семья; система; семейные ценности; семейные функции; брак; эмиграция; личность; брачно-семейные представления.

**FAMILY IN THE SYSTEM OF VALUES AND IN THE FATE AND FORTUNES
OF THE FIRST WAVE OF THE RUSSIAN EMIGRATION**

*L. I. Bershedova,
L. P. Nabatnikova,
MCU, Moscow*

In the article the light is focused on the issues of dependence of marriage and family concepts on the social and historical conditions and particular relationships in the parental family. In the life story of the writer, which is better known abroad than in Russia, the initiating causes of building of family and marriage basics of her life is emphasized. The relation is established between childish observations, impressions, memories and personal choice of the model of family life.

Keywords: family; system; family values; family functions; marriage; emigration; personality; marriage and family concepts.

Введение

Духовно-нравственное развитие и воспитание личности начинается в семье. Ценности семейной жизни, усваиваемые ребенком с первых лет жизни, имеют непреходящее значение для человека в любом возрасте. Взаимоотношения в родительской семье проецируются на отношения в обществе и составляют основу собственных семейно-брачных представлений и поведения человека [3: с. 22].

Образ семьи, формирующийся на протяжении детства, отражает и интегрирует широкую палитру отношений родительской и прародительской семей, их событийное многообразие, эмоциональную вовлеченность, интенсивность переживаний и, таким образом, оказывает влияние на построение собственной семьи человека. На основе анализа многочисленных современных исследований, посвященных межличностным отношениям

в семье, можно утверждать, что родительская и прародительская семьи могут в значительной мере определять отношение ребенка и подростка к феномену семьи, и в частности, к своей будущей семье.

Каждый исторический период порождает ситуации, диктующие поведение и переживания человека, обусловленные необходимостью брачного выбора и создания семьи. Особенно ценны впечатления человека талантливого, с выраженной индивидуальностью, жизнь которого проходила под знаком социального и экономического переворота, «пересоздания жизни, ее материального переустройства» [4: с. 309].

В связи с этим мы обращаемся к биографическим фактам и размышлениям о феномене семьи писательницы и литературоведа Нины Берберовой, чьи воспоминания о детстве, семье, жизненных смыслах и брачно-семейных отношениях отражены в ее автобиографии и прозе.

Уникальность личности и таланта писательницы подтверждает факт отношения к ней Жаклин Онассис-Кеннеди. После ее смерти во всех некрологах упоминалось, что, посвятив последние годы жизни труду издательского редактора, вдова американского президента совершила настоящее открытие и сделала американским читателям просто бесценный подарок, а именно, издала на английском языке раннюю художественную прозу Н. Н. Берберовой. Это не единственный пример, подтверждающий значимость писательницы в мировой литературе.

Н. Н. Берберова (1901–1993) — русская писательница, эмигрантка первой волны, впоследствии профессор американского университета. Она относится к лучшим эмигрантским писателям. Изначально в литературу вошла через поэзию. Писательница большую часть жизни прожила во Франции и в США, близко знала многих своих выдающихся современников, составивших славу русской литературы XX века: И. Бунина, М. Горького, А. Белого, В. Ходасевича, Е. Замятина, В. Набокова и других. Нина Берберова своей поэзией и прозой дала литературе некий русский импульс, внесший в нее новый смысл и связавший ткань времен. Ее известные произведения неизменно обращены к России: «Чайковский» (1936), «Бородин» (1938), «Блок и его время» (1948) и др. Ей принадлежат романы «Последние и первые» (1930), «Повелительница» (1932), биография Закревской-Бенкендорф-Будберг «Железная женщина» (1981), монография о русском масонстве «Люди и ложи» (1990). Берберова была членом редакции эмигрантского литературного альманаха «Мосты» в период 1958–1968 годов.

Жизнь Нины Берберовой в родительской семье: отношения, переживания, размышления

Нина Николаевна Берберова родилась в Санкт-Петербурге в 1901 году в интеллигентной семье, объединявшей два старинных рода — армянский и русский. Ее отношение к понятию семьи формировалось на основе наблюдений и общения с ближайшими

родственниками — родителями и обеими прародительскими семьями.

Родственники — источник семейной культуры и основа формирования образа семьи. Мать писательницы из русской православной семьи тверских помещиков. Отец из армянской семьи. Родители жили в счастливом браке. Они любили друг друга всю жизнь и не расставались никогда, «пока смерть не развела их», как пишет Берберова. Отношение самой Берберовой к родителям было неодинаковым. Так, отношение к матери было амбивалентным. Свою мать она то любила, то отказывала ей в этом чувстве. Дело в том, что мать не желала стать человеком нового века, и дочь не могла ей этого простить, поскольку сама была очень адаптивной, стремилась «приноровиться» к событиям и людям. Возможно, у матери сложились слишком консервативные представления о детско-родительских отношениях, в которых главным содержанием была защита ребенка, но дочь с самого детства в этом не нуждалась. Реализация воспитательной и эмоционально-терапевтической функций матери не удалась. Эмоциональных связей, общих переживаний с дочерью не было. Приводим пример из книги самой Берберовой, где дается описание детских впечатлений о присутствии матери у постели заболевшей дочери зимним петербургским вечером. Рядом с кроватью на столике все атрибуты болезни — чай с лимоном, лекарства. Мать сидит рядом на стуле, но девочке хочется, чтобы она скорее ушла, освободила от своего присутствия — тогда можно чувствовать себя свободной, т. е. читать книгу, думать о том, что «жизнь огромна и прекрасна». Эмоциональное напряжение снимается вместе со вздохом облегчения — освобождение наступает, когда звонит телефон и мать выходит из комнаты. Появляется возможность для самостоятельных действий, самоанализа, «смотрения внутрь себя» [1: с. 29].

Отца писательница любила. Он не был для нее олицетворением власти, авторитета, требовательности и сильной воли. Вместе с тем в нем не было ничего вялого, безвольного и слабого. Отец окончил физико-математический факультет Московского университета, служил в Министерстве финансов, был светским любимцем, до старости отличался

Н. Н. Берберова в юности

элегантностью. Он казался воплощением мужского начала, красивым человеком и цельной личностью. В конце 1930-х годов его случайно встретил на Невском режиссер Козинцев и, увидев в нем уже тогда редкий типаж, предложил ему сыграть небольшую роль человека прошлого с трагической судьбой. Берберова вспоминает, что отец не пытался охранять ее, защищать, направлять, приказывать, и «это-то делало его для меня таким драгоценным» [1: с. 59]. Женщины в детстве Берберовой прежде всего проявляли над ней власть, пытались руководить, указывали, что делать, и все это с лучшими намерениями. Желание взять девочку под крылышко, т. е. опека, пугало ее более всего, и она старалась отстраниться от этого «крылышка» и их заботы. Другое дело отец, с которым всегда можно было говорить о чем-то интересном и существенном и выражать равное удивление перед миром и людьми. Отца радовала самостоятельность дочери, расцвет ее юности. К отцу, впоследствии погибшему в СССР в эвакуации во время Великой Отечественной войны, она неизменно относится с благодарностью и дочерней нежностью.

Мать Нины Николаевны — носительница традиционного поведения и служения женщины семье.

Однако опыт матери сравнивается со старым башмаком, который не хочется надевать. Башмак — это «общедоступный лиризм», организация жизни в семье, традиции, эстетические интересы, чуждые дочерям. Оказывается, что опыт матери не годится, как старый

башмак. Матери мечтают, рассуждает Берберова, что дочери вслед за ними обязательно вступят в этот «разношенный башмак, во все эти романсы и нюансы, а уж наши дети окончательно благополучно устроятся среди них» [1: с. 50]. Однако дочери отказываются пользоваться этими «благами». Жизненный опыт родителей не усваивается целиком как интроект, но подвергается сомнению и в ряде случаев признается устаревшим. Следует признать факт обесценивания жизненного опыта родителей, что характерно и для более поздних периодов, и в частности для настоящего времени [2].

Берберова сравнивает семейное «гнездо» с муравейником в пользу последнего, так как чувствовать себя свободным и необремененным ничьим покровительством в «гнезде» нельзя, а в муравейнике можно. Значит, из «гнезда» надо бежать, покидать его как можно раньше, чтобы сохранить свою индивидуальность, развитию и воплощению которой препятствует «гнездо». Участие в семейных праздниках по признанию Берберовой не приносит радости. Рождественские елки, объединявшие всех членов семьи, тоже не нравились. Хлопушки, свечи, бумажные ангелы с розовыми лицами навевали на нее скуку. «Искусственная экзальтация в России, необходимость вместе со всеми любоваться и восхищаться вместо того, чтобы быть свободным» [1: с. 49], т. е. следовать своей индивидуальности, не быть конформной. «Гнездо» остается ненавистным символом покровительства и защиты от жизненных катастроф, обид, печалей, на которые, по ее убеждению, просто необходимо эмоционально реагировать, чтобы отразить свой опыт в писательском творчестве. «Гнездо» препятствует получению опыта.

Обращаясь к роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина», Н. Н. Берберова объясняет, что Кити «вместе с ее “гнездом” была мне более далекой, чем дикари с островов Полинезии» [1: с. 51]. С двенадцати лет писательница берет под сомнение диалог Наташи Ростовской с Соней в окне ночью, нечаянно подслушанный князем Андреем, который ночевал в Отрадном. Она полагает, что это «дымовая завеса, поэтическая доза, впрыснутая Толстым в семейный роман» [1: с. 51]. Девочка-подросток намерена войти во взрослую реальную

жизнь «без двусмысленных значений, без миморных импровизаций, подернутых флером взглядов, вздохов, намеков» [1: с. 51]. Собственная реальная жизнь представлялась настолько захватывающей, что не позволяла «прятаться за чужие спины», однако Берберова допускает исключения из понимания семьи как «гнезда», и со временем этих исключений она замечает все больше и чаще. Вместе с тем в текстах есть только упоминание о существовании таких семей и нет их развернутых характеристик.

Ненависть к «гнезду», к семейственности обусловлена отсутствием потребности в защите, в расположенности близких, в их участии. Причинами являются личностные особенности, выразившиеся в крайней самостоятельности, независимости, стремлении к самоутверждению. Вероятно, ненависть к семейным ценностям обусловлена обстоятельствами и взаимоотношениями в родительской, а главное — в прародительской семье.

Эмоциональный контекст отношений Нины Берберовой с прародительской семьей

Мы исходим из того, что прародительская семья может оказаться доминантным фактором в формировании у детей и подростков отношения к своей будущей семье.

Российские и зарубежные авторы отмечают большую значимость роли бабушек и дедушек в воспитании детей и формировании представлений о семье. Прародители имеют достаточную связь с взрослыми детьми и внуками даже в тех случаях, когда пожилые родители живут отдельно от семьи взрослых детей. Внуки запоминают модели поведения. Эмоциональное отношение бабушек и дедушек является началом представлений о семье, взаимосвязи между поколениями.

Дед Берберовой со стороны матери — тверской помещик, уездный предводитель дворянства — имел вторую семью. Об этом Берберова сообщает так: «Он приказывал закладывать тарантас и уезжал на неделю. Возвращался он как-то незаметно, проходил к себе в кабинет и с слегка виноватым видом являлся в столовую. С женой он разговаривал

мало. Много позднее я узнала, что в Новгородской губернии у него была вторая семья; женщина намного моложе него, которую он любил, и трое детей. Я была счастлива узнать об этом» [1: с. 40].

Одна из сестер деда — Ольга Дмитриевна — была для Берберовой «каким-то подобием Анны Карениной». Будучи замужем за князем Ухтомским, она «сошлась с другом, родила от этого другого сына, уходила от мужа, возвращалась к нему, ездила за границу и не получала развода. Сын другого носил фамилию мужа, и этот муж, хоть и узнал, что сын не его, не отдавал ей мальчика и мучил их всячески. Эта нелепая и тяжелая история кончилась тем, что в конце концов все умерли после страданий, позора, скандала и потери средств к существованию» [1: с. 38].

Вторая сестра деда, Алина, имела другую судьбу. Она никогда не была замужем. «Стриженная под гребенку, носившая мужскую одежду», бесцеремонная, «она была в полном смысле слова посмешищем прислуги» [1: с. 39]. Берберова прямо указывает, что обе сестры деда приглашались бабушкой в дом только в том случае, если не было других гостей. Получается, что ближайшие родственницы никак не могли демонстрировать приверженность семейным ценностям.

В этом же ряду воспоминания Берберовой о семье отца. Дед со стороны отца — успешный врач и по своей сущности европеец. В его дом всегда приезжали гостить писатели и поэты, публицисты, общественные деятели и даже каталикос — глава армянской церкви.

Дед носил черный с иголки сюртук и белый атласный галстук и был одним из первых врачей, предложивших диету и принцип «чем меньше есть, тем лучше». Желудок деда, т. е. бабушку Н. Берберовой, катали в кресле по причине мнимой болезни. Даже за границу она ездила со своей верной прислужницей, все в том же кресле. Вспоминая этот дом и жизнь в нем, Н. Берберова сомневается в том, что бабушка была разбита параличом. «Она, вероятно, сознавала, что если она встанет, иначе говоря выздоровеет, ей придется опять исполнять все дедушкины капризы», следить за прислужкой, принимать

гостей, «кормить обедами сорок человек зараз, выписывать из Парижа туалеты, входить в семейные и денежные дела семьи». Бабушка, по мнению Н. Берберовой, нашла выход: «притворилась, что ее хватил паралич, и теперь жила в свое удовольствие». Так был найден единственный способ отойти от семейных дел, которые казались слишком утомительными. Берберова рассуждает: «она просто переутомилась за долгую жизнь и ей все надоело» [1: с. 54].

Бабушка отказалась взять на себя ответственность за выполнение семейных функций, свойственных женщине.

Исходя из приведенных характеристик, можно прийти к заключению о том, что прауродительская семья наряду с родительской приобретают для подрастающего поколения мотивационное значение в построении своей индивидуальной модели будущей семьи.

На основе опыта и впечатлений, полученных в детстве и отрочестве, юная Нина Берберова входит в ту пору своей жизни, когда требуется осознать и применить собственную модель брачно-семейных отношений.

Брачно-семейные отношения Нины Берберовой

Из России, куда она сможет вернуться только через 67 лет, Нина Берберова уезжает вместе с Ходасевичем в 1922 году, расставаясь навсегда с родителями. В. Ф. Ходасевич (1886–1939) — поэт, критик, автор биографии Державина, мемуарист и переводчик. Почти через 40 лет после смерти был реабилитирован в России.

В 1964 году Филипп Радли — гарвардский аспирант по классу русской литературы — написал диссертацию о творчестве Ходасевича. Автобиографическая повесть Ходасевича «Младенчество» в 60-е годы прошлого века была признана одной из лучших вещей, написанных в эмиграции. Берберова и Ходасевич окончательно перебираются в Париж в 1925 году и там вместе начинают жизнь «людей без Родины», получивших документ «апатридов» [1: с. 258], не имеющих постоянного места работы и постоянного заработка.

Н. Н. Берберова и В. Ф. Ходасевич

Их объединяет право работать «свободно», как люди «свободных» профессий, «то есть сдельно, такое нам ставят клеймо» — вспоминает Берберова. Они научаются все делить пополам; каждую копейку, каждую обиду издательских домов и даже бессонницу. Причем Берберова в этот период, когда оба старались плыть «против течения», никогда не обижалась на Ходасевича, когда он «плакал и ломал руки» из-за критики литературных чиновников и невыносимо скудного материального положения.

Можно предположить, что главным связующим звеном между Берберовой и Ходасевичем была любовь. Они были счастливы, когда удалось найти квартиру и перебраться туда из дешевой гостиницы. Обретенное жилище становится их первым домом. Ощущение времени исчезает. Берберова, будучи не слишком опытной хозяйкой, старается наполнить этот дом полезными предметами: «как муравей я волочу то стол, то книжную полку, но есть уже уют, есть два стула, сковорода и метла» [1: с. 265]. Так она осуществляла хозяйственно-бытовую функцию в семье. Но «быта» все равно не было, казалось, что они в нем не нуждаются. Оба не умели готовить. И это не отягощало их жизни, поскольку это была жизнь вдвоем, в которой было чувство свободы, искренности и понимания.

Они вместе прошли через голодный Петербург 1922 года, Германию, Италию и Францию. Это был любовный и творческий

союз двух разных по возрасту и по системе человеческих ценностей людей. В книге страницы, посвященные Ходасевичу, являются лучшими и наиболее проникновенными. Безусловно, только влюбленная женщина могла так сочувствовать больному Ходасевичу и так самоотверженно заботиться о нем. Она не оставляла его одного дома больше, чем на час, потому что он мог открыть газ или выброситься в окно. Она хотела освоить профессию наборщицы и работать в типографии, но не сделала этого, потому что нельзя мужа бросить одного в квартире. Другой пример, она отправляется к двоюродной сестре — там же в Париже, в 1926 году, чтобы занять для истощенного болезнью Ходасевича две простыни.

Вероятно, умение заботиться о близком человеке, нуждающемся в помощи, обусловлено примером и моделью поведения матери, хотя в детстве Нина находила это излишним и даже досадным. Она продолжает заботиться о Ходасевиче даже после расставания с ним в 1932 году, т. е. не уходит навсегда из его жизни, а перестает быть его женой, когда это становится не по силам. Она пишет, что, однажды вернувшись домой после двух недель отсутствия, вдруг заметила, что «моя чугунная порода собирается дать трещину. Не жизнь собирается треснуть — до этого было еще далеко, — но я сама». Наконец приходит понимание, что разрыв неизбежен. «Я не могу жить с одним человеком всю жизнь, не калеча себя» [1: с. 395].

Чувство свободы и одновременно чувство связанности были свойственны Нине Берберовой в эти годы. Первое было в тесной зависимости от молодости, внутреннего роста, писательского труда, Ходасевича и их общего парижского «дома». Чувство связанности порождало тоску и страх перед бедностью у обоих. Они чувствовали зависимость друг от друга и не скрывали этого. Однако уже тогда Берберова как «жена» увидела существенные различия в отношении к реальности, к ценности самой жизни. Ходасевичу сквозь материальный мир и реальные события видится другой, наполненный бесконечным смыслом, созданный им самим, зеркальный мир отражений и значений. Для нее существует только единственный материальный мир, в котором она находит все необходимые координаты. Будучи уверенной,

что в самом человеке заключен потенциал, т. е. «мое содержание» [1: с. 266], позволяющий «иметь стремление быть современным образованным человеком в гармонии с собой и в гармонии с дисгармонией страшного мира» [1: с. 266].

Творческая адаптация, свойственная Берберовой, есть залог сохранения личностной целостности в грозное время двадцатых и тридцатых годов прошлого столетия. Именно благодаря жизнеутверждающим мотивам «в себе можно найти то, на чем можно (и нужно стоять), да еще прихватив другого кого-нибудь, прижав его к себе, помогая ему не соскользнуть, не обещая ему вечности, но обещая возможность последних пределов реальности, которых он ищет. И обещая ему память — наперекор времени» [1: с. 266]. Этим другим, которого нужно поддерживать, в то время был Ходасевич. Он неоднократно повторял, что его жену «нельзя разрушить» даже в условиях жестких законов их политического, социального и индивидуального бытия.

Вместе с тем он видел в ней проявления слабости, неуверенности в себе; она втайне боялась людей, и тех, кому не нравилась, и тех, кому нравилась, хотя очень стремилась к общению, боялась также бедности и болезней мужа. Десять лет жизни вдвоем, когда оба думают о себе, как о «мы», показали уникальность их союза и, как отмечает Берберова, «неприложимость нормальных мерок к нашей жизни» [1: с. 387]. Так, в семейном опыте этих двух талантливых людей отсутствуют некоторые негативные черты, характерные для семейной жизни многих пар. Их концепция любви и семьи основана на ласковом примирительном слове, способности вместе думать о своем существовании и личностном становлении. «Мы оба и существуем, и становимся на глазах друг у друга. Существоем вместе и становимся вместе — по-своему каждый» [1: с. 389].

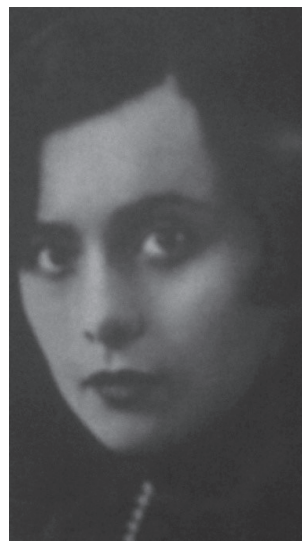
Прежде всего, полностью отсутствует конкуренция между «ею» и «им», что бывает всегда и у всех (или весьма часто и у многих). Они люди одной профессии, но у Берберовой не возникает мотива профессионального доминирования или превосходства по отношению к мужу, борьбы за первенство нет. Она утверждает, что

«не было мысли о возможности хотя бы когда-нибудь для меня сравняться с ним. Я иду за ним, как ходят женщины на шаг позади мужчины в японском кино, и я счастлива ходить на шаг позади него» [1: с. 387].

Вместе с тем признание литературных достижений и первенства мужа не препятствует ее индивидуальному самовыражению в профессии и жизненных ситуациях. Она остается преданной своей главной ценности — быть свободной. Среди особенностей семейной жизни решительное отсутствие традиционного «женского» взгляда на мужа как на добытчика, т. е. ответственного за экономическое благополучие семьи. Оба зарабатывали, что могли, заработков не скрывали, и деньги были общими. Ни разу у нее не возникало мысли, что он — «кормилец»: не все ли равно, кто «добывает»? Берберова рассуждает: «Мне даже кажется, что главным добытчиком должна была бы быть я; я сильнее, здоровей, моложе, выносливей, я могу делать многое, чего он не может, и сносить многое, чего он не в силах сносить. И я умею делать многое, чего он не умеет» [1: с. 388]. Они два товарища, два друга, попавшие в общую беду, поэтому в равной степени ответственны за экономическую функцию семьи. Наконец, в содержании их любви и семейных отношений полностью отсутствует намерение обижать друг друга «ни тогда, когда мы вдвоем, никогда мы среди людей, ни устно, ни печатно». И более того: «все, что он делает, — хорошо; все, что я делаю, — хорошо» [1: с. 388].

Нина Берберова, имевшая выраженную способность к эмпатии, безошибочно определяла малейшие изменения в эмоциональном состоянии мужа. Она видела, что его страхи и обиды не всегда реальны, большинство из них преувеличены. «Они только могли бы быть» [1: с. 390]. Ходасевич чувствовал себя в безопасности в единственном месте — дома, где есть его письменный стол, бумаги, книги, уютная печка — в общем, домашняя обстановка. В связи с этим понятию «быт» Берберова противопоставляет «домашность», которую они оба любят. Если «гнездо» ассоциируется с биологической обязанностью, то «домашность» означает индивидуальность личности, отраженную в свойственном ей предметном мире дома. Берберова умела устроить свой

дом, находясь в условиях «плановой бедности». Однажды к ним зашел Бунин и тут же воскликнул: «Смотрите, пожалуйста: петух на чайнике! Кто бы мог подумать! Поэты, как известно, живут под забором, а у них, оказывается, петух на чайнике» [1: с. 390]. Пример подтверждает блестящую освоенность традиционной функции хозяйки дома — выбирать и создавать домашний предметный мир. В отличие от «гнезда» образ «домашности» содержит возможность проявления чувства или трудности, разделенных с другим человеком, когда он приходит в «твой едва держащийся мир из своего еще не построенного или уже развалившегося мира» [1: с. 390].

Н. Н. Берберова

Однако созданная «домашность» не стала препятствием для расставания навсегда после десяти вместе прожитых лет. Неизбежность расставания Берберова осознала, исходя из анализа своих чувств в отсутствии Ходасевича. Ею овладевал «полубезумный восторг быть без него, быть одной, свободной, сильной, с неограниченным временем на руках, с жизнью, бушующей вокруг меня, с новыми людьми, wybranными мною самой» [1: с. 390]. Понимая, что ее решение окажется обескураживающим для склонного к депрессиям Ходасевича, она решает как можно скорее реализовать свое намерение, чтобы уйти «ни к кому», поскольку в другом случае переживание горя для него окажется нестерпимым.

Психологически шадящее отношение проявилось в желании не нанести слишком большой обиды Ходасевичу.

На протяжении двух последних лет их семейной жизни, когда уже стало казаться, что время остановилось, она обдумывала вариант гостевого брака, т. е. навещать мужа раз в неделю, что позволило бы ей сохранить личностную цельность и мотивацию писательского труда. Но она отвергает такой вариант брачно-семейных отношений, поскольку начинает отчетливо осознавать, что не может сделать мужа «центром мира навеки» [1: с. 395]. Берберова говорит: «Люди во мне обманываются, думая, что я скала, а я река». Писательница анализирует причины своего непостоянства. Не все считают нужным признаться в нем. Одни считают, что его нужно принять, у других возникает чувство вины. Она уверена, что «иначе и быть не может, что это следствие процесса жизни» [1: с. 395].

Используя совокупность представлений С. Л. Рубинштейна об идеалах и ценностях и далее о значении людей и событий в жизни человека, следует принять во внимание роль ценностей, определяющих поведение писательницы. Переоценку ценностей на протяжении жизни можно признать «закономерным результатом

диалектики жизни человека, изменения, перестройки его взаимоотношения с миром, прежде всего с другими людьми» [5: с. 384]. Приведенная жизненная ситуация Берберовой, события ее личной жизни демонстрирует актуализацию одних ценностей и низвержение других, среди последних оказались брачно-семейные отношения. Вместе с тем ей снился Ходасевич после его смерти в 1939 году, и самым святым местом она считала его могилу, которую неизменно посещала, когда бывала в Париже.

Заключение

Анализ творческого наследия и судеб личностей, подобных Берберовой, позволяет в психологическом плане тоньше и глубже понять источники и содержание переживаний, которые проходят через жизнь человека и во многом определяют событийный ряд и отношения, из которых выстраивается иерархия духовно-нравственных ценностей, созидание человеческой души. Жизнь человека становится величайшей ценностью, источником духовного обогащения и отражением сокровенной мудрости, проявляющейся в построении семейной жизни.

Литература

1. Берберова Н. Н. Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. 734 с.
2. Бершедова Л. И. Психологическая готовность современных старшеклассников к жизни. Петрозаводск: Карел. гос. пед. ун-т, 1996. 87 с.
3. Набатникова Л. П. Роль семьи в формировании нормативных характеристик личности // Современные психолого-педагогические подходы к воспитанию терпимости и социальной компетентности по преодолению асоциального поведения в условиях интегрированного школьного образования: сб. статей / отв. ред. Э. Н. Рычихина, Л. Ю. Овчаренко. М.: Перо, 2016. С. 22–27.
4. Паустовский К. Г. Наедине с осенью. Портреты, воспоминания, очерки. М.: Советский писатель, 1972. 446 с.
5. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

References

1. Berberova N. N. My emphasis. Autobiography. M: Soglasiye, 1996. 734 p.
2. Bershedova L. I. Students' psychological readiness for life. Petrozavodsk: KSPU, 1996. 87 p.
3. Nabatnikova L. P. The role of a family in the formation of moral characteristics in personality // A collection of articles. Modern psychological and pedagogical approaches to the promotion of tolerance and social competence in overcoming antisocial behaviour in terms of integrated schooling / ed. by E. N. Richikhina, L. Y. Ovcharenko. M.: Pero, 2016. P. 22–27.
4. Paustovsky K. G. With an autumn alone. Portraits, memories, essays. M.: Sovetsky pisatel, 1972. 446 p.
5. Rubinstein. S. L. Being and consciousness. A man and the world. St. Petersburg: Piter, 2003. 512 c.

ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ ЛИЧНОСТИ И МОТИВАЦИИ

Р. С. Немов,
МГПУ, Москва,
И. Р. Алтунина,
МИП, Москва
Д. А. Яценко,
МосГУ, Москва

В статье ставится и обсуждается вопрос о возможности отождествления психологических теорий личности и мотивации. Анализу подвергаются зарубежные теории личности, представляющие психоаналитическое, гуманистическое, факторно-аналитическое и когнитивное направления. Показано, что соответствующие теории личности не могут претендовать на то, чтобы называться полноценными теориями мотивации.

Ключевые слова: мотивация; личность; теории мотивации; теории личности.

GENERAL AND DIFFERENT
IN PSYCHOLOGICAL THEORIES OF PERSONALITY AND MOTIVATION

R. S. Nемов,
MCU, Moscow
I. R. Altunina,
MIP, Moscow
D. A. Yatsenko,
MUN, Moscow

The article raises and discusses the question on the possibility to equate psychological theories about personality and motivation to each other. The analysis focuses on foreign personality theories, representing psychoanalytic, humanistic, factor and analytic and cognitive areas. It is shown that personality theories can't be equated to motivation theories.

Keywords: motivation; personality; motivation theory; personality theory.

Введение

Теорий личности создано большое количество, в то время как теорий мотивации сравнительно мало. Вместо них в научной литературе под названием «теории мотивации» нередко представляются теории личности. В этой связи возникают два вопроса:

1. Можно ли ставить знак равенства между теориями личности и теориями мотивации?

2. В состоянии ли разработанные теории личности компенсировать дефицит теорий мотивации?

Эти вопросы обсуждаются в статье применительно к теориям личности, созданным в русле психоаналитического, бихевиористского, гуманистического, факторно-аналитического и когнитивного направлений.

За основу обсуждения взята известная формула мотивации, предложенная К. Левином [5]:

$$B = f(P, E),$$

где: *B* — объясняемое поведение (англ. *behavior*),

P — личностные особенности человека (англ. *personality*),

E — социальное окружение или обстановка, в которой человек в данный момент времени находится (англ. *environment*).

Эту формулу мы называем формулой мотивации, а не поведения по трем причинам. Во-первых, правая часть данной формулы содержит факторы, участвующие в мотивации поведения человека. Во-вторых, эту формулу не нужно воспринимать как строгое математическое выражение. Она, скорее, представляет собой формально-математизированную метафору. В-третьих, символ «*f*», стоящий перед скобками в правой части формулы, —

это не переменная величина, а математико-логический оператор, указывающий только на то, что поведение человека зависит от его личности и социального окружения.

Пользуясь понятием «мотивационный потенциал», введенным в научный оборот Б. Н. Рыжовым, правую часть данной формулы можно было бы обозначить как мотивационный потенциал [9]. Наличие представления о мотивационном потенциале и его содержательное раскрытие можно использовать в качестве критерия, отличающего теории мотивации от теорий личности.

Далее, исходя из указанного выше соображения, приводятся аргументы в пользу того, почему большинство теорий личности, созданных за рубежом, нельзя рассматривать как полноценные теории мотивации.

Проблемы мотивации в зарубежных психологических теориях личности

Истории психологических исследований личности и мотивации во многом совпадают. Обе группы проблем — личностные и мотивационные — возникли и привлекли к себе внимание примерно в одно и то же время и на протяжении многих веков, начиная с Древней Греции, разрабатывались параллельно, но с различной расстановкой акцентов. В исследованиях личности в центре внимания находились вопросы, касающиеся природы и происхождения личности, ее строения, формирования и развития, в то время как в научных трудах, посвященных мотивации, на первый план выходили способы объяснения поведения людей и животных. В начале XX века психология личности и мотивации стали отдельными, самостоятельными отраслями общей психологии и уже около века разрабатываются отдельно.

Психологи, которые занимаются изучением проблематики теории личности, исходят из предположения, что знание личностных особенностей человека является необходимым условием научного объяснения его поведения, и это объединяет их научные изыскания с разработками, которые касаются мотивации.

Те, кто интересуется мотивацией, также обращаются к изучению личности, поскольку личность в ее психологическом понимании выступает как главный внутренний, психологический «мотиватор» поведения. По указанным причинам психологи, рассматривая мотивацию и личность, зачастую представляют и обсуждают в своих работах одни и те же научные понятия и теории, но под разными углами зрения [12; 14; 15].

Психологические исследования личности и мотивации до сих пор в значительной части своей проблематики пересекаются. Свойства личности превратилась в то, что связало современную психологию личности и мотивации. В этой связи представляет интерес обсуждение вопроса о том, каким образом в теориях личности нашла отражение проблематика мотивации¹.

В течение XX века в психологии личности сложились следующие направления ее изучения: психоаналитическое, гуманистическое, бихевиористское, факторно-аналитическое и когнитивное. Каждое из них представлено совокупностью авторских теорий личности: психоаналитическое — теориями З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, К. Хорни, Э. Фромма и др.; гуманистическое — А. Маслоу, К. Роджерса, В. Франкла и др.; бихевиористское — Б. Скиннера и А. Бандуры; факторно-аналитическое — Г. Олпорта, Р. Кеттелла, Г. Айзенка и др., когнитивное — Д. Келли, Д. Роттера и др. [1; 2–8; 10; 11; 13; 16–18]. Обсудим, как перечисленные авторы, за исключением бихевиористов², представляют и описывают личностные составляющие мотивации человека.

¹ Постановка и решение противоположной задачи — об отражении мотивационной проблематики в теориях личности — представляется пока преждевременной по причине того, что по количеству и основательности разработки психологические теории мотивации уступают теориям личности.

² Бихевиористские теории мы обсуждать не будем, потому что мотивация в ее классическом психологическом понимании в этих теориях не представлена. Известно, что даже современные бихевиористы стараются не использовать в своих учениях психологический понятийный аппарат, в том числе понятие «личность», и предпочитают объяснять поведение человека на основе научения.

Согласно учению З. Фрейда поведение человека мотивировано тремя личностными образованиями: Ид (инстинктами), Эго (представлением о себе) и Супер-Эго (усвоенными ценностями и социально-культурными нормами). Поскольку между этими составляющими личности существуют сложные и противоречивые отношения, то регулируемое ими поведение человека также выступает как конфликтное и непоследовательное, управляемое главным образом со стороны процессов, которые происходят в личности человека на бессознательном уровне.

Такое понимание детерминации поведения не нашло отражения в современных психологических теориях мотивации, так как его трудно соотнести с классической формулой мотивации по К. Левину. Если это все же попытаться сделать, то можно столкнуться со следующими проблемами. Переменную величину Р в формуле Левина в этом случае придется отождествить с Ид, Эго или Супер-Эго, а они, согласно теории Фрейда, сами находятся друг с другом в антагонистических отношениях. Личность в современных теориях мотивации — это нечто единое, непротиворечивое и потенциально неконфликтное. Переменная величина Е в теории Фрейда, если ее включить в процессе полноценно понимаемой мотивации, в этом случае приобретает почти исключительно негативный оттенок, так как положительную роль общества в развитии человека как личности Фрейд отрицал. В итоге вместо целостного представления о внутренне согласованной мотивации поведения человека мы будем иметь дело с множеством неразрешимых противоречий. Ни в одной теории мы с такой ситуацией не сталкиваемся. Кроме того, подобному представлению о мотивации поведения человека не соответствует в целом спокойная, внутренне малоконфликтная жизнь абсолютного большинства людей.

Теория личности, предложенная К. Юнгом, будучи близкой по содержанию к концепции Фрейда, позволяет представить процесс мотивации поведения человека как менее противоречивый. Это достигается благодаря тому, что к индивидуальному бессознательному (Ид, по Фрейду) Юнг добавляет коллективное

бессознательное. Самосознание (Эго, по Фрейду) в его теории представлено двумя, также не находящимися в открытом конфликте друг с другом личностными образованиями — персоной и самостью. Тем не менее и в данном случае остается неясно, как такое представление о личности можно соотнести с мотивацией поведения, ориентируясь на формулу К. Левина. Эту неопределенность можно объяснить тем, что Юнг, выделив и описав названные выше составляющие личности, не указал, каким образом они могут взаимодействовать друг с другом и социальным окружением.

По-другому, чем З. Фрейд и К. Юнг, представил и описал личностную составляющую мотивации поведения человека А. Адлер, сделав это менее противоречивым образом. В мотивации поведения человека Адлер уравнивал в правах сознание и бессознательное. Мотивационные составляющие, относящиеся к сознанию, в его теории стали не менее существенными, чем компоненты, связанные с бессознательным. Это — жизненная цель, стиль жизни и социальный интерес. Именно они, по Адлеру, выступают как главные «мотиваторы» социального поведения человека. По данной причине некоторые современные историки психологии личности и мотивации относят учение Адлера не только к психоанализу, но и к гуманистическим теориям личности.

К. Хорни, оппонируя З. Фрейду в его понимании личности, признает существенную роль социальных факторов в развитии личности и обращает внимание на мотивацию социального поведения человека, выраженную в понятиях «стремление к людям», «стремление от людей» и «стремление против людей». Тем не менее и учение К. Хорни, рассматриваемое как теория мотивации, остается односторонним и неполным. В динамике управления поведением человека в данном учении принимаются в расчет в основном внутрличностные образования («базальная тревога»), а внеличностным, социально-психологическим влияниям отводится роль дополнительных факторов-стимулов, участвующих в генезисе соответствующих личностных образований, но не в регуляции реально наблюдаемого поведения человека.

Э. Фромм, во многом солидаризируясь с Хорни в признании роли социальных влияний на формирование и развитие человека как личности (имеется в виду та часть теории Фромма, которая касается происхождения и классификации социальных характеров людей), идет дальше и вводит в научный оборот социальные факторы в их воздействии на поведение человека. Люди с разными типами социальных характеров в различных социальных системах ведут себя по-разному, и сама система через характер человека мотивирует его поведение.

Подводя итог рассмотрению психоаналитических теорий личности как теорий мотивации, можно сделать следующие выводы. Вклад авторов соответствующих теорий в разработку проблематики теории мотивации заключается, прежде всего, в акцентировании внимания на бессознательных детерминантах поведения и на связанной с ними внутренней динамике личности (переменная *P*). Вместе с тем в этих же теориях недостаточно внимания уделяется второй важнейшей составляющей классической формулы мотивации — ситуации или обстановке (переменная *E*).

А. Маслоу, являясь одним из основателей гуманистического направления в изучении личности, одновременно выступает как автор известной не только в психологии, но и за ее пределами (в экономике, науке управления, социологии) теории личности и мотивации. Ключевой составляющей соответствующей теории и вытекающего из нее представления о мотивации поведения человека является известная пирамида потребностей, по А. Маслоу, а условием оптимизации мотивации — создание для работников организаций таких условий, которые способствуют их продвижению по пути к самоактуализации.

Гораздо меньшее внимание, чем «пирамиде потребностей», в теории мотивации поведения человека, по Маслоу, было уделено введенному им в научный оборот понятию «пиковое переживание». Оно проявляется в полной удовлетворенности человека собой и своими успехами, в переживании благополучия и счастья. Пиковое переживание также способно мотивировать деятельность человека со стороны его личности. В этой же теории

не в полной мере учитываются факторы, которые относятся к социальному окружению человека (*E*), и весь процесс мотивации сводится, по существу, к динамике потребностей человека, т. е. к личности (*P*).

Другой представитель гуманистической психологии, К. Роджерс, введя в научный оборот понятие Я-концепции, продемонстрировал, каким образом оно может мотивировать поведение человека. Если Я-концепция человека является адекватной, если имеет место согласованность между различными составляющими Я-концепции — образами Я, самооценкой, уровнем притязаний, — то это становится условием оптимизации мотивации поведения, его превращения в последовательное, непротиворечивое и социально адаптивное. В случае несоответствия Я-концепции человека действительному положению дел, в частности его реальным успехам и неудачам в прошлом, настоящем или будущем, а также его положительным или отрицательным личностным качествам, мотивация может превратиться в непоследовательную, противоречивую и социально дезадаптивную.

Критически оценивая вклад теории личности К. Роджерса в психологию мотивации, можно высказать следующее замечание. Представление о мотивации, ограниченное Я-концепцией, это также неполное представление о ней. В данной теории, как и в других, рассмотренных выше, внеличностные, социально-психологические, факторы мотивации не представлены. Кроме того, и многие внутренние, собственно личностные мотивационные детерминанты, не связанные с Я-концепцией, в этой теории не обсуждаются.

Центральное личностное и мотивационное понятие в теории личности В. Франкла — смысл жизни. Согласно такому пониманию личности, полноценная позитивная мотивация жизнедеятельности человека возможна лишь, когда жизнь соответствующего человека приобретает для него ценность и глубокий личностный смысл. Однако тот смысл жизни, о котором говорит и пишет в своих работах В. Франкл, является с научной точки зрения слишком общим и содержательно неопределенным понятием, чтобы служить мотивом, непосредственно управляющим поведением

человека. Об этом свидетельствуют следующие три обстоятельства: во-первых, отсутствие точного научного определения смысла жизни в работах самого В. Франкла; во-вторых, не вполне последовательное использование данного понятия в теории деятельности А. Н. Леонтьева, который также приписал мотиву деятельности смыслообразующую функцию; в-третьих, дефицит и расхождения в содержании психодиагностических методик, предназначенных для изучения и оценки смысла жизни³. По указанным причинам рассматриваемую теорию личности также нельзя считать полноценной теорией мотивации. Она, кроме того, имеет недостаток, характерный для многих теорий личности: в ней недостаточное внимание уделяется внешним, социально-психологическим факторам, мотивирующим поведение человека в обществе. Люди с одинаковым пониманием смысла жизни будут вести себя по-разному в различных социальных условиях.

Теорию личности Г. Оллпорта, лежащую в основе современного факторно-аналитического подхода к изучению личности, также можно рассматривать как мотивационную. Однако в этом случае в ней, помимо указанных выше недостатков, обнаруживается противоречие, которое заключается в следующем. В данной теории предполагается — по крайней мере, так считал сам Оллпорт, доказывая в дискуссии с оппонентами, преимущественно бихевиористами, реальное существование черт личности, — что все без исключения черты личности участвуют в мотивации поведения. Далее, разделяя черты личности человека на группы, Оллпорт выделяет среди них мотивационные и инструментальные, и утверждает, что только

мотивационные черты личности могут стимулировать, направлять и регулировать поведение человека, а инструментальные — только придают ему определенный стиль. Отсюда следует, что инструментальные черты личности по определению не могут быть мотивами поведения.

Р. Кеттелл, чья теория личности появилась и стала разрабатываться после публикации теории личности Г. Оллпорта, попытается, говоря его словами, «вливать новое вино в старые бутылки». Взяв за основу учение Оллпорта о личности, он операционализировал и верифицировал понятие «черты личности» с помощью факторного анализа, придав ему математически определенный характер. Вслед за Р. Кеттеллом эту же попытку повторили Г. Ю. Айзенк и многие другие психологи и получили разные наборы факторов — черт личности, описывающих человека. К восьмидесятым годам XX века были выделены и описаны в научной литературе около 200 различных факторов, относящихся к личности человека. Приверженцы факторного анализа готовы были праздновать победу над коллегами, ограниченными в исследованиях личности качественными методами. Однако их триумф оказался преждевременным и, как выяснилось, необоснованным. Вскоре (в начале второй половины XX века) выяснилось, что знания о наличии или отсутствии у человека выявленных факторно-аналитическим способом черт личности не позволяют предсказывать его поведение, не решают задачу его объяснения. Многие попытки предсказать поведение, сделанные на основе изучения подобных черт личности с помощью соответствующих психологических тестов, например, теста Кеттелла, оказались неудачными. На вопрос о том, почему это происходит, были предложены такие ответы.

1. Математико-статистический аппарат, включая факторный анализ, ничего качественно нового к теоретическим знаниям не добавляет и заменить их не может. Теоретические знания могут быть получены только философско-аналитическим, гипотетико-дедуктивным путем и напрямую не выводимы из математико-статистического, количественного анализа. Неслучайно между Р. Кеттеллом и Г. Ю. Айзенком

³ История психодиагностики показывает, что чем точнее в науке определено то или иное понятие, тем больше имеется методик, предназначенных для изучения соответствующего ему явления. В качестве примера можно назвать многочисленные методики, используемые для психодиагностики таких познавательных процессов, как внимание, память и мышление. Вместе с тем по таким однозначно не определенным понятиям, как сознание, бессознательное и воля, надежных и валидных психодиагностических методик предложено мало.

в свое время возникла дискуссия на тему о том, что и чему должно предшествовать: анализ и обобщение экспериментальных данных — созданию психологической теории или же теория — гипотезам и задачам экспериментальных исследований. Р. Кеттелл исходил из того, что теория должна строиться на основе анализа и обобщения данных, полученных опытным путем, в то время как Г. Ю. Айзенк настаивал на том, что экспериментальные исследования должны вытекать из предварительно разработанной в форме концепции теории и быть направленными на ее опытную проверку.

2. Факторы и черты личности друг с другом содержательно несопоставимы вследствие того, что они являются результатом математико-статистического анализа. Вместе с тем остаются малочисленные специальные исследования, направленные на доказательство того, что между факторами и чертами личности имеются отношения содержательного соответствия. Неслучайно Р. Кеттелл при создании своего теста для обозначения выделенных им факторов отказался от использования тех понятий, которые традиционно применяются для описания черт личности Г. Оллпортом и другими исследователями.

3. Не менее вероятно и то, что теория черт личности не в состоянии достоверно предсказывать поведение человека, так как при его объяснении теория основывается на данных неполной формулы мотивации.

Представитель когнитивного направления в изучении личности Д. Келли в разработке своей теории исходил из того, что главной структурной составляющей личности являются личностные конструкты, и они же выступают как основные мотивы поведения человека. Данная теория личности, как и предыдущие, также не может претендовать на статус полноценной теории мотивации по следующим причинам. Она ограниченно представляет человека как личность и, следовательно, является неполной по содержанию. Представляется необоснованным прямое выведение действий и поступков человека из имеющихся в его сознании личностных конструктов. Личность — это очень сложное психологическое образование, никак не сводимое только к личностным конструктам.

Об этом убедительно свидетельствуют десятки существующих теорий личности, в каждой из которых личность представляется и описывается по-разному. Очевидно также, что в понимании мотивации, вытекающем из теории личностных конструктов Д. Келли, просматривается не раз подвергавшийся критике в отечественной научной литературе постулат непосредственности, о котором в свое время писали и говорили Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и другие. Личностные конструкты, кроме того, определяют, скорее всего, стиль, или манеру, поведения человека, но не выступают в роли его мотивов.

Иначе, чем в теории Келли, описывается основное личностное, когнитивно-психологическое образование в теории Дж. Роттера. Таким в этой теории является локус контроля, который в свою очередь может быть внутренним или внешним. Люди с внутренним локусом контроля — те, кто характеризуется как ответственные, целеустремленные, настойчивые, способные принимать и успешно реализовывать жизненно важные решения люди. Они, как правило, имеют адекватную самооценку, нормальный уровень притязаний, низкую тревожность и в основном ориентированы на достижение успехов, а не избегание неудач. Те, у кого доминирует внешний локус контроля, характеризуются противоположными личностными особенностями и формами поведения. Приведенные характеристики могут относиться не только к личности, но и к мотивации поведения человека. С точки зрения полноты представления внутренних, собственно личностных детерминант данная теория превосходит концепцию Д. Келли, но и она не учитывает внешние, не зависящие от личности факторы, мотивирующие поведение человека в различных жизненных ситуациях.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующий обобщающий вывод: большинство существующих психологических теорий личности нельзя рассматривать как полноценные теории мотивации. Разработка таких теорий должна вестись отдельно и опираться на общую

формулу мотивации К. Левина. Что касается теории личности, то имеющиеся в них идеи можно использовать для содержательного наполнения одной из двух переменных величин в формуле мотивации — Р (personality, или личности человека). Теории мотивации должны разрабатываться на основе интеграции идей о личности и поведении, представленных в общей и социальной психологии, и объединять в себе общепсихологические и социально-

психологические знания о личности. Следовательно, разработка такой теории (или теорий) — это комплексная задача, которая должна решаться совместно представителями общей и социальной психологии. Если же речь идет о мотивации поведения человека в особых жизненных ситуациях, то для разработки соответствующих теорий могут привлекаться знания из других психологических наук: возрастной, клинической, дифференциальной и т. п.

Литература

1. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: Когито-Центр, 2002. 218 с.
2. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Питер, 2002. 319 с.
3. Келли А. Дж. Теории личности. СПб.: Речь, 2000. 249 с.
4. Кеттелл Р. Б. Психология индивидуальности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. 127 с.
5. Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. 572 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. М. СПб.: Питер, 2012. 351 с.
7. Оллпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1998. 345 с.
8. Первин Л., Джон О. Психология личности. Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2001. 607 с.
9. Рыжов Б.Н. Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские технологии, 2017. С. 131–165.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
11. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. 448 с.
12. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 608 с.
13. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
14. Холл К., Линдсей Т. Теории личности. М., 2000. 719 с.
15. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. М.; СПб.: Питер, 2003. 608 с.
16. Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мея. М.: Апрель Пресс & ЭКСМО-Пресс, 2001. 215 с.
17. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 341 с.
18. Юнг К. Г. Психологические типы. М.: Университетская книга. АСТ., 1998. 716 с.

References

1. Adler A. Essays on individual psychology. M.: Kogito-Center, 2002. 218 p.
2. Bandura A. The theory of social learning. St. Petersburg: Piter, 2002. 319 p.
3. Kelly A. J. Theories of personality. St. Petersburg: Retch, 2000. 249 p.
4. Cattell R. B. Psychology of individuality. St. Petersburg: Prime-Evroznak, 2007. 127 p.
5. Levin K. Dynamic Psychology. M.: Smisl, 2001. 572 p.
6. Maslow A. Motivation and personality. M. SPb.: Piter, 2012. 351 p.
7. Allport G. Personality in psychology. M.: PCB +; SPb.: Juventa, 1998. 345 p.
8. Pervin L., John O. Psychology of personality. Theory and research. M.: Aspect Press, 2001. 607 p.
9. Ryzhov B. N. System psychology. The 2nd edition. M.: T8 Publishing Technologies, 2017. P. 131–165.
10. Frankl V. Man's search for meaning. M.: Progress, 1990. 368 p.
11. Freud Z. Psychology of an unconscious mental process. M.: Prosvesheniye, 1989. 448 p.
12. Frejger R., Feidimen D. Personality. Theories, exercises, experiments. St. Petersburg: Prajme-Evroznak, 2004. 608 p.
13. Fromm E. To have or to be. M.: Progress, 1990. 336 p.
14. Hall K., Lindsay T. Theories of personality. M., 2000. 719 p.
15. Hjell L., Ziegler D. Theories of personality. M.; SPb.: Piter, 2003. 608 p.
16. Existential psychology / ed. by R. Mey. M.: Aprel Press & Eksmo-Press, 2001. 215 p.
17. Ericson E. Identity: youth and crisis. M.: Flint, 2006. 341 p.
18. Jung C. G. Psychological types. M.: University Book. AST. 1998. 716 p.

НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ ОТ МАНИПУЛЯЦИЙ И ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЛ, ЛОКУС КОНТРОЛЯ И УВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ

В. П. Шейнов,
РИБШ, Минск, Республика Беларусь

В статье показано, что незащищенность студентов от манипуляций, их психологический пол, локус контроля и уверенность в себе связаны между собой. Незащищенность от манипуляций студентов обоего пола положительно коррелирует с показателями их феминности. Интернальность юношей и девушек положительно связана с их уверенностью в себе и с социальной смелостью. Уверенность в себе студентов-юношей и девушек положительно коррелирует с их маскулинностью. Выявлены свойства личности и связи между ними, различающиеся для юношей и девушек. Обнаружены существенные признаки феминизации юношей.

Ключевые слова: незащищенность от манипуляций; маскулинность; феминность; андрогинность; интернальность; уверенность в себе; социальная смелость; студенты; курсанты.

STUDENTS' VULNERABILITY TO MANIPULATION AND THEIR PSYCHOLOGICAL GENDER, LOCUS OF CONTROL AND SELF-CONFIDENCE

V. P. Sheinov,
Republication Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

The article shows that students' vulnerability to manipulation, their psychological gender, locus of control and self-confidence are linked together. Students' vulnerability to the manipulations of both sexes is positively correlated with the performance of their femininity. The internality of boys and girls is positively associated with their confidence and social courage. The confidence of students-boys and students-girls positively correlates with their masculinity. Some personality features and the relationships between them have been identified, which differ for boys and girls. Significant signs of feminization of boys are discovered.

Keywords: vulnerability against manipulation; masculinity; femininity; internality; self-confidence; social courage; the students.

Введение

Опасность манипуляций велика в силу большой распространенности манипулирования в современном обществе [8; 9; 12; 13]. Определенным отражением этого является то, что, как показало исследование, *92–95 % респондентов ощущают свою незащищенность от манипуляций и желают научиться защищаться от них* [9: с. 14].

Поэтому актуальна задача определять степень незащищенности индивидов от манипулирования ими. С этой целью автором был введен в научный оборот конструкт «Незащищенность индивида от манипулятивных воздействий» и разработан соответствующий тест, измеряющий этот конструкт [10]. В процессе использования этого теста на больших репрезентативных выборках показано, что ни один человек не является полностью защищенным от манипулирования им со стороны окружающих.

Поскольку манипуляции человеком могут нанести ему существенный вред, введенный конструкт важен (хотя и в разной степени) для каждого человека. Актуален он и для молодежи, ведь студенты подвергаются манипулятивным воздействиям как со стороны родителей, так и со стороны преподавателей и сверстников [9].

В силу вышесказанного, представляет интерес изучение незащищенности студентов от манипуляций, в частности, установление возможных связей этого конструкта с такими важными характеристиками личности, как социальный пол, локус контроля и уверенность в себе.

Используемые методики

Для проведения исследования были задействованы 13 учебных групп испытуемых общей численностью 290 человек: 42 студента

2-го курса специальности «Социальная педагогика» БГПУ — Белорусского государственного педагогического университета (18–20 лет, средний возраст $M = 18,2$ лет); 110 курсантов 3–6 курсов военно-медицинского факультета БГМУ — Белорусского государственного медицинского университета (19–22, $M = 20,5$ лет), 78 студентов факультета иностранных языков БрГУ — Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина (19–22, $M = 20,3$), 60 студентов юридического факультета и факультета журналистики БГУ — Белорусского государственного университета (18–23, $M = 20,6$).

Все 290 испытуемых анонимно (под шифрами) ответили на вопросы четырех тестов.

Тест «Оценка степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий» (тест В), надежность и валидность которого ранее доказана автором [10].

Соответствие определенному психологическому полу — уровни маскулинности, феминности и андрогинности измерялись с помощью вопросника Сандры Бем, адаптированного к русскоязычному социуму [2]. Для оценки параметра уверенности в себе применялась методика В. Г. Ромека [7]. Локус контроля измерялся с помощью модифицированной и адаптированной шкалы I-E Дж. Роттера — тест-опросником субъективной локализации контроля С. Р. Пантелеева и В. В. Столина [6]. Статистическая обработка данных исследования проводилась с помощью компьютерной программы SPSS (версия 13.00) [5].

Результаты и их обсуждение

Незащищенность от манипуляций в объединенной группе из 139 студентов-юношей (курсанты военно-медицинского факультета БГМУ и студенты БрГУ, БГПУ, БГУ) оказалась положительно коррелированной с показателями феминности у исследованной группы студентов-юношей — $R = ,267, p = ,005$, интернальность с уверенностью в себе — $R = ,364, p < ,001$ и с социальной смелостью $R = ,359, p < ,001$. Маскулинность положительно коррелирована с уверенностью в себе $R = ,500, p < ,001$, с социальной смелостью

$R = ,417, p < ,00$ и с инициативой в социальных контактах $R = ,270, p = ,004$.

При этом оказались положительно коррелированными уверенность в себе с социальной смелостью $R = ,478, p < ,001$ и инициативой в социальных контактах $R = ,302, p = ,001$, а последняя — с социальной смелостью — $R = ,323, p = ,001$. Положительные корреляции вполне соответствуют смыслу этих переменных и взаимно подтверждают друг друга. Это же подтверждается и мнением мэтра валидизации Д. Т. Кэмпбелла, утверждавшего, что валидность измеряемых параметров тем выше, чем выше корреляционная связь между ними [13].

В объединенной группе, включающей 151 студентку БрГУ, БГПУ, БГУ, незащищенность от манипуляций оказалась положительно коррелированной с показателем феминности данной группы студентов-девушек $R = ,215, p = ,023$, интернальность с уверенностью в себе — $R = ,391, p < ,001$ и с социальной смелостью — $R = ,262, p = ,005$, маскулинность с уверенностью в себе — $R = ,572, p < ,001$ и с социальной смелостью $R = ,492, p < ,001$. Но в отличие от студентов-юношей отсутствует связь маскулинности с инициативой в социальных контактах.

Кроме того, отличаются результаты юношей и девушек относительно положительной связи интернальности с маскулинностью. Для студенток она статистически значима ($R = ,235, p = ,013$), а для студентов выявлена лишь тенденция к такой связи ($R = ,159, p = ,097$).

При этом оказались положительно коррелированными уверенность в себе с социальной смелостью $R = ,516, p < ,001$, а социальная смелость — с инициативой в социальных контактах ($R = 401, p < ,001$). Положительные корреляции вполне соответствуют смыслу этих переменных, взаимно подтверждают друг друга и доказывают, что мы имеем дело и с валидным тестом, и с «валидным экспертом» [3; 13].

При выбранном уровне значимости $p = ,05$ средние значения ряда показателей для юношей и девушек различаются статистически достоверно. Приведем эти показатели.

Так, юноши оказались в целом более интернальными (средний их показатель 12,1 против 10,8 у девушек).

Юноши более уверены в себе и обладают большей социальной смелостью по сравнению с девушками (соответствующие показатели: 25,2 против 22,9 и 21,01 против 18,97). Это согласуется с представленными выше результатами о влиянии маскулинности на уверенность в себе и превалировании маскулинности у юношей в сравнении с девушками (см. табл. 1).

Репрезентативность, надежность и валидность измерения изучаемых переменных обеспечивалась использованием методик, надежность и валидность которых доказана в соответствующих работах [2; 5–7; 10].

На всех этапах исследования результаты тестирования групп проверялись по одновыборочному критерию Колмогорова – Смирнова на соответствие закону распределения.

Таблица 1

Доля маскулинных, феминных и андрогинных студентов, %

	Маскулинные	Феминные	Андрогинные
Юноши	31,2	29,7	39,1
Девушки	7,9	63,7	28,3

Получен вполне ожидаемый результат, что средний показатель маскулинности юношей (14,2) значительно превосходит этот показатель у девушек (10,7). Но показатель феминности девушек (15,25) незначительно превосходит аналогичный показатель у юношей (14,06). Таким образом, феминность юношей отличается от феминности девушек значительно меньше, чем маскулинность у тех и других. Налицо факт феминизации юношей.

Это подтверждают и данные таблицы 1. В то время как доля маскулинных юношей (31,2) почти в 4 раза больше доли маскулинных девушек (7,9), доля феминных юношей (29,7) лишь в 2,1 раза меньше доли феминных девушек (63,7). Феминизация юношей проявляется и в том, что доля андрогинных юношей превышает долю юношей маскулинных и значительно превышает долю андрогинных девушек. Ведь андрогинность означает примерно равное представительство маскулинных и феминных качеств личности.

Обоснованность приведенных выше результатов и выводов из них подкрепляются следующими фактами.

Репрезентативность выборки в данном исследовании обеспечивается включением в него достаточного числа (290) испытуемых, представляющих студентов разных возрастов, курсов, специальностей, университетов и регионов. Число испытуемых достаточно для того, чтобы результаты тестирования всех изучаемых факторов были распределены по нормальному закону (о важности этого см. ниже).

Вычисление статистики Z и относящейся к ней вероятности ошибки p показало, что распределение всех изучаемых переменных подчиняются нормальному закону.

К примеру, показатели теста B (оценка степени незащищенности индивида от манипулирования им) для студентов-юношей дали следующие значения статистики: $Z = ,790$, двусторонняя статистическая значимость $p = ,561$ (для студенток соответственно $Z = ,668$ и $p = ,764$). В обоих случаях полученные значения $p > ,05$, т. е. вероятность ошибки при принятии гипотезы о нормальном распределении показателей теста B статистически незначима.

Аналогично имеет место нормальное распределение результатов тестирования и всех остальных изучаемых качеств личности испытуемых. Соответствие результатов тестирования нормальному распределению позволяет применить для статистического анализа параметрические методы. Важно, что нормальное распределение результатов тестирования служит достоверным указанием на то, что и «мужская», и «женская» выборки представляют собой репрезентативные срезы популяции [1: с. 201]. Тем самым репрезентативность анализируемых выборок на всех этапах исследования еще раз подтверждена, в данном случае — статистическим анализом.

Проверка достоверности различий средних значений изучаемых переменных производилась с помощью t -критерия для независимых выборок. В зависимости от полученного значения критерия Ливиня двусторонняя значимость

t -критерия определялась в предположении или равенства, или неравенства дисперсий.

Все корреляции, использованные для формулирования выводов, статистически высоко значимы, что обеспечивает «запас прочности» относительно принятого уровня значимости $p = ,05$.

Выводы

Полученные в данном исследовании результаты показывают, что изучаемые в работе незащищенность студентов от манипуляций, их социальный пол, локус контроля и уверенность в себе связаны между собой.

1. Незащищенность от манипуляций студентов обоего пола положительно коррелирует с показателями их феминности.

2. Интернальность юношей и девушек положительно связана с уверенностью в себе и социальной смелостью.

3. Уверенность в себе положительно коррелирует с маскулинностью для студентов-юношей и девушек, что соответствует ранее полученному автором [11] аналогичному результату для мужчин и женщин — руководителей и специалистов различных отраслей.

4. Ряд качеств личности и связи между ними различны для юношей и девушек. Так, у юношей маскулинность положительно связана с инициативой в социальных контактах, но подобная связь отсутствует у девушек. Для студенток статистически значима положительная связь интернальности с маскулинностью, для студентов же выявлена лишь тенденция к такой связи. Юноши по сравнению с девушками в целом более интернальны, более уверены в себе и обладают большей социальной смелостью по сравнению с девушками. В связи с имеющимися различиями непродуктивно делать выводы в целом о категории «студенты», не проанализировав по отдельности выборки испытуемых юношей и девушек.

5. Имеет место определенная феминизация юношей, проявлением чего является обнаруженное в работе их распределение по социальному полу: доля маскулинных юношей примерно равна доле феминных, при этом значительно уступает доле андрогинных юношей.

Заключение

Полученные результаты имеют своей целью углубить понимание сущности рассмотренных конструктов и связей между ними. Они могут послужить отправной точкой для дальнейших исследований и использоваться в психокоррекционной работе со студентами в части повышения их защищенности от манипулирования и развития уверенности в себе.

Вопрос о необходимости защиты от манипуляций требует уточнения в связи со следующими обстоятельствами. Во-первых, в публикациях некоторых отечественных [4] и зарубежных [8; 12] авторов встречаются утверждения о том, что манипуляции «могут быть и полезными» для адресатов воздействия. Чтобы разобраться с этим вопросом, автор [9] проанализировал все известные определения манипуляции, которые используются многочисленными исследователями этого феномена. Таких определений оказалось более двадцати.

Практически во всех определениях манипуляции подчеркивается скрытый характер этого воздействия и неблагоприятность намерений манипулятора, идущих вразрез с волей адресата воздействия и наносящих ему ущерб. При этом инициатор получает одностороннее преимущество, а адресат является жертвой подобного скрытого управления им.

Проведенный анализ показал, что следующее определение манипуляции включает самое существенное из всех известных определений: манипуляция — это скрытое управление адресатом воздействия в личных целях его инициатора, противоречащее интересам адресата [9: с. 8]. Использование этого определения снимает вопрос о наличии «полезных» манипуляций.

Во-вторых, сложность в изучении манипуляций состоит в том, что многие ошибочно называют манипуляцией любое неблагоприятное действие, что запутывает вопрос.

Приведенное выше определение позволяет обнаружить именно манипуляцию и отличить ее от других видов психологических воздействий, использование которых может нанести ущерб адресатам воздействия. Неблаговидные цели могут достигаться посредством и таких

воздействий, как принуждение, агрессия, внушение, психологическое заражение, использование слухов, побуждение к подражанию, НЛП и др., которые могут осуществляться как открытым, так и скрытым образом.

Квалифицировав воздействие как манипуляцию, выделив ее из числа других видов неблагоприятных воздействий, естественно использовать те приемы, которые разработаны [9] именно для защиты от манипуляций.

Литература

1. **Анастаси А., Урбина С.** Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
2. Вопросник Сандры Бэм по изучению маскулинности – фемининности // Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. С. 277–280.
3. **Гильбух Ю. З.** Актуальные проблемы валидации психологических тестов // Вопросы психологии. 1978. № 5. С. 108–118.
4. **Доценко Е. Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2004. 304 с.
5. **Наследов А. Д.** SPSS. Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб.: Питер, 2005. 416 с.
6. **Пантелеев С. Р., Столин В. В.** Тест-опросник субъективной локализации контроля. Модификация шкалы I-E Дж. Роттера // Практикум по психодиагностике. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 131–134.
7. **Ромек В. Г.** Тесты уверенности в себе // Практическая психодиагностика и психологическое консультирование. Ростов н/Д: Ирбис, 1998. С. 87–108.
8. **Фромм Э.** Человек для себя. Минск: Коллегиум. 1992. 253 с.
9. **Шейнов В. П.** Психология манипулирования. М.: АСТ, 2009. 704 с.
10. **Шейнов В. П.** Разработка опросника для оценки степени незащищенности индивида от манипулятивных воздействий // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 147–154.
11. **Шейнов В. П.** Уверенность в себе и психологический пол // Системная психология и социология. 2016. № 3. С. 54–59.
12. **Шостром Э.** Анти-Карнеги или Человек-манипулятор. Минск: ТПЦ «Полифакт», 1992. 128 с.
13. **Campbell D. T.** Recommendations for APA tests standards regarding construct, trait, or discriminant validity // American Psychologist. 1960. V. 15. P. 546–553.

References

1. **Anastasi A., Urbina S.** Psychological testing. SPb.: Peter, 2002. 688 p.
2. Sandra Bem's profile for the study of masculinity - femininity // Workshop on gender psychology / ed. by I. S. Kletsinoy. St. Petersburg, 2003. P. 277–280.
3. **Gilbuh Yu. Z.** Actual problems of validation of psychological tests // Questions of psychology. 1978. № 5. P. 108–118.
4. **Dotsenko E. L.** Psychology manipulation: phenomena and mechanisms of protection. SPb.: Rech, 2004. 304 p.
5. **Nasledov A. D.** SPSS. Computer data analysis in psychology and social sciences. SPb.: Peter, 2005. 416 p.
6. **Panteleev S. R., Stolin V. V.** Test questionnaire localization of subjective control. Modification of I-E scale J. Rotter // Workshop psychodiagnostics. M.: MSU, 1988. P.131–134.
7. **Romek V. G.** Tests confidence // Practical psychodiagnostics and psychological counseling. Rostov-n/D: Irbis, 1998. P. 87–108.
8. **Fromm E.** Man for himself. Minsk: Collegium. 1992. 253 p.
9. **Sheinov V. P.** Psychology of manipulation. M.: AST, 2009. 704 p.
10. **Sheinov V. P.** Development of a questionnaire to assess the degree of vulnerability of the individual against manipulative influences // Questions of psychology. 2012. № 4. P. 147–154.
11. **Sheinov V. P.** Self-confidence and psychological floor // Systems psychology and sociology. 2016. № 3. P. 54–59.
12. **Shostrom E.** Anti-Carnegie or man-manipulator. Mnsk: TPTs "Polifakt", 1992. 128 p.
13. **Campbell D. T.** Recommendations for APA tests standards regarding construct, trait, or discriminant validity // American Psychologist. 1960. V. 15. P. 546–553.

РОЛЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В ФИЛОГЕНЕЗЕ И ОНТОГЕНЕЗЕ ЧЕЛОВЕКА

Н. Ю. Марчук,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург

На основании идеи о том, что потребность в обеспечении безопасности относится к числу основных мотивов деятельности человека, автор описывает деструктивные и конструктивные последствия чрезвычайной ситуации. Роль чрезвычайных ситуаций в онтогенезе и филогенезе человека рассматривается отдельно на каждом из этапов развития ЧС.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация; вызовы; риски; опасности; угрозы; кризис; катастрофа; крах.

THE ROLE OF EMERGENCY SITUATIONS IN THE HUMAN PHYLOGENY AND ONTOGENY

N. Y. Marchuk,
Ural Federal University,
Yekaterinburg

On the basis idea, that a need for security is one of the main motives of human activity, the author describes the destructive and constructive effects of an emergency. The role of emergency situations in the human phylogeny and ontogeny considered separately at each of the stages of an emergency.

Keywords: emergency situation; challenges; risks; dangers; threats; crisis; catastrophe; collapse.

Введение

Любая ситуация несет в себе потенциальную опасность и может при определенных условиях перейти в разряд чрезвычайной. «Чрезвычайная ситуация (ЧС) — это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [1]. В научном анализе чрезвычайной ситуации можно выделить несколько подходов.

Естественнонаучный подход предполагает анализ природных и техногенных причин возникновения ЧС, которые приводят к негативным изменениям в жизни людей, а также путей их предотвращения. Данный подход предполагает описание потенциальных угроз, рисков, опасностей, а также возможности ликвидации негативных последствий разрушения среды, окружающей человека [3; 9].

Психологический подход отличается сосредоточением исследовательской активности на изучении психических явлений, связанных с ЧС: стресса, фрустрации, адаптации, переживания потрясения, связанного с резко изменившимися условиями жизни человека, утратой значимых ценностей, а также предупреждения и преодоления посттравматического стрессового расстройства [2].

Социально-политический подход ориентирован в первую очередь на анализ таких понятий, как социальная напряженность, кризис, социальные потрясения. В целом в рамках данного подхода ЧС описывается как конфликт личности или общества со средой, а также между людьми и социальными группами [4; 7].

Влияние ЧС и ее последствий на личность и общество многогранно и неоднозначно. К *негативным последствиям* относятся такие явления, возникшие в результате ЧС, которые способствуют разрушению структуры общества и дезинтеграции личности, препятствуют их полноценному функционированию и развитию. *Конструктивные последствия* чрезвычайной ситуации заключаются в актуализации

развития личности, ее адаптации и социализации, а также в развитии структуры и динамики общества, усилении его функций.

На каждом из этапов развития чрезвычайной ситуации можно выделить различные функции ЧС в онтогенезе и филогенезе человека [4: с. 24]:

– *предкатастрофный этап* — период накопления отклонений от нормального состояния или процесса, который может длиться несколько дней, месяцев, лет, вплоть до инцидента ЧС. Влияние, которое сложившиеся предкатастрофные условия оказывают на личность и общество, связано с социальной напряженностью, вызванной ожиданием неблагоприятных событий, а также очерчено задачами по предупреждению возникновения ЧС и профилактике ее негативных последствий;

– *катастрофа* — процесс чрезвычайного события, во время которого происходит высвобождение факторов риска, оказывающих неблагоприятное воздействие на население, технические объекты и окружающую среду. На данном этапе чрезвычайная ситуация предстает в качестве своеобразной точки бифуркации в филогенезе или онтогенезе человека;

– *посткатастрофный этап* продолжается до полной ликвидации прямых и косвенных последствий ЧС, включая отдаленные последствия. Этот период длится годами, иногда десятилетиями и предполагает влияние на людей последствий ЧС и событий, связанных с преодолением этих последствий.

Роль предкатастрофного этапа чрезвычайной ситуации в онтогенезе и филогенезе человека

Роль ЧС на предкатастрофном этапе описывается такими понятиями, как вызов, риск, опасность, угроза.

Вызовы — это вероятностные состояния человеческого социума и окружающей среды, произвольное развитие которых с неизбежностью приведет к ухудшению жизни человека и общего состояния человечества, «угрожает самому его существованию как биологического вида и организованного социума. Первоначально вызовы абстрактны и носят всеобщий

природно-социальный характер (например, изменение климата, катастрофическая экология и демография, дефицит питьевой воды и пищи, истощение природных ресурсов, космические катастрофы и так далее» [7].

Влияние вызовов на человека и общество настолько сильно, насколько потенциальная опасность рассматривается как реально возможная или неизбежная, а также основывается на представлении о масштабе грядущей катастрофы. Следовательно, поиск адекватных ответов на существующие вызовы должен осуществляться объединенными усилиями всего общества.

Вызовы, оставшиеся без ответа, становятся рисками.

Риск — это потенциальная опасность, являющаяся негативная тенденция развития социума, снижающая или осложняющая возможности существования и позитивного развития человека и общества. «Риск является объективной и неизбежной составной частью любой деятельности личности, организации или социума, особенно возрастает в ЧС, и является ее постоянным фактором и характерным признаком. Более того, отсутствие видения риска как опасности наступления непредсказуемых и нежелательных для субъекта событий является следствием недостатка информации или некомпетентности управления ЧС, и, в конечном счете, наносит ущерб развитию общества» [7].

Риски могут исходить из внешней или собственной среды системы (личности, социальной группы, общества), проявляться в различных сферах социума и затрагивать разные его области. Совпадение или слияние рисков, проявляющихся в разных социальных сферах, их произвольное или целенаправленное развитие, игнорирование объективной необходимости в принятии мер по их парированию может сложиться в опасность для существования и развития человека и общества.

Управление рисками в социальной сфере направлено на минимизацию ущерба, наносимого обществу, как внешними условиями ЧС, так и самим кризисным состоянием социума, и осуществляется по особому напряженному алгоритму деятельности посредством специальных мобилизационных технологий.

Такое управление включает процедуры распознавания, идентификации, оценки, предвидения и точного расчета рисков. Оптимальное решение предусматривает выбор не между безопасным и рискованным вариантом, а между различными несопоставимыми рисками, которые могут считаться приемлемыми, когда они адекватны стратегической обстановке и возможностям индивида и общества.

Для управления рисками используются стратегии упреждения появления рисков; уклонения от рисков; локализации рисков; распределения рисков; компенсации рисков; резервирования потенциалов.

Формулирование сущности рисков, констатации их наступления и масштаба их возможных негативных последствий в произвольно трактуемых тенденциях развития человечества является средством манипуляции общественным мнением и приводит к неоднозначности для социума как их прогнозов, так и их результатов. Для такого манипулирования используются следующие приемы: инсценировка глобальных рисков; манипулирование опасностью; стирание грани между риском и его восприятием; подмена понятий «риск», «опасность», «угроза»; продвижение тезиса о том, что мир зависит от решений, управляющих риском [5; 7; 8].

Неэффективное управление рисками приводит общество к реальным опасностям и угрозам.

Опасность — это конкретная формирующаяся угроза существованию и развитию человека или общества. Опасность представляет собой такое состояние системы или ее части, которое приобретает негативные (или враждебные) качества относительно человека или общества. Опасность может исходить от самой системы, подвергающейся данной опасности, или из ее внешней среды.

В предкатастрофный период отмечается переход системы от ее нормального, стабильного состояния к экстремальному, ненормальному, когда ослабляется адаптированность к внутренним и внешним изменениям, снижается эффективность выполняемых ею функций. Организационные усилия на данном этапе должны быть сосредоточены на предотвращении, нейтрализации опасностей. Целенаправленная или непреднамеренная подмена понятий реальной

опасности и потенциальных рисков приводит к необоснованной социальной напряженности, массовой панике или игнорированию возможных угроз [5].

Угроза представляет собой реализующуюся опасность и связана с высшей мерой социальной напряженности. Угрозы имеют свой достаточно точный адресат, направленность, сферу бытия социума или его объект, свое количественно-качественное наполнение.

По мере развития кризисных процессов в обществе нарастает волна стихийных, неорганизованных массовых действий, когда эмоции и инстинкты нивелируют сознательную саморегуляцию, основанную на морально-этических и ценностно-смысловых принципах. Кроме того, снижение управляемости системы в этот период приводит к появлению неинституализированных, часто противозаконных акций, движений и структур. Нестабильность и неуправляемость социальной системы представляет собой особую опасность в любой чрезвычайной ситуации.

Угрозы должны отражаться адекватными по силе и качеству противодействиями. Несоответствие наличных ресурсов (материальных, людских, организационных, властных) целям и задачам выхода из экстремальной обстановки приводит к невозможности отражения угроз, вследствие чего система или основные ее социальные структуры и институты начинают рушиться. В этом состоит переход чрезвычайной ситуации в катастрофическую фазу [9].

Следовательно, изучая влияние ЧС на структуру и развитие личности и общества в предкатастрофный период, следует рассмотреть следующие аспекты.

Сигнальный аспект: вероятностные вызовы и риски, потенциальные опасности как бы оповещают общество о необходимости принятия срочных мер для поиска и устранения причин повышенной напряженности и негативного состояния системы.

Активизирующий аспект: определение вызовов, распознавание рисков, идентификация угроз являются основанием для усиления борьбы за ресурсы для выживания.

Дестабилизирующий аспект: ожидание катастрофы может стать фактором цивилизационных и геополитических напряжений, общей

дестабилизации жизни общества в целом и жизнедеятельности отдельных людей в частности.

Объединяющий аспект: возникновение реальной или предполагаемой опасности устраняет социальное неравенство и стимулирует общество объединиться для отражения общих угроз.

Манипулятивный аспект: целенаправленное влияние на общественное мнение за счет подмены понятий риска, опасности, угрозы, что приводит к тому, что грань между действительной угрозой и ее восприятием стирается. А на основе неадекватной оценки возможных событий может быть упущен благоприятный период для предотвращения реальной ЧС или искусственно создается ЧС социального характера.

Преобразующий аспект: ожидание катастрофических событий меняет мир: возникают, группируются и воплощаются новые идеи; выдвигаются лидеры; меняется система социальных связей и отношений.

Катастрофный этап чрезвычайной ситуации как точка бифуркации в филогенезе или онтогенезе человека

Пиковый этап развертывания чрезвычайной ситуации характеризуется крайней неустойчивостью системы, в условиях которой даже незначительные воздействия могут привести к значимым результатам и повлиять на ход развития общества и личности. Не только сами разрушения, но и их внезапность, распространенность гнетущих стрессов отражают суть катастрофной фазы. В этот период важно понять целесообразность того или иного действия и сосредоточить активность в первую очередь на решении необходимых задач.

Современная наука имеет множество фактов, свидетельствующих о том, что необходимые в данных условиях решения и действия, специально организованная среда предопределяют возникновение новых функций, элементов системы и форм, не существовавших ранее.

Роль данного этапа ЧС в онтогенезе и филогенезе человека описывается такими понятиями, как «кризис», «катастрофа» и «крах» [3; 7].

Кризис — это явление крайней неустойчивости системы, представляющее собой серьезную угрозу основным структурам, базовым ценностям, нормам общества и (или) личности, которое вынуждает принять кардинальное решение в условиях ограниченного времени и значительной неопределенности. Кризис является не только следствием неадекватного управления системой на предкатастрофном этапе, пренебрежения его возможностями, но и предопределяет новые риски, опасности и угрозы.

Кризис представляет собой противостояние, конфликт общества или личности с существующим окружением (природной или социальной средой), в связи с чем становится индикатором негодности имеющихся связей, отношений и неэффективности управления этими отношениями.

С другой стороны, кризис открывает возможности для развития и преобразования системы в новых условиях. В экстремальной ситуации могут активизироваться процессы в рамках существующей стратегии развития или ценой незначительного усилия система может перейти на принципиально новый путь.

В разрешении кризиса могут быть использованы разные стратегии: *активные* (действия на опережение ситуации на основании расчета и анализа возможных рисков), *реактивные* (реагирование на уже поступающие действия среды, представляющие опасность и угрозу для человека) или *пассивные* (принятие созданных критических условий, адаптация к ним и выживание).

Целью управления системой в период кризиса является преодоление кризиса и превращение его из угрозы безопасности или катастрофы в благоприятную возможность и импульс развития нации. Неспособность обеспечить реализацию данной цели приводит к углублению кризиса и его трансформации в более тяжелые формы — крах, бедствие или катастрофу [6].

Катастрофа — это чрезвычайная ситуация природного или техногенного характера, отличающаяся особо крупным масштабом ущерба, повлекшая за собой гибель людей или какие-либо непоправимые последствия

в истории того или иного объекта. Катастрофы возникают вследствие неуправляемого течения или целенаправленного обеспечения кризиса.

Катастрофическое явление природного характера, которое может вызвать многочисленные человеческие жертвы, значительный материальный ущерб и другие тяжелые последствия, называется *стихийным бедствием*.

Катастрофа возникает как результат синхронизации различных кризисов, игнорирования вызовов, аккумуляции рисков, как следствие неэффективности системы, неадекватности управления ею. Катастрофа может возникнуть в результате постепенного накопления негативных изменений в отношениях системы с окружающей средой, но может произойти быстро и достаточно внезапно, при отсутствии наблюдаемых внешне тревожных изменений в системе [9].

Основным результатом катастрофы является такое состояние социума, когда восстановление его нормальной жизнедеятельности существенно затруднено, но возможно благодаря длительным и упорным усилиям общества, напряжению всех его сил и при условии адекватного профессионального руководства данным процессом.

Главной задачей восстановления жизнедеятельности общества после катастрофы становится сохранение и поддержка системы социальных (в том числе национальных) ценностей и святынь, которые являются системообразующими, составляют основу мировоззрения любого общества, его культуры и самобытности.

Крах — это явление полной деградации системы, возникающее вследствие неразрешенного кризиса и катастрофы. Крах требует большой работы по восстановлению старого общества или формирования на его основе нового социума.

Создание нового социума взамен общества, потерпевшего крах, возможно только при наличии способности к возрождению, общественной воли, сильной власти, а также при условии сохранения общественных ценностей, на которых будет базироваться новая общность. В противоположном случае разобщенные социальные группы проживают

процесс миксации (произвольного смешивания по территориальному или культурному принципу) или остаточные элементы дезинтегрированного общества ассимилируются в другом обществе [11].

Выход из кризиса, ликвидация последствий катастроф и восстановление общества после постигнутого краха предполагает создание адекватной системы управления, задачи, полномочия и структура которой соответствуют возможностям и потребностям общества в сложившихся обстоятельствах.

Влияние ЧС на структуру и развитие личности и общества в период ее актуализации отражают следующие аспекты.

Демографический аспект: чрезвычайная ситуация может нести прямую угрозу жизни и здоровью местного населения, приводить к массовому его истреблению.

Экологический аспект: прямой урон местному ландшафту, следствием чего может стать разрушение сельского хозяйства, построек, затруднение при проведении операций по спасению людей и устранению последствий ЧС (например, землетрясение).

Культурный аспект: разрушение культурного наследия — архитектурных сооружений, культурных достопримечательностей, произведений искусства.

Дезинтегративный аспект: ЧС оказывают отрицательное влияние на физическое, материальное и моральное состояние людей (утрата здоровья, невозможность удовлетворения жизненных потребностей, резкое нарушение привычного уклада жизни, социального статуса, утрата близких людей, сопереживание пострадавшим), снижают уровень индивидуальной жизни, определяют дезадаптацию личности и разбалансировку основных систем обеспечения жизнедеятельности социума (управления, обеспечения, исполнения, корректировки).

Экономический аспект: разрушение материальных ценностей в период актуализации ЧС может стать причиной экономической деградации пострадавшей части общества, росту криминогенности или, наоборот, может актуализировать творческий потенциал, способствовать общему прогрессу и развитию материального производства.

Духовный аспект проявляется в том, что ЧС провоцирует быстрые и существенные изменения в духовной сфере общества. На фоне преобразования и разрушения норм, ценностей, идеалов предшествующих периодов жизни общества создаются условия для осмысления новых возможностей его развития, выдвижения новых идей и ценностей.

Информационный аспект: возникновение и развертывание ЧС несет информацию о факторах, которые ее породили, без знания которых процесс общественного познания затруднен.

Дифференциальный аспект проявляется в ходе ЧС, когда происходит выявление противоположных интересов, поляризация противоборствующих сил, что предопределяет зарождение необходимых изменений в обществе, приводит к созданию новых социальных институтов и групп на основании переструктуризации общества.

Интегративный аспект: на фоне разбалансировки и дифференциации в обществе происходит и обратный процесс — интеграция и консолидация социальных сил вокруг новых центров, которые стимулируют и потенцируют преобразование социума и являются стимулом для развития личности. Перед лицом внешней угрозы общество использует все свои ресурсы для сплоченности и противоборства опасности, усиливаются социальные связи и чувство «Мы».

Динамический аспект отражается в динамике социума и активности личности, быстром возбуждении и активизации людей на совместную деятельность; может выражаться в социальных конфликтах, мятежах, бунтах, смутах, восстаниях, массовых беспорядках, быстро овладевающих широкими массами. ЧС является моментом и точкой возможности формирования одного из нескольких альтернативных будущих вариантов общества (это точка бифуркации).

Значение чрезвычайной ситуации для человека и общества в посткатастрофный период

Заключительный период чрезвычайной ситуации характеризуется постепенным снижением амплитуды тотальных или частичных

разрушений экономического, социального, политического, духовного характера. На этом этапе экстремальные деструктивные изменения, социальная дезинтеграция и вызываемые ими общественные бедствия переходят в посткатастрофную стадию. Именно в данный период становится очевидным весь масштаб разрушений, произошедших на предыдущих этапах ЧС, и начинается восстановление социодинамики общества. Цель восстановления жизнедеятельности общества достигается посредством реализации задач, направленных на помощь пострадавшим, и задач по восстановлению производственных, духовно-культурных, психологических взаимодействий [2].

Таким образом, можно выделить следующие последствия чрезвычайной ситуации, имеющие значение для филогенеза человека.

Экологические последствия катастрофы в виде загрязнения воды, воздуха и почвы (экологическое бедствие), следствием чего может стать вторичная катастрофа, связанная с продовольственным кризисом, угрозой жизни и изменением генотипа (мутации) всех живых существ (растительного и животного мира).

Демографические последствия: вынужденная миграция населения, изменение профессиональной структуры населения, его возрастного состава; ухудшение демографической ситуации в регионе бедствия за счет ухудшения здоровья и миграции населения.

Экономические последствия: создание приемлемых условий для жизнедеятельности населения могут существенно влиять на социально-экономическое развитие государства и общества, на реализацию социальных и экономических программ, снижая экономические возможности государства и даже подрывать его основы.

Аналитические последствия: ЧС становится инструментом познания о ресурсах и возможностях общества, позволяет выявить и раскрыть суть своих и чужих интересов, обнаружить те недостатки и просчеты, которые привели к ее возникновению, и способствовать их устранению, предоставляет возможность опыта проживания ЧС в реальных условиях и отработать алгоритм действий в экстремальной ситуации.

Инновационные последствия: ЧС интенсифицирует и стимулирует групповое творчество, способствует мобилизации энергии, активизации умственных сил для достижения целей общей безопасности. В процессе поиска путей преодоления последствий ЧС разрабатываются новые подходы, идеи, инновационные технологии, актуализируется нормотворчество (в том числе законотворчество).

Социальные последствия: ЧС активизирует социальные связи, придает взаимодействию людей большую динамичность и мобильность; происходит усиление согласованности в достижении целей, функционального и социального партнерства; устанавливается и поддерживается относительно стабильная структура внутригрупповых отношений, усиливаются процессы социальной интеграции и идентификации. Затянувшийся посткатастрофный этап приводит к исчерпанию социальных ресурсов и постепенно сменяется массовой депрессией, апатией, безразличием по отношению к происходящему.

Роль посткатастрофного этапа в онтогенезе человека можно описать через следующие последствия ЧС.

Когнитивные последствия: в критических ситуациях раскрываются истинные ценности и мотивы поведения людей, происходит изменение мировоззрения; может отдаваться неадекватная оценка происходящего, непонимание необходимости спасения материальных ценностей и предотвращения еще большего ущерба, неверная оценка правил распределения гуманитарной помощи и очередности оказания помощи пострадавшим.

Развивающие последствия: в результате проживания чрезвычайной ситуации в индивидуальном самосознании человека происходит формирование четкой иерархии ценностей и смыслов, понимание своей роли в обстановке ЧС, развитие адекватной самооценки; развиваются конструктивные качества личности (адаптация и стрессоустойчивость, альтруизм, уверенность, чувство собственного достоинства, толерантность, лояльность к другим); нивелируются негативные черты характера (чувство неполноценности, неуверенности, отчуждения и безразличия).

Социализирующие последствия: повышение уровня социализации человека, когда в результате ЧС за сравнительно небольшой отрезок времени может получить столько жизненного опыта, сколько он, возможно, не получит никогда в повседневной жизни. ЧС способствует разрядке напряженности и оптимизации отношений с близкими и другими людьми.

Самореализация и самоутверждение личности в обществе.

Заключение

Итак, научный анализ исследований, посвященных изучению сущности чрезвычайных ситуаций, позволил нам выделить несколько подходов, описывающих различные аспекты данного явления: естественнонаучный, психологический, социально-политический.

На основании положения о том, что потребность в обеспечении безопасности относится к числу основных мотивов деятельности человека, описаны конструктивные и деструктивные последствия чрезвычайных ситуаций. Деструктивные последствия связаны с разрушением структуры общества и дезинтеграцией личности, препятствуют их полноценному функционированию и развитию. Конструктивные последствия заключаются в актуализации развития личности, ее адаптации и социализации, а также в развитии структуры и динамики общества, усилении его функций. Каждый из этапов развития чрезвычайной ситуации (предкатастрофный, катастрофа, посткатастрофный) несет в себе совокупность различных функций для онтогенеза и филогенеза человека. В целом чрезвычайная ситуация не только меняет актуальное состояние, образ мира и жизнедеятельность человека, но и существенно преобразует структуру и динамику развития социальной системы, включенной в эту ситуацию.

Литература

1. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», ст. 1 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/
2. **Анцыферова Л. И.** Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. № 1. С. 3–18.
3. **Арнольд В.** Теория катастроф. М.: Наука, 1990. 128 с.
4. **Бабосов Е. М.** Катастрофа как объект социологического анализа // Социологические исследования: электронная версия издания. 1998. № 9. С. 19–25. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/846/692/1217/003.BABOSOV.pdf> (дата обращения: 15.09.2016).
5. **Бек У.** Инсценировка глобальных рисков // UNION magazine. 2009. № 1. С. 14–28.
6. **Веллерстайн И.** Динамика (незавершенного) глобального кризиса: тридцать лет спустя // UNION magazine. 2009. № 1. С. 7–14.
7. **Владимиров А. И.** «Вызовы», «Риски», «Опасности», «Угрозы», «Кризисы», «Катастрофы» и «Крах» как важные категории политологии и теории войны // Кадетский клуб [Электронный ресурс]. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Ocenka_riskov.htm (дата обращения: 21.10.2016).
8. **Малинецкий Г. Г.** Управление риском. М.: Наука, 1998. 255 с.
9. **Пригожин И.** Конец определенности: Время, хаос и новые законы природы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 1999. 208 с.
10. Стратегические риски России: оценка и прогноз / под общ. ред. Ю. Л. Воробьева: М.: Деловой экспресс, 2005. 392 с.
11. **Стюарт И.** Тайны катастроф. М.: Мир, 1987. 76 с.

References

1. The Federal law 21.12.1994 № 68-F1 on «Protection of population and territories against emergency of situations of nature and anthropogenic origin», article 1 // ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/
2. **Antsiferova L. I.** Personality in difficult life conditions: reframing, conversion situations and psychological protection // Psychological journal. 1994. V. 15. № 1. P. 3–18.
3. **Arnold V.** The theory of catastrophe. M.: Nauka, 1990. 128 p.
4. **Babosov E. M.** Catastrophe as the object of sociological analysis // Sociological research: electronic version of the publication. 1998. № 9. P. 19–25. [Electronic resource]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/846/692/1217/003.BABOSOV.pdf> (accessed: 15.09.2016).
5. **Bek U.** Dramatization of global risks // UNION magazine. 2009. № 1. P. 14–28.
6. **Wallerstein I.** The dynamics of the global crisis: thirty years later // UNION magazine. 2009. № 1. P. 7–14.
7. **Vladimirov A.** «Challenges», «Risk», «Danger», «Threat», «Crisis», «Catastrophe» and «Collapse» as an important category of political science and the theory of war // Cadet club. [Electronic resource]. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Ocenka_riskov.htm (accessed: 21.10.2016).
8. **Malinetsky G. G.** Risk management. M.: Nauka, 1998. 255 p.
9. **Prigogine I.** The end of certainty. Izhevsk: SIC “Regular and chaotic dynamics”, 1999. 208 p.
10. Russian strategic risks: assessment and forecast / Ed. by Yu. I. Vorobyov: M.: Business Express, 2005. 392 p.
11. **Stewart I.** The mystery of the disasters. M.: Mir, 1987. 76 p.

Социально-психологические аспекты развития информационно-коммуникационных технологий

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ И КОНСОЛЬНЫХ ВИДЕОИГР НА МОЛОДЕЖЬ

*Е. С. Романова,
С. Б. Шубин,
МГПУ, Москва*

В статье проведен обзор отечественной и зарубежной литературы на тему психологического воздействия компьютерных и консольных видеоигр на подростков и молодых людей. Приведена классификация видеоигр. На основе анализа литературы выделены жанры видеоигр, способные оказывать особенно сильное воздействие на психику подростка. Определены фактические и процессуальные недостатки в научном знании о проблеме психологического воздействия видеоигр на подростков и молодых людей.

Ключевые слова: подростки; молодые люди; зависимость; агрессия; классификация видеоигр; психологическое влияние видеоигр; игровая мотивация; личность.

THE PSYCHOLOGICAL IMPACT OF COMPUTER AND CONSOLE VIDEO GAMES ON YOUNG PEOPLE

*E. S. Romanova,
S. B. Shubin,
MCU, Moscow*

The article reviewed some Russian and foreign literature about the psychological impact of computer and console video games on adolescents and young people. The classification of video games is also presented. According to the literature analysis there are some selected genres of video games that may have a particularly strong impact on an adolescent's psyche. Actual and procedural deficiencies about the problem of the psychological impact of video games on adolescents and young people have been defined here.

Keywords: teenagers; young people; addiction; aggression; classification of video games; psychological impact of video games; game motivation; personality.

Введение

В последние годы в России проблема воздействия видеоигр на психику подростков и молодых людей активно обсуждается в научной среде. Родители и учителя часто отмечают неуспеваемость, пониженный эмоциональный фон и асоциальное поведение учеников школ, студентов колледжей и университетов, увлеченных видеоиграми. Целью настоящей статьи является обзор научной литературы, посвященной изучению психологического влияния видеоигр на молодежь. Основные направления исследований таковы:

- источники и особенности игровой мотивации;
- формирование зависимого поведения, связанного с видеоиграми;
- специфика личности молодых людей с уже сформированной зависимостью от видеоигр;
- проблема агрессии и жестокости как следствие чрезмерной игры в насильственные видеоигры.

Кроме того, в работе приводится классификация видеоигр и акцентируется внимание на некоторых жанрах, способных оказывать наиболее интенсивное влияние на подростков и молодых людей.

Классификация компьютерных и консольных видеоигр

Компьютерные игры в разной степени оказывают воздействие на человека. В первую очередь это зависит от типа компьютерной игры. В целом классификация видеоигр может быть представлена следующим образом.

Ролевые видеоигры (Role Playing Game — RPG) — это игры, в которых человек принимает на себя роль виртуального персонажа в самых различных контекстах. Например: Diablo, Dungeon Siege, Titan Quest, Lineage 2, World of Warcraft, Ark survival evolved и т. д.

Неролевые видеоигры: к ним можно отнести логические игры (шахматы и др.), игры на скорость реакции (OSU), на сообразительность (развлекательные аналоги теста IQ), игры — имитаторы игровых автоматов, танцевальные и музыкальные игры (Guitar Hero) и т. д.

Аркадные видеоигры — компьютерные игры с нарочито примитивным игровым процессом. К ним относятся: файтинги (fighting) — Mortal Kombat X; некоторые стрелялки (shooter) — Doom 4; гонки (racing) — Need for Speed Edge, а также различные игры для телефонов и планшетов.

Стратегии — игры, в которых игрок управляет отдельными отрядами, армиями или целыми народами. Для достижения успеха от игрока требуется выработать и применить определенную стратегию и тактику. Существуют походовые, или пошаговые, стратегии (Turn-Based Strategy — TBS) и стратегии, в которых игрок управляет отрядами или армиями в реальном времени (Real Time Strategy — RTS). Стратегии также имеют многопользовательский или одиночный режимы (Command & Conquer, Warcraft III, Starcraft, Civilization, Warhammer 40.000 Dawn of War, Total War Rome III и т. д.).

Симуляторы — это игры, позволяющие управлять каким-либо процессом из жизни. Как правило, это симуляция управления средством передвижения. Отличительной особенностью этого жанра является максимальная реалистичность и правдоподобность происходящего, зачастую в ущерб играбельности (Gran Turismo, War Thunder, DCS Ka-50: Чёрная акула, Total Club Manager 2005 и т. д.).

Инди-игры — это довольно простые видеоигры, созданные, как правило, маленькой студией, состоящей из одного, максимум трех человек. Их популярность обеспечивается при помощи скорости доступа и уникальности идей (The Path, Papers, Please, Flappy Bird, Minecraft, Five Nights at Freddy's и т. д.).

В приведенной классификации российские исследователи особое внимание обращают на игры жанра RPG как наиболее интенсивно влияющие на психику человека и способные вызывать наиболее тяжелое привыкание [7; 10; 17]. Это связано с особенностями данного жанра видеоигр, которые делают их наиболее опасными для подростков и молодых людей.

В своей работе И. В. Колотилова выделяет следующие особенности поведения подростков, часто играющих в ролевые видеоигры: «...возникновение “эффектов игры” вне игровой деятельности; продумывание стратегии поведения игрового персонажа; моделирование игровых ходов вне игры; эмоциональная вовлеченность: переживание за героя, за процесс и результат игры <...> ощущение “слияния” с персонажем во время игры; желание быть похожим на героя игры; перенос запланированных дел на время после игры; сложности с переключением, сосредоточением на неигровой деятельности... нарушение самоконтроля поведения... Ролевые видеоигры привлекают подростков возможностью суррогатной реализации потребностей, актуальных для данного возраста: свобода действий, самостоятельность, примерка социальных ролей и проба новых способов поведения...» [10: с. 19].

М. С. Иванов разделяет компьютерные игры на ролевые и неролевые. Исследователь доказывает, что чрезмерная игра в ролевые компьютерные игры может приводить к эффекту, когда игровой персонаж становится для геймера важной частью его жизни, игрок может и вовсе отождествлять себя с персонажем. Подобные свойства исследователь приписывает исключительно ролевым видеоиграм (RPG). По его мнению, этот жанр видеоигр оказывает особое, глубинное влияние на психику игрока, природа которого на данный момент изучена недостаточно [7].

С. В. Симонович и Г. А. Евсеев [17] в своих работах также выделяют игры жанра

RPG из общего многообразия. Ученые объясняют это особенностями данного жанра и возникновением особо сильных эмоций и ощущений у геймеров, в частности явлением, при котором судьба игрового персонажа и виртуальные игровые вещи обретают большую ценность для подростка, чем атрибуты его реальной жизни.

Выделим основные критерии принадлежности видеоигры к жанру ролевых игр. В игре должна быть возможность «улучшения» своего персонажа посредством повышения уровней, увеличения его характеристик — силы, ловкости, запаса здоровья — или при помощи приобретения различной экипировки, добавляющей мощь герою. Во многих ролевых играх также присутствуют «профессии», которые позволяют «специализироваться» игроку на какой-то определенной роли — воина, лучника, мага и т. д.

В современной ролевой игре должен присутствовать большой игровой мир, имеющий возможность свободного перемещения и наполненный различными существами. Важна система квестов — специальных заданий, — выполняя которые, игрок получает различные игровые вещи и преимущества.

Важным критерием является графика и звуки, которые присутствуют в игре. Эти составляющие должны располагать геймера к длительной игре, быть приятными и ненавязчивыми.

Игры жанра RPG имеют свои подтипы, наиболее интересные из них с психологической точки зрения это — ролевые видеоигры с многопользовательским режимом онлайн (Massively multiplayer online role-playing game — MMORPG) и ролевые видеоигры, основанные на многопользовательской боевой арене в ограниченном пространстве (Multiplayer Online Battle Arena — MOBAPRG). Данные подтипы ролевых видеоигр способны оказывать максимальное воздействие на возникновение агрессии и зависимости у геймеров.

Видеоигры подтипов MMORPG и MOBAPRG (Lineage 2/3, World of Warcraft, Dota 2, Perfect World, League of Legends и т. д.) имеют одну качественную отличительную особенность от всех остальных игр, входящих в жанр RPG. Помимо ролевой составляющей,

возможности «вживаться» в своего персонажа, улучшать его способности и приобретать различные виртуальные вещи во всех этих играх присутствует возможность взаимодействовать с другими игроками в огромном открытом мире. Эта возможность обеспечивается при помощи сети Интернет и является очень важной в деле формирования игровой зависимости у подростков. К чрезмерному стремлению играть в огромном и сложном мире, присущем любой ролевой игре, прибавляется возможность продемонстрировать свои достижения другим игрокам, а также конкурировать с противниками и уничтожать их. Отметим, что в отличие от классических ролевых игр в MMORPG и MOBAPRG соперники являются такими же живыми игроками, как и сам геймер. Такое игровое поведение культивирует в подростке идеи конкуренции и агрессии. Нужно отметить, что видеоигры MMORPG и MOBAPRG появились совсем недавно и стремительно завоевали популярность во всем мире. Однако исследований игр данного подтипа за рубежом мало, а в России такие исследования почти не проводились [28; 29; 31; 32].

Имеющиеся научные данные свидетельствуют о проявлении игроками в процессе игры в MMORPG сильных эмоций, связанных с агрессивными стычками между группами игроков (гильдиями и кланами) в виртуальном мире, или с выполнением сложных игровых задач в команде. Именно конкуренция между живыми людьми в виртуальном мире как агрессивная, так и созидательная, по мнению ученых, делает видеоигры MMORPG особенно привлекательными для подростков и молодых людей [32].

Дж. Скотт и А. П. Портер-Армстронг в результате своего аналитического исследования выяснили: основным драйвером развития зависимости от игр жанра MMORPG стала потребность побега от себя, а наибольшее влияние на возникновение зависимости оказали психологическая обстановка в семье и ее безразличие к проблемам подростка. Авторы говорят о возникновении социального отчуждения, тревоги и депрессии у заядлых игроков в MMORPG; им становится тяжелее взаимодействовать с людьми вне игры.

В одном из исследований доказывалось, что сотрудничество, общение, контроль и эскапизм являются ключевыми факторами для мотивации молодых игроков [28]. Х. А. Мадран и Е. Ф. Какильчи также выделяют MMORPG — подтип видеоигр. В результате своего исследования они показали наличие значительной корреляции между временем, потраченным в MMORPG-видеоиграх и уровнем агрессивности. Особенно ярко это проявлялось у молодых людей. Исследователи подчеркивают, что наибольшая корреляция присутствует между временем игры в онлайн-видеоигры и вербальной агрессией, а также вербальной враждебностью. Уровень готовности к физической агрессии и насилию оставался умеренно высоким [29].

Р. Коверт, Е. Домахиди и Т. Куандт в своей работе показали, что онлайн-видеоигры (MMORPG) могут помогать высокоэмоциональным, чувствительным людям заводить социальные контакты. Так как в играх отсутствует прямой зрительный контакт, застенчивым людям легче знакомиться и общаться с окружающими. Выводы немецкой команды ученых можно назвать положительными [31].

Существуют еще несколько менее известных проблем, присущих именно RPG — жанру видеоигр (в особенности MMORPG), способных вызвать агрессивное поведение игроков и привыкание игрока к виртуальному миру игры.

Одной из важнейших таких проблем является скрытая пропаганда. Рынок компьютерных игр сильно зависит от потребительских предпочтений, которые в свою очередь определяются политической и социальной обстановкой в странах, где проживает большее число потребителей продукта видеоигры. Чаще всего это богатые страны с развитой экономикой. В большинстве компьютерных игр игрок вынужден защищать культурные ценности наиболее развитых государств, которыми, как правило, являются страны Запада. Альтернативы западным играм у геймеров практически нет. С самого раннего возраста, когда ребенок начинает увлекаться видеоиграми, он бессознательно воспринимает идеи, идеалы и ценности, которые несут в себе такие видеоигры. Данные ценности часто несвойственны российской культуре.

Проведя анализ игрового рынка, основные производители на котором Electronic Arts, Rockstar North, Nintendo, Blizzard Entertainment, Ubisoft Montreal, Epic Games, Bethesda Soft Works и пр., можно сделать вывод, что за последние годы практически не появлялось видеоигр, где бы Россия, Китай или мусульманский мир были представлены в положительном или хотя бы нейтральном свете. В частности, в игре Grand Theft Auto 4 россияне представлены исключительно в роли мафиози и хладнокровных убийц, с которыми главный герой вынужден вступать в противостояние. В игре Call of Duty Modern Warfare 2, популярной в России и за рубежом, игрок вынужден бороться с террористической организацией, которая, по сюжету, захватила власть в России и угрожает Европе и США. В этой игре геймер неоднократно совершает убийства российских солдат и мирных российских граждан. В некоторых видеоиграх, таких как The Witcher 3: Wild Hunt и Conan Exiles, присутствуют сцены откровенной порнографии. Отдельного внимания заслуживает видеоигра Dragon Age II, в которой большинство главных героев гомо- и бисексуалы, а у игрока есть возможность «вступать» в половой контакт с представителями своего пола. В игре Mass Effect 3 игрок также может «вступать» в гомосексуальные связи и в связи с существами, не являющимися людьми. Все эти примеры лишь малая часть того, что предлагает современная игровая индустрия. Доступ к таким играм в нашей стране никак не ограничен, что для многих развитых зарубежных стран считается нормой в рамках полового воспитания детей. Такое воздействие не носит прямого характера, влияние на подростка происходит на подсознательном уровне.

Другой проблемой, присущей играм MMORPG, является «остановка уровней» (Stop level). Игры жанра RPG и подтипа MMORPG предусматривают повышение уровня персонажа, а следовательно, и увеличение его мощи, однако с течением времени подняться на каждый следующий уровень становится все труднее. Разработчики игр предложили такую систему: игрок, который только начинает играть в MMORPG-игру, с легкостью «поднимает»

несколько десятков уровней, не затрачивая на это много времени, но по прошествии нескольких дней или недель он начинает замечать, что уровни «берутся» тяжело и на это уходит все больше времени. Именно этот момент и называется остановкой уровней.

Игрок дошел до определенного игрового этапа и столкнулся с игроками, находящимися на более высоком уровне и с лучшей экипировкой (игровые вещи), которых не может победить. Ему досадно, что он потратил на игру уже несколько недель, а прекратить ее — значит потерять всё, чего он достиг. Однако, чтобы идти дальше и побеждать более серьезных игроков, ему нужно больше времени проводить за игрой. Дальше разработчики, как правило, предлагают игроку два пути.

Первый требует обратиться к функции «пожертвований» (Donate), при помощи которой игрок, дошедший до остановки уровней, может «пожертвовать» (заплатить) реальные деньги не за саму игру как продукт, а за различные виртуальные вещи или возможность ускорить повышение уровней. Подобные действия способны помочь игроку стать более сильным в игре. Многие MMORPG-игры вовсе не стоят денег и находятся в свободном доступе; основная статья дохода для их разработчиков — «пожертвования» игроков. В качестве примера видеоигр, в которых присутствует эта функция, можно назвать Lineage 2, World of Warcraft, Counter-Strike Global Offensive, World of Tanks, War Thunder, EVE Online, RF Online, Dota 2 и многие другие. Второй путь связан с так называемым улучшением онлайн, т. е. постоянным увеличением времени, проводимого в игре. Игрок достигает поставленных целей без дополнительной оплаты, но тратит на игру все больше времени. В этом случае производители MMORPG-видеоигры получают доход от скрытой рекламы и из других источников.

Оба пути ведут к образованию привязанности к MMORPG-игре, а также к развитию агрессивных тенденций. Отличительной особенностью агрессии, вызванной «донатом» и «высоким онлайн» в играх, по мнению многих геймеров, является ее направленность на себя. Игрок, спустя несколько месяцев, начинает обвинять себя за слабование, трату больших денег или огромного време-

ни на несуществующие виртуальные вещи и преимущества. Такое положение дел ведет к замыканию человека на виртуальном игровом пространстве, он все меньше общается с окружающими, появляется тревожность, игрок боится осуждения и насмешек в свой адрес из-за проблемы, в которой он оказался. Так работает механизм заманивания и удерживания игроков в компьютерном виртуальном пространстве игр жанра RPG и особенно MMORPG. Данный механизм использует базовые психологические потребности и особенности. В частности, психологическую особенность, обуславливающую прямую зависимость значимости предмета от количества затраченных на него труда и времени.

Особенности психологического влияния видеоигр

Одним из наиболее важных направлений исследований психологического влияния видеоигр является изучение компьютерной игровой мотивации, в том числе зависимости игровой мотивации от психологических особенностей подростков и молодых людей. Исследования данной проблемы представлены в работах [2; 7; 9; 14; 16; 18].

В исследовании В. Гриффита «было выделено два типа мотивов, заставляющих детей и подростков вновь и вновь обращаться к компьютерной игре. Игроки с первым типом играют ради удовольствия от самой игры и ради результата, удовлетворения мотива достижения, возможного соперничества с другими игроками. При этом типе мотивации игра сочетается с другими видами деятельности, ребенок нормально общается с окружающими, а к компьютерной игре обращается во время отдыха, досуга. Для игроков со вторым типом мотивации игра становится формой эскапизма. Именно этот тип привыкания к игре и уход в реальность игры привлекает внимание не только психологов, но и психиатров» [18: с. 333].

Р. Т. Вуд, М. Д. Гриффитс и А. Парк рассматривают игровую мотивацию как полное погружение в действие, в его процесс, забывая собственное Я. При этом все действия следуют

друг за другом. «Опыт потока включает интенсивные положительные эмоции и представляет ценность для переживающего его субъекта. Благодаря этому деятельность, в которой присутствует опыт потока, становится внутренне мотивированной. В работе А. Г. Макалатии было показано, что переживания, получаемые от ролевых компьютерных игр, по всем характеристикам соответствуют “опыту потока”. Были выявлены дополнительные механизмы, обеспечивающие “залипание” на процессе игры. Это своеобразный феномен “незаконченного действия”, не позволяющий игроку забыть о не доигранной игре и механизм, сильно напоминающий невротический механизм “бегства”, желание игрока забыть на время о неприятной реальности» [15: с. 39, 40].

Н. В. Омельченко в своей работе доказала наличие взаимосвязи высокой игровой мотивации и определенных психологических качеств личности и темперамента, присущих некоторым подросткам и юношам. Исследователь доказывает, что определенные личностные характеристики способны не просто влиять на желание и продолжительность игры, но и определять жанровые предпочтения геймера. «...Субъектам, не имеющим опыта игр за компьютером, чаще свойственны общительность, оптимизм, самоконтроль, удовлетворенность реальным миром, способность находить в нем пути самореализации... опытные игроки при достаточно выраженной экстраверсии и гедонизме меньше ориентированы на сотрудничество, менее сердечны и эмпатичны; практичны, склонны к конкуренции, достижениям, обладают богатым воображением, ищут ярких, необычных впечатлений, но реже находят способы самореализации в реальном мире, тяготятся обыденностью» [14: с. 7, 9].

Н. В. Богачева отмечает наличие влияния когнитивно-стилевых особенностей геймеров на игровую мотивацию. Автор выделяет два когнитивных стиля, связанных с компьютерной игровой мотивацией и присущей игрокам с высокой игровой активностью. Первый — полнезависимость, — которая выражается в лучшей адаптации к требованиям познавательной ситуации в игре и способностью быстро и точно выделять детали

из целостной пространственной ситуации. Второй — гибкий познавательный контроль — выражается в быстром переключении между разными источниками информации в игре. В свою очередь рефлексивный стиль (когнитивный стиль в игре, при котором доминируют медленное и точное принятие решений) присущ игрокам с низкой игровой активностью и мотивацией [2].

А. А. Сакбаев доказывает, что увеличение игрового опыта, обусловленное повышением игровой мотивации, является следствием ориентации подростка на взаимодействие с компьютером [16]. Мотивы, движущие подростком в реальном мире, переносятся на компьютер, становятся игровыми мотивами и реализуются посредством компьютера. Например, мотив социального одобрения и принятия, по каким-то причинам не реализованный в реальном мире, подросток переносит в мир виртуальный, где реализация данного мотива для него возможна.

Другое направление исследований сконцентрировано на проблеме зависимости человека от видеоигр. В отечественном научном поле эта проблема стала сферой интересов таких ученых, как А. Е. Войскунский, А. Г. Иншаков, С. К. Рыженко, С. Б. Цымбаленко, А. В. Шариков, С. Н. Щеглова [3; 9; 15; 16; 21].

С. К. Рыженко выделяет внешние и внутренние причины зависимости. Внешними детерминантами могут выступать стойкая академическая неуспеваемость; межличностные конфликты; неадекватная роль в семье; разрушение обычных стереотипов жизни. Внутренними детерминантами выступают потребность в самореализации; компенсация жизненных неудач; завоевание авторитета среди сверстников; разрядка импульсивных эмоций; приобретение символического опыта и пр. [15]. Как правило, такие люди получают удовольствие от совместной игры, которая носит соревновательный характер. При этом наиболее опасной формой поведения для человека является отрыв от социума, когда игрок предоставлен сам себе, вследствие чего нарушается взаимосвязь с окружающими людьми [9; 13].

Именно возможность моментального получения положительного подкрепления отличает виртуальный мир видеоигр от реального

мира, в котором есть успех. Известно, что игра для геймеров становится частью жизни, в которой он отождествляет себя с каким-либо персонажем, что оказывает сильное влияние на его психику. У пользователя компьютерные игры вызывают сильные эмоции, в которых судьба игрового персонажа для игрока становится атрибутом жизни и поведения, обостряя желание и мотивацию уйти от реального мира, в котором негативные жизненные переживания, трудности в общении с людьми для геймера выступают в качестве обстоятельств, препятствующих ему [9].

М. С. Иванов выделяет четыре стадии психологической зависимости от компьютерных игр.

1. *Легкая увлеченность* — на этой стадии геймер начинает втягиваться в игру. Ему начинают нравиться возможности графического и звукового наполнения игры.

2. *Увлеченность* — стадия, главным признаком которой является психологическая потребность геймера раз за разом возвращаться к игре вновь.

3. *Зависимость* — на этой стадии потребность играть перестает быть одной из множества психологических нужд геймера и переходит в разряд основных, наиболее важных потребностей для человека.

4. *Привязанность* — для этой стадии характерна потеря острого интереса к игре, однако потребность в игре остается. Игра уже не является для геймера такой важной потребностью, но отказаться от видеоигр полностью человек также не может. Эта стадия наиболее продолжительная, она может длиться многие годы [7].

А. Е. Войскунский выделяет несколько характерных показателей компьютерной зависимости, среди которых отмечается раздражительность, «неспособность спланировать время окончания конкретного сеанса работы; побуждение тратить на обеспечение работы в Интернете все больше денег; готовность лгать друзьям и членам семьи, преуменьшая длительность и частоту работы в Интернете; способность и склонность забывать при работе в Интернете о домашних делах, учебе или служебных обязанностях, важных личных и деловых встречах; обретение ощущения

эмоционального подъема и своеобразной эйфории; нежелание принимать критику подобного образа жизни; пренебрежение собственным здоровьем и, в частности, резкое сокращение длительности сна в связи с систематической работой в Интернете в ночное время; избегание физической активности или стремление сократить ее; постоянное “забывание” о еде; злоупотребление кофе и другими тонизирующими средствами» [3: с. 91–92].

Исследователи К. Янг и И. Голдберг положили начало психологическому анализу зависимости. «После написания и публикации книги “Caught in the Net” Кимберли Янг впервые представила материалы и результаты проведенных исследований в 1996 году в Торонто на ежегодном заседании Американской психологической ассоциации. С тех пор количество работ в данной области резко возросло. Среди новых направлений исследований, идеи которых заложены К. Янг, можно назвать клиническую диагностику и эпидемиологию интернет-зависимости, психосоциальные факторы риска, распознавание симптоматики, оценку способов терапии и предупреждения интернет-зависимости» [8: с. 57].

Данные российских исследований также убедительно доказывают, что число подростков, признавших, что они увлекаются компьютерными играми, в первые годы 2000-х годов возросло с 29,3 % до 49,9 %, а число подростков, практически постоянно находящихся в компьютерной сети, возросло с 4,6 % до 12,8 % [21].

По данным Американской медицинской ассоциации «до 95 % американской молодежи играют в видеоигры, и 15 % (а это больше 5 миллионов детей и подростков до 18 лет) геймеров проявляют признаки патологической зависимости» [22: с. 53]. Другими словами, их увлечение видеоиграми оказывает деструктивное влияние на различные аспекты их жизни.

Важным направлением в изучении психологического влияния видеоигр является оценка личности человека, с уже сформировавшейся зависимостью [1; 5]. К. Г. Дмитриев и Ц. П. Короленко доказали, что у людей, зависимых от компьютерных игр и Интернета, особо выражены акцентуации характера

возбудимого, демонстративного и застревающего типов [5; 11]. В характеристиках, присущих лицам с данными типами акцентуаций, одной из важнейших составляющих были разного рода затруднения и отклонения во взаимодействии с другими людьми. Зафиксировано снижение эмпатических способностей личности.

Ю. И. Наумова в своей работе показывает, что «разрушительный характер компьютерной зависимости проявляется в том, что компьютер из средства постепенно превращается в цель. Компьютер поглощает время, силы, энергию и эмоции до такой степени, что ребенок оказывается неспособным поддерживать равновесие в жизни, включаться в другие формы активности, получать удовольствие от общения с людьми, развиваться как личность, проявлять симпатии, сочувствие, эмоциональную поддержку даже наиболее близким людям» [13: с. 11].

Т. В. Барлас и А. П. Головина провели исследование «особенностей самовосприятия геймеров в реальном и виртуальном мирах. <...> Испытуемые склонны оценивать себя как скромных, уступчивых, эмоционально сдержанных, послушных, прислушивающихся к советам других людей, склонных к восхищению и вежливых. При этом свой идеал геймеры видят менее уступчивым, возможно более свободным, уверенным в себе. Виртуальный образ отличается еще меньшими по выраженности качествами. В виртуальном мире испытуемые стараются быть менее зависимыми, послушными. Они стремятся к большей независимости» [1: с. 104]. Стремятся реализовать качества, противоположные тем, что присущи им в реальной жизни. «...Главной проблемой в реальности испытуемые считают свою зависимость и подчиняемость, однако в игре они эту проблему преодолевают. <...> Таким образом, видеоигра выступает в качестве способа компенсации фрустрируемого желания, которое не может реализоваться в реальности» [1: с. 106]. Исследовательская группа под руководством Д. М. Гриффитса также доказывает, что игроки с разной степенью зависимости от видеоигр имеют проблемы в социальной сфере. Для некоторых игроков видеоигра и виртуальное общение предпочтительнее

реального и создает проблемы в жизни. Исследования показали, что люди, часто играющие в видеоигры, имеют большую социальную тревожность. Участниками исследования были студенты. Выяснилось, что пол заядлого любителя видеоигр почти не влияет на появление проблем в социальной сфере [30].

Таким образом, проблема агрессии и жестокости как следствие психологического влияния видеоигр на подростков и юношей наиболее актуальна именно для школьной среды. Подростки дают более яркие агрессивные реакции, чем взрослые люди. Вместе с тем они склонны проявлять физическую агрессию, нежели вербальную. Взрослый человек чаще находит разумный выход из ситуации дезадаптации, чем подросток. Зависимость между чрезмерным погружением подростков в виртуальную реальность и уровнем агрессивности, тревожности, фрустрации выражается в неумении управлять своими негативными эмоциями даже в незнакомом социальном окружении, и вследствие этого они переносят агрессию из виртуального мира в реальность [4; 12; 20].

Н. В. Омельченко [14] и Н. В. Богачева [2] в своих работах подчеркивают наличие корреляции между игровым опытом, игровой активностью и проявлениями агрессии. Н. В. Омельченко пишет: «Предпочитающим шутеры и ролевые игры свойственны повышенный нейротизм, склонность к соперничеству, агрессивность. В игре такие люди ищут возможность для выхода негативных эмоций, для утверждения своего превосходства» [14: с. 25].

Одним из факторов увеличения влияния жестоких видеоигр на психику подростков становится одобрение ими насилия как основного критерия увлекательности игры, что значительно повышает опасность правонарушений, совершаемых подростками.

Д. Гроссман отмечает, что открыто продавая жестокие игры, «мы приучаем детей убивать, так же как армия муштрует солдат. Телевидение скоро приравняет страдание и смерть к таким удовольствиям, как любимая газированная вода, шоколадка или духи. А видео- и компьютерные игры довершат зловещее образование, научат прицеливаться и стрелять, как учатся военные, тренируясь на мишенях» [6: с. 2].

К. Андерон и К. Дилл в своем исследовании показали: влияние на проявления агрессивных форм поведения жестоких компьютерных игр даже серьезнее, чем влияние жестоких телепередач и фильмов, что в свою очередь приводит к росту преступлений и убийств. В обращении к Сенату США К. Андерон сказал: «Хотя в области исследования поведенческих особенностей есть много сложностей, одну простую и ясную вещь нужно знать всем: компьютерные игры увеличивают жестокость и насилие» [19: с. 251].

Дж. Холлингдейл и Т. Грейтмейер также говорят о наличии влияния жестоких видеоигр на агрессивное поведение подростков. Результаты проведенного авторами эксперимента показали, что все жестокие видеоигры приводят к повышению агрессии, в особенности вербальной, однако жестокие видеоигры, имеющие многопользовательский онлайн-формат имеют наивысшую способность стимулирования агрессии [26].

Б. Дж. Бушман и С. А. Андерсон отмечают наличие десенсибилизирующего эффекта жестоких видеоигр. Этот эффект выражался в повышении толерантности к насилию и агрессии, а также в снижении способности респондентов, игравших в жестокие видеоигры, сочувствовать горю других людей и оказывать им поддержку. Именно десенсибилизирующий эффект жестоких видеоигр, по мнению многих зарубежных авторов, является основной причиной повышения агрессивности в среде геймеров [25].

Большая команда исследователей — С. А. Андерсон, А. Сибуя, Н. Ихори, Е. Л. Свинг, Дж. Бушман, А. Сакамото и др. — выяснила, что повышение агрессивности и снижение эмпатии как следствие игры в жестокие видеоигры никак не зависит от национальных, культурных и религиозных особенностей людей. Геймеры из Японии и США показали схожие данные относительно повышения агрессивности и снижения эмпатии вследствие частой игры в насильственные видеоигры. Однако сфера социального взаимодействия в результате игры в жестокие видеоигры больше страдала у подростков из западных стран, что выражалось в снижении социальных контактов и в затруднении при налаживании близких дружеских связей с уже имеющимися товарищами [24].

Г. Халл Джей, Т. Дж. Брунелле, А. Т. Прескотт и др. рассматривают проблему влияния жестоких видеоигр на стимулирование подростковой агрессии с точки зрения общественного одобрения или порицания такого увлечения. Исследователи констатируют очень низкое, механическое влияние жестоких видеоигр на возникновение агрессии (т. е. влияние прямого научения). Во главу угла ученые ставят социальный фактор: именно социальная ситуация и потребность в независимости вкупе с игрой в жестокие видеоигры приводят к повышению подростковой агрессии. Таким образом, социальная ситуация одобрения игры подростка в жестокие видеоигры обуславливает и определяет силу влияния видеоигр [27].

Важным является развитие в обществе культуры использования компьютерного виртуального пространства. Отметим, что есть ученые, доказывающие безобидность и даже пользу видеоигр. Результаты их исследований показывают, что умеренная игра даже в многопользовательские жестокие и насильственные видеоигры любых жанров способна быть безобидной для игрока при нечастом использовании.

Заключение

1. В статье проведен обзор литературы по заявленной теме и отмечен ряд наиболее разработанных направлений в изучении психологического влияния видеоигр. К таким направлениям можно отнести изучение компьютерной игровой мотивации и ее взаимосвязи с психологическими особенностями геймеров; изучение причин формирования и особенностей зависимости человека от видеоигр; изучение личности молодых людей с уже сформировавшейся зависимостью и разработка проблемы психологического воздействия видеоигр на формирование агрессивных поведенческих стереотипов у геймеров.

2. Приведенная классификация видеоигр и анализ различных жанров дали возможность выделить видеоигры жанра RPG (MMORPG и MOBAPG) как наиболее интенсивно влияющие на молодых геймеров. Они способны вызвать у геймера наиболее

сильную зависимость и оказать наиболее негативное психологическое влияние.

3. В целом в российских и зарубежных исследованиях прослеживается общая тенденция негативно оценивать психологическое влияние видеоигр на различные аспекты жизни молодых людей и подростков.

4. В результате обзора публикаций были выявлены направления исследований, которым уделяется недостаточное внимание. К этим направлениям можно отнести разработку

коррекционных методов воздействия на уже сформировавшееся агрессивное или зависимое поведение подростков вследствие чрезмерного использования видеоигр [3; 10; 15; 18]; а также разработку и обоснование методов профилактики и предупреждения негативных последствий чрезмерной игры подростков и молодых людей в видеоигры [20; 23]. Практически не учитывается влияние социального окружения геймера на его игровую активность.

Литература

1. **Барлас Т. В., Головина А. П.** Влияние видеоигр на индивидуально-психологические особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 622. С. 99–110.
2. **Богачева Н. В.** Индивидуально-стилевые особенности взрослых игроков (на материале компьютерных игр): дис. ... канд. психолог. наук. М., 2015. 188 с.
3. **Войскунский А. Е.** Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90–100.
4. **Губанова Л. Г., Винокурова О. В.** Компьютерная зависимость как фактор развития агрессивности личности // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: электронный сборник статей по материалам XVII Студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК. 2014. № 2 (17). С. 170–176. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.sibac.info/archive/guman/2\(17\).pdf](http://www.sibac.info/archive/guman/2(17).pdf).
5. **Дмитриев К. Г.** Психологические детерминанты интернет-зависимости в юношеском возрасте: дис. ... канд. психолог. наук. М., 2013. 192 с.
6. **Жмуров Д. В.** Компьютерные игры и подростковая агрессия // Домашний ПК. 2003. № 5. С. 3–15.
7. **Иванов М. С.** Влияние ролевых компьютерных игр на формирование психологической зависимости человека от компьютера // Психология зависимости: хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. Минск, 2004. С. 152–175.
8. **Иванюшкин И. А.** Интернет-зависимость: социокультурный контекст (педиатрические аспекты) // Российский педиатрический журнал. 2013. № 3. С. 57–61.
9. **Иншаков А. Г.** Механизм формирования игровой зависимости у людей, увлеченных ролевыми онлайн играми // Актуальные вопросы современной психологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, март 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 34–38.
10. **Колотилова И. В.** Индивидуально-психологические характеристики подростков, увлеченных ролевыми компьютерными играми: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Москва, 2009. 22 с.
11. **Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В.** Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олсиб, 2001. 251 с.
12. **Лебедев И. Б., Филатова Т. П.** Кибернетическая лудомания — новая область психологических исследований криминальной агрессии подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 55–59.
13. **Наумова Ю. И.** Внимание: компьютерная зависимость! // Начальная школа плюс до и после. 2007. № 7. С. 11–12.
14. **Омельченко Н. В.** Личностные особенности играющих в компьютерные игры: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Краснодар, 2011. 169 с.
15. **Рыженко С. К.** Психологическое воздействие на игровую компьютерную зависимость младших подростков: дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2009. 185 с.
16. **Сакбаев А. А.** Различия осознаваемых мотивов у подростков с разной степенью компьютерной ориентированности // Материалы конференции «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии» (20 апреля 2001 г.). Караганда: Каргу, 2001. С. 172–178.
17. **Симонович С. В., Евсеев Г. А.** Занимательный компьютер. Книга для детей, учителей и родителей. М.: АСТ-Пресс книга, Инфорком-Пресс, 2002. 368 с.

18. **Собкин В. С.** Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования / под ред. В. С. Собкин. Т. 5. Вып. 7. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. 462 с.
19. **Фадеева С. В.** Компьютерная зависимость как фактор риска развития агрессивного поведения у подростков // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. № 3. Т. 16. С. 250–257.
20. **Фадеева С. В.** Педагогическая профилактика компьютерной зависимости у подростков в общеобразовательном учреждении: дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 2013. 184 с.
21. **Цымбаленко С. Б., Шариков А. В., Щеглова С. Н.** Информационное пространство российского подростка в постсоветский период. М.: НИИ школьных технологий 2006. 128 с.
22. **Шаров К. С.** Онлайн-видеоигры как фактор социальной девиации // Ценности и смыслы. 2015. № 3. С. 52–65.
23. **Юрьева Л. Н., Больбот Т. Ю.** Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика. Днепропетровск: Пороги, 2006. 196 с.
24. **Anderson C. A., Shibuya A., Ihori N., Swing E. L., Bushman B. J.** Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in eastern and western countries: a meta-analytic review // Psychological Bulletin journal. V. 136 (2), Mar. 2010. P. 151–173. URL: <http://www.apa.org/pubs/journals/releases/bul-136-2-151.pdf>
25. **Bushman B. J., Anderson C. A.** Comfortably numb: desensitizing effects of violent media on helping others // Psychological science Journal. 2009. № 20 (3) P. 273–177. URL: <http://pss.sagepub.com/content/20/3/273>
26. **Jack H., Tobias G.** The effect of online violent video games on levels of aggression, 2014. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0111790>
27. **Hull Jay G., Brunelle Timothy J., Prescott Anna T., Sargent James D.** A longitudinal study of risk-glorifying video games and behavioral deviance // J Pers. Soc. Psychol. Author manuscript // Journal of personality and social psychology. V. 107 (2). Aug 2014. P. 300–325. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4151190/>
28. **Scott Jonathan, Porter-Armstrong Alison P.** Impact of multiplayer online role-playing games upon the psychosocial well-being of adolescents and young adults: reviewing the evidence // Psychiatry journal. V. 2013. Article ID 464685, 8 pages. Received 30 November 2012; Revised 4 March 2013; Accepted 4 March 2013. URL: <http://www.hindawi.com/journals/psychiatry/2013/464685/>
29. **Madran H. A., Cakilci E. F.** The relationship between aggression and online video game addiction: a study on massively multiplayer online video game players // Anatolian journal of psychiatry. 2014. № 15 (2). P. 99–107. URL: <http://www.scopemed.org/?mno=39828>
30. **Griffiths Mark D.** Computer game playing and social skills: a pilot study // Revista de psicologia, ciències de l'Educació i de l'Esport. ISSN: 1138-3194 Copyright © 2010. URL: <http://www.raco.cat/index.php/Aloma/article/viewFile/216947/289580>
31. **Kowert Rachel, Domahidi Emese, Quandt Thorsten.** The relationship between online video game involvement and gaming-related friendships among emotionally sensitive individuals // Department of communication studies, university of Münster. Cyberpsychol Behav Soc Netw. 2014 Jul 1. № 17 (7). P. 447–453. Published in Volume: 17 № 7: July 3, 2014. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4080869/>
32. **Hussain Zaheer, Griffiths Mark D.** Gender Swapping and Socializing in Cyberspace: An Exploratory Study // Cyberpsy. Behavior and Soc. Networking. 2008. № 11(1). P. 47–53. URL: http://irep.ntu.ac.uk/id/eprint/20769/1/200171_6560%20Griffiths%20Publisher.pdf

References

1. **Barlas T. V. and Golovina A. P.** An effect of video games on individual and psychological characteristics of gamers // Bulletin of Moscow state linguistic university. 2011. № 622. P. 99–110.
2. **Bogacheva N. V.** Individual and style features in adult gamers (on the basis of computer games): dis. cand. of psychology sciences. M., 2015. 188p.
3. **Voyskunsky A. E.** The actual problems of psychology of Internet addiction // Psychological journal. 2004. V. 25. № 1. P. 90–100.
4. **Gubanova L. G., Vinokurova O. V.** Computer addiction as a factor of aggressive behavior in person // Students' scientific community of the XXI century. Humanitarian sciences: a collection of work of the XVII International student scientific and practical conference. № 2 (17). P. 170–176.

5. **Dmitriev K. G.** Psychological determinants of Internet addiction in adolescence age: dis. cand. of psychology sciences. M. 2013. 192 p.
6. **Zhmurov D. V.** Computer games and adolescence aggression // Home PC. 2003. № 5. P. 3–15.
7. **Ivanov. M. S.** The effects of role-playing computer games on the development of person's Internet addiction // Psychology of addiction / ed. by K. V. Zelchenok. Minsk, 2004. P. 152–175.
8. **Ivanyushkin I. A.** Internet addiction: a socio-cultural context (pediatric aspects) // Russian Pediatric Journal. № 3. 2013. P. 57–61.
9. **Inshakov A. G.** A mechanism of formation of gambling addiction in people going on online role-playing games // Actual problems of modern psychology: materials of the Intern. scientific. conf. (Chelyabinsk, March, 2011). Chelyabinsk: Two Komsomolets, 2011. P. 34–38
10. **Kolotilova I. V.** Individual and psychological characteristics of adolescents interesting in role-playing computer games: dis. cand. of psychology sciences. M., 2009. 184 p.
11. **Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V.** Psychosocial addictology. Novosibirsk: Allsib, 2001г. 251 p.
12. **Lebedev I. B., Filatova T. P.** Cyber gambling as a new area of psychological research of a crime aggression in adolescents // Psychopedagogy in law. № 1 (52). 2013. P. 55–59.
13. **Naumova Yu. I.** Attention: computer addiction! // Elementary school plus before and after. 2007. № 7. P. 11–12.
14. **Omelchenko N. V.** Personal characteristics of people playing computer games: dis. cand. of psychology sciences. Krasnodar, 2011. 169 p.
15. **Ryzhenko S. K.** Psychological impact on computer gaming addiction in younger adolescents: dis. cand. of pedagogic sciences. Krasnodar, 2009. 185 p.
16. **Sakbaev A. A.** The distinction of reasonable motives in adolescents with different computer orientation // Materials of the conference "A Man in psychology: directions of studies in a new century" (20 April, 2001). Karaganda: KSU, 2001. P. 172–178.
17. **Simonovich S. V., Evseev G. A.** Entertaining computer. A book for children, teachers and parents. M.: AST-Press Kniga, Inforkom-Press, 2002. 368 p.
18. **Sobkin V. S.** Education and information culture. Sociological aspects. Works on the sociology of education / Ed. by V. S. Sobkin. T. 5. V. 7. M.: Center for sociology of education of the Russian academy of education, 2000. 462 p.
19. **Fadeeva S. V.** Computer addiction as a risk factor for the development of aggressive behavior in adolescents // Bulletin of the Kostroma state university named after N. A. Nekrasov. № 3. T. 16. 2010. P. 250–257.
20. **Fadeeva S. V.** Pedagogical prevention of computer addiction in adolescents at school: dis. ... cand. of pedagogic sciences. Vladimir, 2013. 184 p.
21. **Tsybalenko S. B., Sharikov A. V., Shcheglova S. N.** Russian adolescents' information space in post-Soviet period. M.: RII of School technology, 2006. 128 p.
22. **Sharov K. S.** Online video games as a factor of social deviation // Journal of values and meanings. № 3. 2015. P. 52–65.
23. **Yurieva L. N., Bolbot T. Yu.** Computer addiction: formation, diagnostics, correction and prevention. Dnepropetrovsk: Porogi, 2006. 196 p.
24. **Anderson C. A., Shibuya A., Ihori N., Swing E. L., Bushman B. J.** Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in eastern and western countries: a meta-analytic review // Psychological Bulletin journal. V. 136 (2), Mar. 2010. P. 151–173. URL: <http://www.apa.org/pubs/journals/releases/bul-136-2-151.pdf>
25. **Bushman B. J., Anderson C. A.** Comfortably numb: desensitizing effects of violent media on helping others // Psychological science Journal. 2009. № 20 (3) P. 273–177. URL: <http://pss.sagepub.com/content/20/3/273>
26. **Jack H., Tobias G.** The effect of online violent video games on levels of aggression, 2014. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0111790>
27. **Hull Jay G., Brunelle Timothy J., Prescott Anna T., Sargent James D.** A longitudinal study of risk-glorifying video games and behavioral deviance // J Pers. Soc. Psychol. Author manuscript // Journal of personality and social psychology. V. 107 (2). Aug 2014. P. 300–325. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4151190/>
28. **Scott Jonathan, Porter-Armstrong Alison P.** Impact of multiplayer online role-playing games upon the psychosocial well-being of adolescents and young adults: reviewing the evidence // Psychiatry journal.

V. 2013. Article ID 464685, 8 pages. Received 30 November 2012; Revised 4 March 2013; Accepted 4 March 2013. URL: <http://www.hindawi.com/journals/psychiatry/2013/464685/>

29. **Madran H. A., Cakilci E. F.** The relationship between aggression and online video game addiction: a study on massively multiplayer online video game players // *Anatolian journal of psychiatry*. 2014. № 15 (2). P. 99–107. URL: <http://www.scopemed.org/?mno=39828>

30. **Griffiths Mark D.** Computer game playing and social skills: a pilot study // *Revista de psicologia, ciències de l'Educació i de l'Esport*. ISSN: 1138-3194 Copyright © 2010. URL: <http://www.raco.cat/index.php/Aloma/article/viewFile/216947/289580>

31. **Kowert Rachel, Domahidi Emese, Quandt Thorsten.** The relationship between online video game involvement and gaming-related friendships among emotionally sensitive individuals // Department of communication studies, university of Münster. *Cyberpsychol Behav Soc Netw*. 2014 Jul 1. № 17 (7). P. 447–453. Published in Volume: 17 № 7: July 3, 2014. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4080869/>

32. **Hussain Zaheer, Griffiths Mark D.** Gender Swapping and Socializing in Cyberspace: An Exploratory Study // *Cyberpsy. Behavior and Soc. Networking*. 2008. № 11(1). P. 47–53. URL: http://irep.ntu.ac.uk/id/eprint/20769/1/200171_6560%20Griffiths%20Publisher.pdf

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА. П. Я. ЧААДАЕВ

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск

В статье рассматриваются психологические идеи выдающегося деятеля российского просветительства, «неразгаданной личности» — П. Я. Чаадаева, — внесшего свой вклад в развитие отечественной философско-психологической мысли в первой трети XIX столетия. В статье используются историко-психологическая реконструкция, библиографический метод, способствующий систематизации основных материалов и источников, а также психологическая интерпретация представлений русского просветителя о человеческой природе, человеке, его борьбе и тех принципах, которые позволили просветителю описывать психологические феномены.

Ключевые слова: человеческая природа; система психологических понятий; личность; борьба; человек борющийся; разумность; чувственность; добродетельность.

PSYCHOLOGICAL IDEA IN RUSSIA IN THE FIRST THIRD XIX CENTURY. P. Y. CHAADAYEV

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk

The article deals with the idea of the outstanding figure of the Russian Enlightenment, «unsolved personality» — P. Y. Chaadaev, — who has made contributions to the development of Russian philosophical and psychological thought in the first third of the XIX century. The article uses the historical-psychological reconstruction, bibliographic method that promotes ordering of basic materials and sources, as well as the psychological interpretation of representations Russian educator of man and of human nature, the struggle and the principles that allowed educator describe psychological phenomena.

Keywords: human nature; system of psychological concepts; personality; struggle; struggling people; intelligence; sensitivity; righteousness.

Введение

Наши современники утверждают, что в истории существуют «экзистенциальные эпохи» и «конгруэнтные периоды», особо чувствительные к психологическим явлениям различного рода, в том числе к таким, как поиск человеком своей исторической идентичности, «обозначению себя» живущими в эту «эпоху» или «период» людьми [32–34]. Творчество русского мыслителя, выдающегося философа П. Я. Чаадаева как раз пришлось на подобный период, стало живым олицетворением такого поиска. Спустя столетия чаадаевские идеи — «его система», «проникнутая одним духом», — остаются актуальными в свете чаадаеведения —

«очередного поиска» русским человеком своей идентичности на новом этапе «конгруэнтности» в истории психологической мысли [10; 14; 25; 44; 45].

П. Я. Чаадаев: идеи в жизни и жизнь идей

О Петре Яковлевиче Чаадаеве (1794–1856) принято говорить как о «самом значительном» философе начала XIX столетия, уникальной, интеллектуальной величине века, «первом великом русском мыслителе», «властителе дум» [22: с. 145, 212]. Он одна из самых загадочных фигур в русской культуре — «новый тип

личности» (А. И. Герцен), «философский иноходец» (И. Клеп) [41: с. 5–21], — придавший импульс дискуссиям относительно прошлого и будущего России, путей познания мира и человеческой природы в тяжелое николаевское время. Немецкий философ, «идеал» московского кружка «любомудров» — Ф. В. Й. Шеллинг, — дороживший своим знакомством с Чаадаевым, в письме к нему просил не оставлять своим участием [40: с. 451]. К чаадаевским идеям оказались восприимчивы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, Н. Г. Чернышевский, которые оставили после себя существенное творческое наследие, в том числе в истории отечественной психологической мысли. Русский гений — А. С. Пушкин — считал его равным таким выдающимся деятелям истории человеческой цивилизации, какими были афинский стратег Перикл («Периклес») и *princeps iuventutis* («первый среди римской молодежи») Брут [27: с. 125]. Пушкинское сравнение позволяет говорить о талантах, большом умственном потенциале Чаадаева. Кроме того, для самого Пушкина Чаадаев — целитель его душевных сил [27: с. 125, 151], «наставник его молодости» [14: с. 111]. В своем дневнике поэт, будучи в разлуке с Чаадаевым, записал: «Никогда я тебя не забуду. Твоя дружба заменила мне счастье» [29: с. 262]. Поэт пушкинского круга, философ XIX века П. А. Вяземский вспоминает, что Чаадаев обладал «чистым», «властолобивым» природным умом, «хотел быть основателем чего-то», заявляя: «Моя философия — это я!» [5: с. 287, 288]. Вяземское сравнение с «высказыванием» французского короля Людовика XIV о своем государстве — то основание, которое позволяет понимать сегодня всю серьезность таких намерений Чаадаева и неразрывность его философских построений с собственной личностью, самоусловленность «жить» сообразно своим идейным устоям и умозаключениям.

Рано оставшись без родителей, Чаадаев вместе со своим старшим братом М. Я. Чаадаевым попадает под опеку своего дяди по матери — Д. М. Щербатова. Дедом Чаадаева был тот самый князь М. М. Щербатов — историк, философ, почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1776), член Российской академии (1783), «московский фронтёр» (Т. В. Артемьева), «друг» и «оппонент»

Екатерины II, который написал работу «О повреждении нравов в России» (1786 или 1787), наделавшей в свое время много шума в обществе [46]. Известны были также психологического плана его сочинения: «Размышления о смертном часе» (1788 г.) и «Разговор о бессмертии души» (1788), в которых ставились морально-нравственные «извечные» вопросы. Можно предположить, что в семейном плане присутствует этос борьбы и интерес к глубоким философским проблемам (о человеке, о связях с миром, обществе и его истории), которые создавали атмосферу для формирования чаадаевской личности.

В доме дяди-опекуна Чаадаевы близко сходятся со своим кузеном И. Д. Щербатовым, образуя кружок с близко родственными, характерными для отроческого возраста борцовскими идеями и духом противоречия относительно наблюдаемой ими повседневной жизни. Переступив порог Московского университета (1808), блистающего в то время своей интеллектуальной элитой, троица приняла в свой круг еще и будущего декабриста И. Д. Якушкина, образовав сплоченную и неразлучную четверку, которая явила стойкость и мужество в годы войны с Наполеоном Бонапартом. В будущем из этой четверки в истории отечественной просветительской мысли навсегда останется диада «Чаадаев – Якушкин». Близкий друг Якушкин приведет Чаадаева в тайное декабристское общество (1821). Взгляды Чаадаева будут схожи со взглядами выдающихся членов Северного общества декабристов, проявивших деятельный, борющийся, свободолобивый ум, направленный на решение проблем естественного права, взаимоотношений народных масс и их руководителей. Брат же Чаадаева утратит интерес к активному поиску мысли, поселившись в деревне, а кузен погибнет при невыясненных обстоятельствах [40: с. 640]. Однако совместное время борьбы и нравственного поиска, проведенное в детстве – юности, даст Чаадаеву возможность обнаружить свой творческий, «скрученный в тугую спираль» потенциал, ставший базисом ряда идей, до системного обоснования которых ему еще предстоит пройти путем психологического аскетизма и социального остракизма.

Воспитанием братьев Чаадаевых занималась их «дорогая тетушка» А. М. Щербатова, которая души не чаяла в младшем из них [30: с. 51–52]. Распространяясь об особенностях такого дворянского («тетушкиного», «дядюшкиного») воспитания, Пушкин практически вживую, с «франта» Чаадаева, делает зарисовку о прошедших детстве – отрочестве и юности своего Онегина: «Второй Чадаев, мой Евгений» [28: с. 16–17]. Строгое изящество чаадаевского костюма, а также «изысканность манер вошли в поговорку» [7: с. 117]. Блестяще образованному и воспитанному, знатному и красивому, подающему надежды офицеру Чаадаеву была обеспечена успешная жизнь в александровском обществе, которую он отвергает, прочерчивая себе совершенно иной жизненный путь, соотнося его с миром идей, захватившим его ум еще в отроческом увлечении библиофильством. Отринув в 1821 году перспективу царской службы, фактически посмеявшись над ней («Я нашел более забавным презреть эту милость, чем получить ее...» [40: с. 15]), Чаадаев уезжает «насовсем» за границу, где странствует в «мирах своих идей» (1823–1826), составляя впечатление о жизни и ее «связи» с человеком. Там же в 1825 году он знакомится с Шеллингом, который, распознав в «молодом человеке» острый ум, с удовольствием делился с ним своими мыслями [40: с. 75] и идеями, «многозначными» для Чаадаева. Русский мыслитель напишет позже немецкому философу о том, что изучение произведений последнего открыло ему «новый мир» [40: с. 75]. Шеллинг — «великан европейской мысли», даже спустя время «не упускал случая про Чаадаева осведомляться»: у каждого встречающегося ему русского он выпрашивал об этом «самом замечательном» человеке «нашего времени» [40: с. 83].

«Насовсем» уехать из России не получилось. В 1826 году Чаадаев возвращается («Хочу домой, а дому нету» [40: с. 44]) на родину своих предков, пережившую смену монархов и восстание декабристов на Сенатской площади. После пересечения границы Чаадаев — друг «бунтовщика» Якушкина — будет задержан и допрошен как подозреваемый в связи с декабристами, за ним установят

«бдительнейший надзор», так и не снятый вплоть до последних его дней [39: с. 574–579]. Позже он еще будет пытаться удержать выскользившую из рук связь со своим другом, декабристом Якушкиным («роковое потрясение так разбросало нас в пространстве...» [40: с. 106]), откликнется философскими рассуждениями на его трактат «Что такое человек?» [47], написанный в далекой сибирской ссылке. Однако останется только видимость их «переписки», сами же они больше никогда не увидятся.

После возвращения из поездки по Западной Европе для Чаадаева начинается время психологического аскетизма — «добровольного затворничества», «внутреннего борения», постепенного осмысления действительности, чтения литературы и углубления в мир «новых», постдекабристских, идей о значимости истории общества, человека, его иррационального начала, предопределенности кардиогностического принципа психологической мысли («сердечной психологии»). То будет время рождения философа и философствующего психолога, «не замершего» после потрясений, пережитых хотя и в отдалении от декабрьских событий на Сенатской площади. Жизнь Чаадаева, как и в его учении жизнь человека, станет «одним грандиозным процессом преобразования» (М. О. Гершензон). Чаадаев получает опыт «особничества» (П. А. Вяземский), самостоятельного построения собственной «обители идей», фактически — ноуменального раблезианского «Телемского аббатства» в безместности «Некрополиса» («города мертвых», как напишет сам Чаадаев о Москве того времени), в котором ему, действительно, предстоит обосноваться «насовсем». Появившееся в это время ощущение тоски от пережитых огорчений, несбывшихся юношеских надежд и глубоко личные переживания относительно мира своих «новых» идей, начинающих требовательно заявлять о себе, заставят Чаадаева в 1828–1830 годах взяться за перо и предоставить им возможность выпукло проявить себя («свою систему»), открыться миру в стройности «философического» учения, где нашлось место проблемам истории, общества, человека и его природы («Сидит один взаперти,

читая и толкуя по-своему Библию и отцов церкви» [40: с. 306]). Пришлось вспоминать когда-то обращенные к нему пушкинские строки о необходимости посвятить отчизне «души прекрасные порывы» [27: с. 68]. Исследователь творческого наследия Чаадаева М. О. Гершензон отмечает, что философу «посчастливилось найти то, что ему было нужно, — единую всеобъемлющую идею...» [7: с. 95].

В 1830 году «прекрасные душевные порывы» — чаадаевские идеи — обрели самостоятельность, вылились в «Философические письма», а списки «писем» стали ходить «по рукам». Так, в личных письмах к Пушкину в 1831 году Чаадаев интересуется судьбой своей «рукописи», а «общество», как следует из переписки их общих друзей, уже в курсе философических изысканий, содержащихся в его «тетради французской» [40: с. 67–68, 69–73, 306–310].

В 1831 году Чаадаев селится во флигеле дома родственников своего друга Якушкина Левашовых на Ново-Басманной улице в Москве, где проживет, не выезжая, до самой своей кончины в 1856 году, получив прозвище «басманный философ» («басманный отшельник»). «Внешняя» (социальная жизнь) Чаадаева будет казаться обывателю николаевской России однообразной, даже «статичной». Однако его «внутреннее» — духовное — существование в собственной ноуменальной обители — это постоянное восхождение к человеческому в себе, «динамика» и напряжение общего потока рефлексии, осознание и продвижение идей, значимость которых мы продолжаем оценивать в настоящее время.

В 1836 году в литературно-общественном журнале «Телескоп» (1831–1836), редакция которого интересовалась философско-психологическими проблемами, появляется интересная статья — «Философические письма к г-же ***. Письмо первое» [37]. Теперь считается, что первым переводчиком из «тетради французской» «Письма первого» был близкий друг московских Любомудров (Д. В. Веневитинова и А. И. Кошелева), в прошлом — «архивный юноша», а в будущем — поклонник чаадаевского таланта, поэт и литератор — А. С. Норов. Адресатом писем была представительница светских кругов — «сударыня»

Е. Д. Панова, знавшая Чаадаева с 1827 года, считавшая своим смыслом жизни на тот период времени необходимость глубокого понимания философских проблем и религиозного опыта человечества («в том желании поучаться в деле религии...» [40: с. 438]). Ранее в отчаянии она писала Чаадаеву о «тягостной неуверенности» [40: с. 436], прося помочь разобраться в превратно сложившихся у нее представлениях о «жизни» и «месте» человека в ней. Чаадаев, имеющий опыт ведения бесед и дискуссий в московских салонах, «распознает» это как появившуюся возможность донести результат своих идейных размышлений до широкой аудитории, желающих узнать о них. Поэтому он воспользовался проверенным способом высказать свои идеи, а именно написать письма «к конкретному адресату и не к кому — ко всем». Для Чаадаева письма стали «удобной рамкой для воплощения дум и чувств автора» (Д. И. Шаховской) [23: с. 12]. Жанр письма, которое, скорее, есть философский трактат, характерен для отечественной психологической мысли, его использовали в свое время такие ее идеархи, как А. Д. Кантемир, А. П. Сумароков, И. А. Крылов, Д. В. Веневитинов. Из перечисленных русских мыслителей, Кантемир и Веневитинов писали «к дамам» (первый — к герцогине д'Эгийон, а второй — графине А. И. Трубецкой), желавшим узнать о философии и значимых для нее проблемах. Дамы эпохи Просвещения — активные проводницы идей, хранительницы и организаторы светских салонов, повлиявших на общественное мнение, приводивших умственную жизнь общества «в движение». Чаадаев блистал в таких салонах как «университетский профессор», «преподаватель с подвижной кафедры» (П. А. Вяземский) [5: с. 288], его речами наслаждались присутствующие. Так, хозяйка одного из известных московских литературных салонов Е. Г. Левашова видела «призвание на земле» Чаадаева в том, чтобы «протягивать руку тем, кто жаждет подняться... к истине» [40: с. 454]. Чаадаев действительно чувствовал себя «носителем некоторой высокой и благодетельной истины, он был глубоко проникнут сознанием своей миссии» [7: с. 130]. Другая дама, увлеченная личностью «басманного философа», сестра переводчика его «Письма первого» — А. С. Норова — отмечала, что «научилась рассуждать, поняла

одновременно все ваши добродетели и все свое ничтожество» [40: с. 441]. Сама «сударыня» Панова, слушая речи Чаадаева, замечала, что она — «веровала», а уважение к его «характеру» внушило ей потребность «заняться» теми же мыслями [40: с. 438], войти в круг значимых для русского мыслителя идей.

Чаадаевские идеи требовали себе пространства. Поэтому он написал с наставительным размахом философский «манускрипт» (В. А. Жуковский) — письма из своей ноуменальной «обители» в «Некрополисе», пытаюсь дать своим идеям возможность продвигаться в мире заученного поведения, «кукольных правил» и стереотипов.

Чаадаевские письма, как заметит «от издателя» Н. И. Надеждин, проникнутые «одним духом» и составляющие «целое», написанные в подлиннике на французском языке, должны были «украсить» «Телескоп», привлечь самое широкое внимание к поднимаемой в них проблематике [37: с. 275]. Однако разразился неимоверный скандал, вызвавший настоящую бурю в обществе. Герцен писал, что чаадаевское письмо «потрясло всю мыслящую Россию», оно было подобно «выстрелу, раздавшемуся в темную ночь», это был «сигнал, зов на помощь, весть об утра или о том, что его не будет, — все равно надобно было проснуться...» [6: с. 139–140]. Последовала скорая реакция «проснувшегося» николаевского правительства и суровая расправа. Произошло то, что даже предвидится в чаадаевском письме, а именно: «суетное волнение ума» «существа материального» без духовных потребностей обратилось против человека и низвергло его «в глубочайшую пропасть» [37: с. 298–299]. Не имея соответствующих сил разобраться в смыслопоиске чаадаевских идей, царь в этом самом «суетном волнении ума» потребовал, чтобы «пропасть» разверглась. Чаадаев был подвержен социальному остракизму, столь любимому Николаем I, который «высочайше» объявил его «умалишенным», «адресат» писем — «сударыня» Панова — «философка», как позже пренебрежительно ее будут называть близкие, была помещена в частную психиатрическую лечебницу. Наказание понесли и те, кто способствовал выходу статьи: отправился в ссылку редактор (Н. И. Надеждин), пострадал цензор (А. В. Болдырев). За переводчика

«письма» (А. С. Норова) заступился брат, служивший царскому правительству. Журнал, в котором публиковались и с которым сотрудничали поэты, писатели — А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. И. Полежаев, А. В. Кольцов; молодые философы — Н. В. Станкевич и А. С. Хомяков; любомудры — М. П. Погодин и С. П. Шевырëв; критик, литератор, философствующий психолог В. Г. Белинский и др., — был закрыт. Самому Чаадаеву запретили впредь философствовать и писать, пытались лишить его мира идей, «закрыть» вход из «Некрополиса» в ноуменальную обитель, так тщательно выстроенную мыслителем.

Однако идеи в представлении отстоявшего свой мир и себя борца Чаадаева всегда играли главную роль, они составляли весь «интерес» его жизни, а в последующее за публикацией письма время — единственную опору его «опрокинутого существования» [40: с. 123]. Борющийся Чаадаев стал идеархом, «повелительно» направляющим поток идей, определяющих строй отечественной философско-психологической мысли, а также чувств и поведения, формирующих те ценности, на которые ориентируется общество и в настоящее время. Творческий, «скрученный в тугую спираль» борцовский потенциал способствовал формированию «учительной роли», оставшейся навсегда за ним в русском обществе [7: с. 119]. Он оказался у истоков разделения общественного сознания на западничество (решительное развитие западно-европейского мирозерцания) и славянофильство (апология самобытных отечественных традиций). Идеархическим стала его мировоззренческая позиция, многократно отраженная в письмах.

Современное источниковедение признает письма, имеющие своим основанием личное происхождение, уникальным источником — личными документами, позволяющими изучать социальную историю, человека, его личность [11: с. 641], понять его мировоззрение. Чаадаевское «эпистолярное» наследие — это не столько личная переписка, сколько разного рода письма-послания «ко всем», разъясняющие его позицию по тому или иному вопросу; небольшие статьи, адресованные заинтересованным лицам, оставшимся в истории лишь

в качестве корреспондентов русского мыслителя, своего рода философские манускрипты [38: с. 297–565; 40]. К источникам, содержащим чаадаевскую, «проникнутую одним духом», «философическую систему» относят работу монографического стиля «Апология сумасшедшего» (1837) [38: с. 139–154; 39: с. 523–538], а также «эзотерическое сочинение» (З. А. Каменский) [15: с. 10], писавшееся на протяжении многих лет — «Отрывки и афоризмы» [38: с. 155–216], его заметки на книгах, — «мысли вслух», маргиналии (от лат. *marginalis* — «находящийся с краю») и др. [38: с. 278–285; 39: с. 582–636]. Чаадаевское наследие помогает понять его мировоззрение.

Сущность чаадаевского мировоззрения — этой выстроенной им ноуменальной обители — составляют идеи Платона, Марка Аврелия, Луция Сенеки, Марка Цицерона, Лукреция Кара, что всегда происходит, как показывают наши современники, в том случае, когда великое античное наследие «усваивается» и «приспосабливается» к реалиям века [34: с. 70]. Кроме того, глубоко интересными для Чаадаева оказываются сочинения Ф. Бэкона, Б. Спинозы, М. Монтеня, Р. Декарта, Ж.-Ж. Руссо, Ф. М. Вольтера, Д. Дидро, И. Фихте, И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, И. Гердера, М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова, Я. Б. Княжнина, А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, М. М. Щербатова, а также ряда христианских мыслителей. Произведения этих авторов Чаадаев, получивший, как уже отмечалось, прекрасное воспитание и университетское образование, коллекционирует, а на авторитет многих из них позволяет себе ссылаться. Даже беглое перечисление имен, значимых для чаадаевских размышлений, показывает характерное просветительское направление его «философических» умопостроений и психологической мысли, родство со взглядами русских просветителей XVIII века.

Круг мировоззренческих предпочтений помогает понять ту методологию, которую русский мыслитель использует в своих «умопостроениях», своем «умственном эксперименте». У Чаадаева она — провиденциалистско-телеологическая, что помогает ему интерпретировать и «понимать» психические явления в жизни человека с позиции

не только предопределенности, но и целевых установок, позволяющих добиваться значимых изменений для человека и человечества.

Чаадаевское мировоззрение отражает его высокую идейность, гражданственную направленность, страстность и относительную лиричность взглядов на мир и свое место в нем.

В настоящее время исследователи чаадаевского мировоззрения представляют его как гражданскую позицию, являющуюся выражением личностного начала [17].

Опыт библиографического анализа показывает, что Чаадаеву и его творческому наследию посвящен целый ряд серьезных, в том числе монографических и диссертационных исследований в основном философского и исторического характера (В. Ф. Асмус, Ф. И. Берелевич, Т. К. Владимирова, М. О. Гершензон, М. М. Григорьян, Н. М. Дружинин, М. Т. Иовчук, З. А. Каменский, Н. А. Каштанова, М. К. Лемке, А. Л. Осповат, З. В. Смирнова, Б. Н. Тарасов, Л. А. Филиппов, В. Г. Хорос, Д. И. Шаховской, П. С. Шкуринов, Л. В. Щеглова и др.) [3; 7; 8; 12; 13; 14; 15; 17; 22: с. 5–204; 22: с. 1–17; 25; 35; 36; 40: с. 647–660; 43; 44; 45]. Серьезное начало системному отечественному чаадаеведению в XX столетии было положено М. О. Гершензоном и Д. И. Шаховским [7; 23: с. 1–17, 18–78]. Одним из первых диссертационных исследований, посвященных взглядам Чаадаева, была работа З. А. Каменского «Из истории развития философской мысли в России. П. Я. Чаадаев» (1941) [12]. В своей диссертации Каменский историологически рассматривал истоки, направления развития философской системы русского мыслителя. Особо он останавливается на историческом значении чаадаевской личности [12: с. 530–619]. В 1946 году Каменскому удалось выступить с обширной лекцией, в которой разбирались творческое наследие Чаадаева, акцентировались особенности его мировоззренческой позиции, естественнонаучные и философские взгляды [13], что стало поворотным моментом в плане исторического интереса к самой личности Чаадаева. Именно Каменский сохранил чаадаевское наследие, собранное репрессированным ранее Шаховским. Чуть позже с необходимостью, в соответствии с временем написания работы, долей критики творческое наследие Чаадаева будет рассматривать М. М. Григорьян

в докторской диссертации, посвященной течением идеализма в России в 40-х годах XIX века (1956) [8]. Появляются монографические работы, претендующие на обобщающие выводы в чаадаеведении. Таковыми стали, например, исследования П. С. Шкуринова «Мировоззрение П. Я. Чаадаева» (1958) и «П. Я. Чаадаев. Жизнь, деятельность, мировоззрение» (1960) [43]. Главной явилась теперь сама возможность исследования творчества Чаадаева в «философском» — самом широком — аспекте изучения, где представлена проблема человека и его отношения к миру. Такая проблема становится интересной и в психологическом ключе, привлекая внимание исследователей-психологов.

В психологических изысканиях Чаадаев как автор социально-психологических идей «появляется» в конце 70-х годов XX века в работе Б. Н. Чикина, когда к чаадаевским взглядам стали относиться идеологически лояльно, а поиск первоисточков на основе «разрешенного интереса» к отечественной психологической мысли усилился [42: с. 18–31]. Очерк его психологических взглядов у Чикина небольшой, однако важно то, что Чаадаев здесь уже предстает психологом — одним из основателей социальной (общественной, национальной) психологии в России. Его ставят сразу после «выдающегося революционера и материалиста» — А. Н. Радищева как подхватившего эстафету в деле разрешения общественно-психологических проблем [42: с. 18] перед А. С. Пушкиным, на взгляды которого Чаадаев, как мы можем себе представить, хотя бы из пушкинских дневниковых записей, повлиял. Понятно, что преследуя цель раскрыть вопросы становления социальной психологии в России, Чикин не рассматривал всю совокупность чаадаевских психологических идей. Этим начал заниматься историк русской психологии И. М. Кондаков [18; 19; 20: с. 179–197], положивший тем самым, как мы можем заметить, начало «психологической линии» в чаадаеведении. В одной из своих работ он заметил, что Чаадаев — «автор оригинальной концепции единства индивидуальных сознаний» [19: с. 95]. Кроме того, предпринята попытка связать имя Чаадаева с идеей зарождения этнопсихологии в России, опирающаяся на его высказывание о «человеческих расах» [26: с. 267; 39: с. 476]. Однако, несмотря на это,

в истории психологической мысли круг чаадаевских психологических воззрений широко не представлен, не рассматриваются взаимосвязи его творческой рефлексии с психологическими взглядами других известных мыслителей (например, со взглядами его деда — М. Щербатова). «Психологическое чаадаеведение» является потенциально актуальным для дальнейшего исследования генезиса значимых в отечественной «истории психологической мысли»¹ концептов и понятий. Психологические воззрения «басманного философа» представляют интерес на современном этапе развития такого важного направления в психологической науке, как «духовно-нравственное» [1: с. 160–195], христианской психологии, поскольку еще нуждаются во всесторонней оценке.

В целом же можно сказать, что о Чаадаеве в науке написана целая «опера» (чаадаеведение), в которой «хор» исследователей на фоне сменяющихся времен попеременно исполняет две партии: сначала о гениальности этого мыслителя и недоступности его идей в суеете мира, а затем о его сумасшествии и бессмыслице выдвинутых им предположений (писем, статей и трактатов). «Хор» путается, и разногласия не дает возможности остановить внимание на чем-то одном и важном. Пусть важными здесь (в этой статье) будут теории и высказывания русского мыслителя о человеке и его психологической природе.

П. Я. Чаадаев о человеке и его психологической природе

Во времена Чаадаева, как и до него в XVIII столетии, психология была интересна многим просвещенным деятелям искусства и науки. Она по-прежнему связана с философией, являясь «частью философской картины мира» (Б. Н. Рыжов), но ею занимаются и литераторы, художественно описывая «придуманный» Н. М. Карамзиным термин «личность» [16: с. 9], в значении, соотносимом с понятиями «человек» и «индивидуум». Значимым для психологических размышлений того времени

¹ Здесь этот термин используется в контексте идей, высказанных Б. Н. Рыжовым [32].

оказывается также понятие «дух», под которым часто подразумевают «ум», рассматривается человеческая «чувственность» («сердечные чувствования»), «общество людей» и мн. др. [2: с. 44, 159, 233, 234, 270]. Привлечено внимание к психологическим «опытам» и среди естествоиспытателей, конкретизировавших идеи о познаваемости мира, первоначальном развитии всех знаний из чувственного начала, пытавшихся преодолеть разрыв между чувственным и рациональным (сенсуализмом и рационализмом) [21: с. 13–28; 24: с. 272–367; 26: с. 102–114; 32: с. 84–88]. Чаадаев оказывается и философом, не чурящимся естественнонаучных размышлений, и писателем — автором «плодотворных и чарующих размышлений», умеющим донести результат этих размышлений до заинтересованной аудитории. Неудивительно поэтому, что в работах Чаадаева встают обращенные к характерным психологическим проблемам вопросы, а чаадаевские идеи «охватывают» философско-психологические концепты, которые их автор наполняет необходимым ему смысловым содержанием.

Л. С. Выготский, рассматривая путь развития психологии, считал, что в «этот путь» входит «сама попытка научно подойти к душе», прилагаемое усилие свободной мысли «овладеть психикой, сколько бы она ни затемнялась и ни парализовалась мифологией» [4: с. 428]. У Чаадаева уже можно констатировать активно проявляющиеся усилия свободной мысли, направленные на «овладение психикой», попытки описания человеческой психологии, психологии русского человека.

Взгляды Чаадаева на человека и его психологическую природу носят системный характер («своя система»), они необычны и составляют интересную страницу истории отечественной психологической мысли. В целом это позволяет рассматривать эволюцию системных характеристик чаадаевского психологического знания, определять перспективность его исследования [31: с. 5]. Так, например, они оказываются созвучными «в отзвуке» просветительской традиции взглядам его деда — М. М. Щербатова, автора этико-психологических работ: «Размышления о смертном часе» (1788) и «Разговор о бессмертии души» (1788), заложившего

основание поколенческой рефлексии о нравственной психологии в своей семье. Пришло время «сольно» прозвучать идеям его внука.

В «Письмах» и примыкающих к ним по времени их написания афоризмах, статьях и переписке в духе просветительской, даже «вольфианской», традиции Чаадаев проводит своеобразное разграничение в психологической проблематике. Для него существует «ходячая» — «школьная» и «углубленная» — психология [38: с. 54; 39: с. 377; 41]. Она для Чаадаева как «эмпирическая» (от греч. *empeiria* — опыт) психология Хр. Вольфа, которая изучает конкретные явления психической жизни человека. «Ходячая» психология поверхностна и не считает для себя важным заглядывать в душу человека в поисках «таинственных пружин духовного движения». На своем «школьном» уровне эта психология хотя и основывается на «эмпирических данных», наблюдении, заимствуя его у «науки о природе», но не делает с их помощью выводов, значимых для описания целостности наблюдаемых в жизни человека явлений. В то время как «углубленная» психология, «принимающая» наследственность человеческой мысли за первоначало духовной природы, находит в этом разрешение большей части своих вопросов, касающихся человека и всего, что с ним связано. Именно она позволяет рассматривать «таинственные пружины духовного движения» человека. «Углубленная» чаадаевская психология как вольфианская «рациональная» (от лат. *rationalis* — разумный) психология, выводит закономерности, исходя из природы и сущности человеческой души.

Чаадаев как один из первых в ряду «углубленных» философствующих психологов XIX века пытается донести до «просвещенного читателя» важность постижения этих «таинственных пружин духовного движения» — «наследственности» мысли «прошлых веков», присущей человечеству исторической памяти, необходимость следования ментальным моделям [10: с. 38].

О человеке, его психологической природе, «таинственных пружинах духовного движения» Чаадаев рассуждает, основываясь на собственном миропонимании, обнаруживая знания естественнонаучных причин, определяющих течение жизни во Вселенной.

Здесь сказался университетский курс, пройденный в годы обучения. В умозаключениях Чаадаева человек выступает как живое воплощение физического и духовного миров, «Я» и «не — Я», мира внутреннего и мира внешнего, как объект и субъект [39: с. 485]. «Чаадаевский человек» обладает «мозгом», в котором «совершаются некоторые созвучия и слияния» между его «частицами», он — разумен. Человек — это «его сознание», он — личность, стремящаяся к «всеобъемлющей личности», к высшим ценностям самосовершенствования.

П. Я. Чаадаев отличает «человека» от «других животных» «организацией», свойственной только ему одному [39: с. 468]. Для него характерна просветительская установка, в соответствии с которой он выделяет «человека-животное» («естественного человека») с определенным ему местом в природе и «человека разумного» («человека образованного»), которому такого места не определено. Можно сказать, что здесь у русского мыслителя, направляющего отечественную психологическую мысль, звучит мотив, присущий еще «возрожденческой психологии» (от фр. *renaissance* — возрождение), гуманистически понимающей человека «как многомерное существо» [9]. Человек в ходе своей истории и «поиска места» в природе векторно ориентируется сначала на «искание образца в самом себе», на создание общества «себе подобных», а затем — на идею божественного образца, высшего божественного «духа» — «ума». На протяжении своей индивидуальной жизни человек испытывает действие двух законов — «физического» и «нравственного» [39: с. 488]. Они «сохраняют» его жизнь как живого, «разумного» существа и как существа «образованного» в сообществе с другими такими же существами («совокупности этих существ» — общества). У Чаадаева — философствующего психолога — в системе сложившихся представлений о человеке, нравственной психологии появляются понятия «природа человека», «сущность», «существование» и «назначение человека». Наши современники показывают, как соотносятся и взаимоувязываются такие понятия в его системе [3: с. 33–52].

Человеческая психика предстает у Чаадаева сочетанием хаоса («хаотическое смешение

всех нравственных элементов») и порядка («прекрасное существование»). Для русского мыслителя внутренняя жизнь человека, способ ее проявления, самоизъявление человеческого и творческого начала понимается как психическое (богатство внутреннего мира), а психические явления в плане самопознания позволяют увидеть всю их глубину. Сами психические явления в жизни человека мыслитель обнаруживает благодаря проявляемым ими признакам. Реконструируя творческое, философско-психологическое чаадаевское наследие, можно заметить, что он видит истоки психической активности человека как во внешнем, так и во внутреннем мирах, определяет и описывает особенности выражения психических явлений, направленность их на субъект или объект, взаимосвязанность и единичность проявлений. Чаадаев различает также психические явления в жизни человека по их отнесенности к прошлому, настоящему и «апокалиптическому» будущему. «Чаадаевский человек» создается во взаимодействии с подобными себе, как в отражении их возможностей и необходимости самостоятельного поиска высшего начала, того, что будет определять его восхождение к человечности и духовности. Чаадаев верит в желание человека обрести в будущем «исконную жизнь», в «высшее напряжение» «дарований», тех потенций и возможностей, которые ему свойственны. По Чаадаеву, природа человека уникальна, в ней присутствуют гармонически позитивные свойства. Однако задатки у человечества в целом еще не развиты в полной мере. Тем не менее человек — это единственное из всех существ, чья «истинная природа» включает способность «просвещаться беспредельно» [39: с. 384]. Чаадаев приходит к пониманию необходимости изменений на «национальной основе» сферы образования [40: с. 83], той части общественной жизни, которая, в свою очередь, изменит саму природу человека («человека образованного»). Взгляды Чаадаева в этом вопросе, если рассматривать их в историко-психологическом контексте, условно продолжают идеи И. П. Пнина — интересного русского философствующего психолога рубежа XVIII–XIX веков —

относительно просвещения в России: человек и общество «ему подобных» (государство) находятся в тесной связи «взаимопрцветания».

О человеке, его потенциальных возможностях и образовании, богатстве внутреннего мира (психики) Чаадаев размышляет так или иначе на протяжении практически всей своей творческой деятельности — «учительной роли».

Чаадаев говорит о человеческих ощущениях, утверждая их значимость в развитии индивида, в его стремлении к познанию жизни и своего предназначения. Источники ощущений обнаруживают себя в физическом, социальном и духовном мирах — материальных, социальных и духовных (ментальных) объектах и предметах, в этико-нравственных практиках человека. Чаадаев отдает должное человеческой способности «ощущать» мир, но более он уверен в потребности самоощущений у человека, стремящегося к пониманию себя («внутреннее ощущение, глубокое сознание своей действительной причастности ко всему мирозданию» [39: с. 361]). Многие его самоощущения становятся попытками самоосуществления, источниками активности индивида в мире. Человеческое сознание способствует преобразованию ощущений, человек оказывается восприимчивым к их побуждающему потенциалу. Сами ощущения человека по мере их переживания превращаются в «его мозгу в восприятие» [39: с. 496]. Протекающий здесь синтез ощущений и дает возможность для обнаружения такого сложного психического феномена, как восприятие. Чаадаев говорит о «смешанных восприятиях», видит взаимосвязь ощущений и восприятия в отношении индивида к себе и к миру. Восприятие по мере развития человека и становления в нем человеческого (культурного) приобретает различные формы. Так, человеку в отличие от других живых существ становится присуще испытывать потребность в восприятии, вести активный поиск образов восприятия. Воспринимающая активность человека проявляется в созерцании и наблюдении за происходящими событиями и явлениями, в познании и самопознании. Чаадаев рассматривает опосредованность восприятий

человека его бессознательной психической активностью и, самое главное — активностью его сознания. Восприятие в чаадаевском представлении носит личностный характер.

Мыслитель верит также в потенциальность человеческого воображения, определяет его как «силу разума», «могущественную способность созидать» [38: с. 168]. Он считает, что «вообразить» такую сложную онтологическую и психологическую категорию, как время (также — «вечное сохранение»), подвластно именно человеку. Вследствие чего воображение оказывается способным направить мысль человека на создание идей о совершенстве, красоте, гармонии, добродетели, любви. Человеку свойственно «благодетельное» и «глубокое» мечтание. Для Чаадаева мечта как эмоционально насыщенный образ отдаленной перспективы оказывается возможной благодаря самосовершенству — «высшему напряжению» «дарований» человека и приближению его к «исконной жизни». Феномены воображения у Чаадаева служат достижению таких человеческих состояний, которые позволяют преодолеть повседневность и творчески отнестись к своему бытию.

Чаадаев прибегает к раскрытию проблемы воли человека. Она в его понимании особенно ценностна при описании психологической природы человека. В «Письме третьем» русский мыслитель отмечает, что воля выделяет человека из «всеобщего распорядка» и делает из него «обособленное существо». Благодаря воле человек «проникнут» личностным началом и осознанием «причастности ко всему мирозданию». Он оказывается свободен в выборе себя или той «всеобъемлющей личности», которая изначальна. Воля становится в глазах Чаадаева также основанием человеческих воспоминаний, строительным материалом его индивидуального сознания. Поэтому неудивительно, что с проблемой воли Чаадаев связывает также вопросы памяти, поскольку считает, что «мы помним не более того, что желаем вспомнить» [39: с. 361]. Человеческая память — продукт деятельности индивида. Благодаря памяти возникает целостность психического пространства человека, потому что из нее «подчерпывается» «идея времени», формируется внутренняя длительность

индивидуального существования, временной план жизни. Память «слита» с другими явлениями психической жизни человека, сохраняет образы, идеи и их связи, побуждения и переживания индивида.

Определена связь памяти и с мышлением (разумом, умом — духом): Чаадаев видит в нем способность к глубоким умозаключениям, прозрениям, осознанию человеком своего предназначения, т. е. всему тому, что являются собой «таинственные пружины» его «духовного движения», которые поднимают «нас выше самих себя». Мышление направляется на установление связей человеческого «Я» с впечатлениями и проживаемыми психическими состояниями. «Движения разума» обеспечивают развитие жизненных связей и отношений человека (скрытые нити «связывают мысли одного разумного существа с мыслями другого»), реализуют себя в разнообразных мыслительных функциях, выявляют умственные способности индивида. Чаадаев считает, что человеческий ум по своей природе стремится к «единству». Благодаря этому человек должен постичь идею «всеобъемлющей личности», понять свою изначальную связь с остальным миром. Быть может, Чаадаев надеется, что благодаря глубокому осознанию своей «действительной причастности ко всему мирозданию» человек решится, наконец, прекратить внутреннюю борьбу, подкрепляемую силой, действующей через сознание и обратиться к глубинному самопознанию. Такое самопознание является своего рода «акме» — вершиной в развитии человека. Зрелое мышление человека, продуктивное в своей основе, порождает концепты различных видов сложности, описывающие видимое, предельное и запредельное в человеческом существовании.

Размышляя о чувствах человека, Чаадаев прибегает к старинному понятию «сердце», характерному для отечественной просветительской традиции (психология сердца, кардиогностический принцип русской психологии). Сердце для Чаадаева, как, например, и для его предшественника Сумарокова, метафора, объединяющая «движения» человеческой души. В сердце человека содержится понятие о благе, общем для всего человеческого сообщества,

для человеческой культуры [38: с. 32–33, 54, 115; 39: с. 359, 360, 416]. Благодаря сердцу и его движению у человека сформировалось чувство долга, также обеспечивается чувство единения с другими. В сердце сохраняется зародыш высшего сознания, потенциал дальнейшего совершенствования человеческой природы. Движение сердца — поведение человека, видимая действенность его личности. Человеческое сердце создает и направляет ум, поскольку Чаадаев уверен, что в «чувстве больше разума, чем в разуме чувств» [38: с. 175]. Чувства человека как эмоциональные переживания, характеризующие его отношение к жизни, природе, обществу, имеют общим «вместилищем» сердце, проявляются в «симпатических» его способностях. Рассуждения Чаадаева относятся к высшим человеческим чувствам, возникающим на основе удовлетворения духовных потребностей человека. В центре них — моральные чувства, способные вызывать переживания человек по поводу удовлетворения потребностей в соблюдении традиций и правил общественной жизни. Сердце становится сплавом осмысленных и одухотворенных чувств, всего того, что человек может выразить в своей речи.

Чаадаев обращает пристальное внимание на человеческую речь. Человеческое слово, основание людской речи, рождается из звука. По Чаадаеву, слово является основой «происхождения сознания в отдельной личности» и последующего его развития в человеческом роде. Чаадаев выделяет закономерности: слово «звучит» в «отзывчивой среде» и «сочувственной атмосфере» [39: с. 470]. Он настаивает на том, что слово является также главным средством формирования человеческих душ. Придавая серьезное значение слову, видя в нем действующую силу речи, сам «глагол творящий» [39: с. 381], Чаадаев был уверен, что оно дает достаточно силы, чтобы человек мог действовать, изменяя социальный и духовный мир, творя историю. Даже поэтическое вдохновение, по Чаадаеву, это «вдохновение словом, а не мыслью» [38: с. 285]. Благодаря слову рождается человеческая речь — осмысленность идей сердечного разума, способствующая общению. Лишенные самой возможности общаться, люди «мирно щипали бы траву,

а не рассуждали бы о своей природе» [38: с. 82; 39: с. 385]. Это известное изречение Чаадаева, ставшее своего рода лейтмотивом зарождения российской социальной психологии, указывает не только на ценность общения, но и на его приоритет во многих исходных вопросах понимания человеческой природы. Человеческое общение порождает и общую направленность становления человеческого в человеке.

Чаадаев, конечно же, разделяет просветительскую мысль (Кантемир, Сумароков, Пнин, Радищев и др.) об изначальном равенстве людей по их способностям, данных им от рождения (нет «естественного права на превосходство»), но уверен в последующем развитии их умственного, творческого потенциала.

В целом чаадаевские представления о психологической природе человека основаны на его жизненном кредо (от лат. *credo* — верю): во-первых, нельзя отрицать возможность «достижения совершенства»; во-вторых, «в чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувств» [39: с. 471].

В своих рассуждениях Чаадаев приходит к выводу о бесконечности вопросов человековедения. Однако он останавливается на понятии апокалипсиса (от греч. *ἀποκάλυψις* — раскрытие), подразумевая под ним начало новой эпохи восхождения человека к высшим ценностям, достижения совершенства (апокалиптический принцип психологии). В представлении мыслителя, это окончательное действие («синтез»), на которое направлена «вся работа» сознательных поколений людей. Апокалипсис становится «последней фазой человеческой природы», тогда «великий апокалиптический синтез» — «осуществленным нравственным законом» [38: с. 138]. В его осуществлении мыслитель видит «предел и цель всего». Однако психологически данный вопрос важен в контексте понимания направленности совершенствования человеком себя. Поэтому «углубленную» чаадаевскую психологию можно определить еще как нравственную (христианскую, или апокалиптическую). Высшие ценности такой психологии: добро, благо, долг, счастье, совесть, достоинство, правда — становятся необходимыми мотивами и факторами гармоничного развития и высшего совершенствования человека. Такие представления продолжают общую канву

взглядов и «монологов» русских просветителей XVIII века и «выравнивают» «ткань истории» развития психологической мысли в России в первой трети XIX столетия.

Неудивительно также и то, что Чаадаев обращает внимание на проблему становления человека. Он ищет возможность уравновесить в психологической природе человека его «героизм сильной души» с «покорным умом». Выход найден в исполнении того предназначения для человека, которое не ограничивает его деятельность, не подавляет «врожденные силы» [38: с. 520–521]. Все нравственно ценные качества развиваются на основе «природных сил» — способностей человека, его героизма, «расширимости» чувств и «преданности ума покорного». Важным остается то, что само становление человека происходит в соответствии с общим развитием возможностей его психики, вызывающих высшее напряжение «природных сил», в совокупности всех связей и социальных отношений, обуславливающих действительность воспитания человека в традициях русского народа.

Утверждение «жизненной подвижности» идеи человека, взглядов на его природную, социальную, духовную сущности — чаадаевское «соло» — взаимоувязывает психологические положения и делает осмысленными представления Чаадаева о человеческой борьбе.

П. Я. Чаадаев о человеческой борьбе

Особое значение для «психологического чаадаеведения» имеют его представления о человеческой борьбе [10]. Собственный опыт жизненного противоборства Чаадаева — Периклеса, Брута и офицера гусарского (А. С. Пушкин) [27: с. 125] — актуализируется им в психологических рассуждениях, призван служить его провиденциалистскому мироощущению и рефлексии о борьбе человека. Когда в своих рассуждениях Чаадаев использует концепт «борьба», то в его понимании она страстная, сознательная и беспрестанная. Кроме того, осмысление понятия борьбы у Чаадаева — это одна из попыток создать объединяющую идею всеобщности человеческого рода. Чаадаев — психолог, считавший, что «объяснить человека

можно только через человека», — видит в борьбе основу человеческого движения. Он считает человека достойным борьбы. По мнению русского мыслителя, борьба разворачивается в материальной, социальной и духовной сферах существования человека. Человеческий дух, хотя и «осенен высочайшим из светочей», но не в силах овладеть «полной истиной», поэтому «постоянно мечется между истинным и ложным» [39: с. 378–379]. Отсюда понимание человеком борьбы как внутриличностно востребованной, она — потребность в его духовном самосовершенствовании, в «великом апокалиптическом синтезе» — «осуществлении нравственного закона». Чаадаев пытается этим объяснить происхождение противоречия и противоборства: человеку в его нравственном измерении необходимо делать выбор, осуществляя поставленную цель в соответствии с собственным волеизъявлением.

В характерном для Чаадаева, продолжающего просветительскую традицию, понимании человек создан для добра, совершая которое, он испытывает самое величайшее из всех дарованных ему наслаждений. Человек в созидании добра осуществляет «подвиг сверхчеловеческой доблести» души, испытывает «свою силу» [39: с. 490]. Поэтому его борьба требует мужества. «Чаадаевский борющийся человек» обладает мужеством, слагающимся по формуле, заданной русским мыслителем из добродетели, времени и счастья. Добродетели и добродетельность есть качества и свойства нравственно ориентированного человека. Утверждение их необходимости — продолжение идейной линии психологических воззрений выдающихся мыслителей эпохи Просвещения, а также отечественного патристического наследия и кардиогностического принципа русской психологии. Время, по мнению мыслителя, жизнь, а именно — «истинное», «совершенное существование» [39: с. 454]. Приняв идею времени, «чаадаевский борющийся человек» находит опору своему мужеству. Тогда счастьем становится само стремление к обнаружению и развитию дарований, сущностных сил, которые есть у человека — субъекта действия в созидании своего особого мира. Для Чаадаева существует три способа быть счастливым. Счастливым

человек становится, когда он думает либо только о Боге, либо о ближнем своем, либо «только об одной идее» [39: с. 472]. Фактически Чаадаевым найдено условие, определяющее счастье человека, а именно: упорядочение им собственного внутреннего мира, сосредоточенность на определенном объекте и возможность единения с ним в морально-нравственном поиске. Здесь Чаадаев идет дальше своих предшественников — русских просветителей, — определявших саму возможность для человека «быть счастливым». Счастливый борющийся человек в этом поиске всегда имеет телеологическую заданность — цель. В области нравственного — это есть «движение» к «нравственному закону», сохраняющему жизнь «разумных существ и человеческого общества». Человек-борец поддерживает этот закон своей жизнедеятельностью и своей борьбой [10: с. 39].

Размышляя о побудительных причинах человеческой борьбы, Чаадаев приходит к выводу, что таковыми могут выступать правда как побуждаемая сила, которая может человеком даже не ощущаться, сочувствие к другим — «сердечная симпатическая способность», а также — вдохновение, «ниспосланное свыше» и собственное человеческое «произволение». Борьба для русского мыслителя определяется как личностно-ценностная и общественно полезная.

В своих размышлениях Чаадаев прибегает также к совокупному описанию борьбы, а именно к ее «архаичному» варианту, встречающемуся в древних обществах, на первых этапах становления человеческой истории. Вслед за Чаадаевым к такому понятию будут обращаться отечественные мыслители XIX века, оставившие после себя «психологическое наследие» — А. И. Герцен, Д. И. Писарев, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский и др.

«Архаичная борьба» — война — деструктивна по своей природе и не способствует совместному проживанию людей и тому «прогрессу», под которым Чаадаев понимает достижения разума, сознающего и постигающего себя самого в совершенстве, а именно того, что становится последней фазой человеческого развития [38: с. 204]. Поэтому борьба в исторической ретроспективе, ее армейско-военной причинности у Чаадаева имеет

отрицательную оценку. Хотя сам он является сторонником армейско-военной борьбы за освобождение народов от внешних угроз и врагов.

В приближении провиденциалистских чаадаевских взглядов к реалиям человеческого существования становится понятной и его идея конструктивности освободительной борьбы, ценности ее в морально-нравственной традиции. Формирование и распространение идеалов, выработанных веками ценностей, расширяет сакральное пространство народа и способствует обновлению миров его существования (материального, социального, духовного).

Размышляя об отечественной истории, русском народе, Чаадаев подчеркивал значимость его беспрестанной борьбы и «невольного одиночества», способствовавших воспитанию высоких качеств и свойств — семян, таящихся в русском сердце [38: с. 239]. Пониманию сути этого «семени» (высоких народных свойств), исторически оправданного, Чаадаев отводит достаточно места в своих умозаключениях и философско-психологических констатациях. «Чаадаевский борющийся человек» — христианский воин, сподвижник «великого апокалиптического синтеза», он — патриот, вдохновенный, сочувствующий и доблестный.

Заключение

Личность П. Я. Чаадаева, сила его борцовского характера, система концептуальных положений о человеке позволяют выделить его в общем ряду идеархов отечественной психологической мысли XIX века. Он прошел путем психологического аскетизма и социального остракизма, доказав ценность своих идей и системы «философических» взглядов.

Наследие семейной и просветительской традиции, окружение, составлявшее этос борьбы молодой России начала XIX века, близкие по духу взгляды декабристов повлияли на мир собственных идей Чаадаева, заложили основание для дальнейшего становления его «философической системы», органично включившей в себя психологическую мысль, основные психологические концепты.

Чаадаевские идеи, ставшие общественной мыслью, способствовали выделению

в дальнейшем психологических взглядов, направленных на апологетику отечественных традиций (славянофильство) и на решение человековедческих вопросов в духе западно-европейского мировоззрения (западничество).

В психологическом творчестве Чаадаева выделяются два важных этапа. В юношеском возрасте — рационалистический («декабристский»), ориентированный на определении принципа разумности в поведении человека. Чаадаевская борьба здесь ориентирована на внешний социальный мир и его преобразование до того момента, пока не пришло разочарование во всемогуществу человеческого разума. В зрелом возрасте наступил иррационалистический («постдекабристский») этап, когда исчезли юношеские мечты, но осталось признание кардиогностического принципа жизнедеятельности человека, надежда на «разумность» его сердца. Чаадаевская борьба на этом этапе ориентирована на мир человеческих ценностей и самопознание, интуитивно опирается на апокалиптический принцип в психологическом представлении о будущем человека и его мира («апокалиптическая психология»).

«Соло» Чаадаева о человеке с верой в разум его сердца, совершенство человеческой психологической природы прозвучало в период сложного времени безверия в человеческие силы и возможную свободу человеческого духа. Поэтому оно, несомненно, оказалось «услышанным» и навечно запечатленным в истории психологической мысли. «Чаадаевский человек» — единство «героизма сильной души» и «покорного ума».

Представления о борьбе у Чаадаева связаны с признанием нравственности человека, она — личностно-ценностная, общественно-полезная и армейско-военная. Побудительные причины борьбы — правда, сочувствие, вдохновение и воля человека. «Чаадаевский борющийся человек» предстает высокоидейным (христианским), доблестным и мужественным, вдохновенным и сочувствующим, он — сподвижник «великого апокалиптического синтеза».

Взгляды и идеи Чаадаева — показательная страница уникальности и оригинальности развития психологической мысли в России, отражающая «особенности» «отечественного национального исторического пути» [32: с. 164].

Литература

1. **Аншакова В. В.** Предпосылки становления и развития проблемы личности в отечественной психологической мысли конца XIX – начала XX вв. Астрахань: Астраханский университет, 2006. 289 с.
2. **Веселитский В. В.** Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX вв. М.: Наука, 1972. 320 с.
3. **Владимирова Т. К.** Проблема человека в религиозной философии П.Я. Чаадаева: дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2008. 165 с.
4. **Выготский Л. С.** Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
5. **Вяземский П. А.** Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского; [изд. гр. С. Д. Шереметева]. Т. 9. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 320 с.
6. **Герцен А. И.** Собрание сочинений: в 30 т. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 355 с.
7. **Гершензон М. О.** П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 321 с.
8. **Григорьян М. М.** Главные течения идеализма в России 40-х годов XIX века: дис. ... д-ра философ. наук. М., 1956. 423 с.
9. **Иванов Д. В., Галюк Н. А.** Истоки гуманистических идей в психолого-педагогической теории // Теория и практика гуманизации педагогического процесса. Вып. 7. Иркутск: ИГПУ, 2006. С. 262–274.
10. **Иванов Д. В.** Психологические представления П. Я. Чаадаева (анализ милитарной рефлексии) // Региональные социогуманитарные исследования. История и современность. Пенза: Социосфера, 2012. С. 36–40.
11. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
12. **Каменский З. А.** Из истории развития философской мысли в России. П.Я. Чаадаев: дис. ... канд. философ. наук. М., 1941. 619 с.
13. **Каменский З. А.** П. Я. Чаадаев (Русская мысль на пути от дворянского просветительства к идеологии демократии). М.: Объедин. гос. изд-в при Сов. мин. СССР, 1946. 70 с.
14. **Каменский З. А.** Урок Чаадаева // Вопросы философии. 1986. № 1. С. 111–121.
15. **Каменский З. А.** Чаадаев — сегодня (к 200-летию со дня рождения П. Я. Чаадаева) // Апология русской философии. Екатеринбург, 1997. С. 4–19.
16. **Карамзин Н. М.** Письма *руссаго* путешественника. М.: Типогр. у Ридигера и Клаудия, 1797. Ч. 2 [4], 309 с.
17. **Каштанова Н. А.** Мироззрение П.Я. Чаадаева: историко-философское содержание и динамика: дис. ... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2005. 133 с.
18. **Кондаков И. М.** П. Я. Чаадаев и проблема психологической парадигмы // Журнал прикладной психологии. 1998. № 1. С. 70–81.
19. **Кондаков И. М.** Метафизика души в произведениях русских мыслителей XVIII – XIX вв. // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 6. С. 89–96.
20. **Кондаков И. М.** Психология в зеркале пушкинской судьбы. М.: Эко, 2000. 224 с.
21. **Кузьмин Е. С., Якунин В. А.** Развитие психологии внутри естествознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 96 с.
22. **Лебедев А. А.** Три лика нравственной истины. Чаадаев, Грибоедов, Якушкин. М.: Летний сад, 2009. 720 с.
23. Литературное наследство: сб. / отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский. М.: Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 22–24. 804 с.
24. Очерки по истории русской психологии. М.: МГУ, 1957. 368 с.
25. Петр Чаадаев: pro et contra. М.: Изд-во Христ. гуманитар. ин-та, 1998. 856 с.
26. Психологическая мысль России: век Просвещения / отв. ред. В.А. Кольцова. СПб.: Алетейя, 2001. 376 с.
27. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1974. 744 с.
28. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1974. 520 с.
29. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1976. 398 с.
30. Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: мемуары современников. М.: МГУ, 1989. 448 с.
31. **Романова Е. С., Рыжов Б. Н.** История психологии с системных позиций // Системная психология и социология. 2014. № 1 (9). С. 5–15.
32. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: Воениздат, 2004. 240 с.

33. **Рыжов Б. Н.** Психологический возраст цивилизации // Системная психология и социология. 2015. № 2 (14). С. 60–70.
34. **Рыжов Б. Н.** Психологический возраст цивилизации // Системная психология и социология. 2016. № 3 (19). С. 60–73.
35. **Смирнова З. Н.** Проблема разума в философской концепции Чаадаева // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 91–101.
36. **Тарасов Б. Н.** «Тайна человека» и тайна истории. Непрочитанный Чаадаев. Неопознанный Тютчев. Неуслышанный Достоевский. СПб.: Алетейя, 2012. 352 с.
37. **Чаадаев П. Я.** Философические письма к г-же ***. Письмо первое // Телескоп, журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. 1836. Ч. 34. С. 275–310.
38. **Чаадаев П. Я.** Сочинения. М.: Правда, 1989. 656 с.
39. **Чаадаев П. Я.** Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 800 с.
40. **Чаадаев П. Я.** Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1991. 672 с.
41. **Чаадаев П. Я.** Философические письма. М.: Ламартис, 2008. 320 с.
42. **Чикин Б. Н.** Из истории социальной психологии в России XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 160 с.
43. **Шкуринов П. С.** П. Я. Чаадаев. Жизнь, деятельность, мировоззрение. М.: Изд-во МГУ, 1960. 148 с.
44. **Щеглова Л. В.** История и традиция в мировидении П. Я. Чаадаева // Журнал прикладной психологии. 2000. № 2. С. 3–9.
45. **Щеглова Л. В.** Проблемы самопознания и культурной идентичности в русской философии 30–40-х годов XIX века (П. Я. Чаадаев и Н. В. Гоголь): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: МГПУ, 2001. 39 с.
46. **Щербатов М. М.** О повреждении нравов в России; Чаадаев П. Я. Философские письма и апология сумасшедшего. М.: Типо.-лит. Русского т-ва, 1908. 169 с.
47. **Якушкин И. Д.** «Что такое человек?» // Вопросы философии. 1949. № 3. С. 291–298.

References

1. **Anshakova V. V.** Prerequisites of formation and development of personality problems in the domestic psychological thought in the late XIX-th – early XX-th centuries. Astrakhan: Univ. house “Astrakhan University”, 2006. 289 p.
2. **Veselitsky V. V.** The abstract vocabulary in Russian literary language of XVIII – early XIX centuries. М.: Nauka, 1972. 320 p.
3. **Vladimirova T. K.** The problem of man in religious philosophy P. Y. Chaadaeva: dis. ... cand. philosopher. Sciences. St. Petersburg, 2008. 165 p.
4. **Vygotsky L. S.** Collected Works: 6 V. V. 1. М.: Education, 1982. 488 p.
5. **Vyazemsky P. A.** Complete Works of Prince P.A. Vyazemsky / Ed. By S. D. Sheremetev. V. 9. St. Petersburg : Type. M. M. Stasyulevich, 1884. 320 p.
6. **Herzen A. I.** Collected Works: 30 V. V. 9. М.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. 355 p.
7. **Gershenson M. O.** P. Y. Chaadaev. The life and thought. St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich, 1908. 321 p.
8. **Grigoryan M. M.** Main Currents of idealism in Russia 40 years of the XIX century: dis. ... Dr. philosopher. Sciences. М., 1956. 423 p.
9. **Ivanov D. V., Galyuk N. A.** The origins of humanistic ideas in the psychological and pedagogical theory // Theory and practice of humanization of educational process. V. 7. Irkutsk, 2006. P. 262–274.
10. **Ivanov D. V.** Psychological representation P. Y. Chaadaev (analysis militat reflection) // Regional socio-humanitarian studies. History and modernity. Penza: Sociosphere, 2012. P. 36–40.
11. **Chronology: Theory. History. Method. Sources of Russian history.** М.: RSHU Press, 1998. 702 p.
12. **Kamensky Z. A.** From the history of philosophical thought in Russia. P.Y. Chaadaev: dis. ... cand. philosophy sciences. М., 1941. 619 p.
13. **Kamensky Z. A.** P. Y. Chaadaev (Russian thought on the way from the noble to the Enlightenment ideology of democracy). М., 1946. 70 p.
14. **Kamensky Z. A.** Lesson Chaadaeva // Problems of philosophy. 1986. V. 1. P. 111–121.

15. **Kamensky Z. A.** Chaadaev - today (to the 200-th anniversary of P.Y. Chaadaev) // Apologia Russian philosophy. Ekaterinburg, 1997. P. 4–19.
16. **Karamzin N. M.** Letters *ruskogo* traveler. M.: Tipogr. in Ridiger and Claudia, 1797. Part II [4], 309 p.
17. **Kashtanova N. A.** World P.Y. Chaadaeva: historical and philosophical content and dynamics: dis. ... Cand. philosopher. Sciences. Ekaterinburg, 2005. 133 p.
18. **Kondakov I. M.** P.Y. Chaadaev and the problem of the psychological paradigm // Journal. Applied Psychology. 1998. V. 1. P. 70–81.
19. **Kondakov I. M.** Metaphysics of the soul in the works of Russian thinkers of the XVIII - XIX centuries // Psychological Journal. 1999. V. 20. № 6. P. 89–96.
20. **Kondakov I. M.** Psychology in the mirror Pushkin's fate. M.: Eco, 2000. 224 p.
21. **Kuzmin E. S., Yakunin V. A.** The development of psychology in the natural sciences. L.: Leningrad State University, 1985. 96 p.
22. **Lebedev A. A.** Three Faces of moral truth. Chaadaev, Griboyedov, Iakushkin. M.: Summer Garden, 2009. 720 p.
23. Literary Heritage: Sat. / Ed. by P.I. Lebedev-Polyansky. M.: Coffee-newspaper association, 1935. V. 22–24. 804 p.
24. Essays on the history of Russian psychology. M.: MSU, 1957. 368 p.
25. Peter Chaadaev: pro et contra. M.: In Christ. Humanities. Inst, 1998. 856 p.
26. Psychological Thought in Russia: the Age of Enlightenment. SPb.: Aletheia, 2001. 376 p.
27. **Pushkin A. S.** Collected Works: 10 V. V. 1. M.: Artist. Lighted., 1974. 744 p.
28. **Pushkin A. S.** Collected Works: 10 V. V. 4. M.: Artist. Lighted., 1974. 520 p.
29. **Pushkin A. S.** Collected Works: 10 V. V. 7. M.: Artist. Lighted., 1976. 398 p.
30. Russian society the 30-s of XIX century. People and ideas: (Memoirs of contemporaries). M.: MGU, 1989. 448 p.
31. **Romanova E. S., Ryzhov B. N.** The history of psychology from system positions // Systemic psychology and sociology. 2014. № 1 (9). P. 5–15.
32. **Ryzhov B. N.** History of psychological thought. Ways and regularities. M.: Military Publishing House, 2004. 240 p.
33. **Ryzhov B.N.** Psychological age civilization // Systemic psychology and sociology. 2015. № 2 (14). P. 60–70.
34. **Ryzhov B. N.** Psychological age civilization // Systemic psychology and sociology. 2016. № 3 (19). P. 60–73.
35. **Smirnova Z. N.** Mind problem in a philosophical concept Chaadaeva // Problems of philosophy. 1998. № 11. P. 91–101.
36. **Tarasov B. N.** "Mystery man" and mystery stories. Unread Chaadaev. Unidentified Tiutchev. Unheard Dostoevsky. Spb.: Aletheia, 2012. 352 p.
37. **Chaadaev P. Y.** Philosophical Letters Ms. ***. First letter. // Telescope magazine of modern education, published by Nicholas Nadezhdin. 1836. Part. 34. P. 275–310.
38. **Chaadaev P. Y.** Works. M.: True, 1989. 656 p.
39. **Chaadaev P. Y.** The Complete Works and Selected Letters: 2 V. V. 1. M.: Nauka, 1991. 800 p.
40. **Chaadaev P. Y.** The Complete Works and Selected Letters: 2 V. V. 2. M.: Nauka, 1991. 672 p.
41. **Chaadaev P. Y.** Philosophical Letters. M.: Lamartis, 2008. 320 p.
42. **Chikin B. N.** From the history of social psychology in Russia of the XIX century. M.: Univ. University Press, 1978. 160 p.
43. **Shkurinov P. S.** P. Y. Chaadaev. Life, work, outlook. M.: MGU, 1960. 148 p.
44. **Shcheglova L. V.** History and tradition in world vision P.Y. Chaadaev // Journal of Applied Psychology. 2000. № 2. P. 3–9.
45. **Shcheglova L. V.** Problems of self-knowledge and cultural identity of the Russian philosophy of 30–40-s XIX century (P. Y. Chaadaev and N. V. Gogol): Abstract. dis. ... Dr. Philosophy. Sciences. M.: Moscow State Pedagogical University, 2001. 39 p.
46. **Shcherbatov M. M.** On the Corruption of morals in Russia; Chaadaev PY Philosophical Letters, and an apology for a madman. M., 1908. 169 p., ill.
47. **Iakushkin I. D.** "What is man?" // Issues. philosophy. 1949. № 3. P. 291–298.

Мнения

От редакции

В 2017 году журнал начинает публикацию статей на английском языке. После текста, написанного на языке оригинала, следует развернутая аннотация содержащегося в статье материала на русском языке. Публикация статей на двух языках предусмотрена Свидетельством о регистрации средства массовой информации — журнала «Системная психология и социология» (регистрационный номер ПИ № ФС77–37716 и ЭИ № АС77–37715 от 29.09.2009 г.).

Ниже вниманию читателей предлагается статья старшего научного сотрудника кафедры евразийских исследований Шведского университета города Упсала Г. Саймонса «Материальные угрозы нематериальными средствами: аспекты информационной и коммуникационной безопасности БРИКС».

TANGIBLE THREATS THROUGH INTANGIBLE MEANS: ASPECTS OF BRICS INFORMATION AND COMMUNICATION SECURITY¹

G. Simons,
The Center for Asymmetric Threat Studies (CATS)
at the Swedish Defence University,
Stockholm

The article focuses on tangible threats through intangible means in the framework of broader agenda of information and communication security of BRICS.

Keywords: BRICS; intangible threats; brand; reputation; information security; communication security.

Introduction

Wars are being increasingly fought by alternative means, where there is not a formal declaration of war, the use of proxy forces, the leading role of information and communication in the conflict. The boundaries between war and peace are increasingly blurred. In technical jargon this can be referred to as *full spectrum warfare*, in a current popular parlance, it is *hybrid war*. It is important to try and understand the nature and procedure of how an actor can attack the intangible assets of a target organisation/country in order to bring about and realise foreign policy objectives through the use of subversion of another actor's sovereign information space.

The global geopolitical landscape is currently in state of flux and change. Although the United States (US) saw itself as the winner of the Cold War and was the last superpower left standing with unrivalled economic and military might these advantages are in a gradual state of decline. This situation, however, does not mean that it is an accepted fate, which is witnessed by the increasingly self-destructive actions (contrary to actual concepts of US national interests and national security) around the world, and especially related to an increasing use of regime change to eliminate obstacles and rivals. The Colour Revolutions and the Arab Spring illustrate the potential destructive power of offensive information and communication on target states.

¹ Статья предоставлена профессором философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктором исторических наук, профессором Е. Н. Пашенцевым.

A number of states (such as China and Russia) and international organisations (for example BRICS) challenge the global hegemony of the US. States that challenge or stand up to the US can become targets of subversion, such as Cuba, Iran and Venezuela. BRICS and/or individual member states can also find themselves in this situation. From a theoretical and conceptual perspective, how could an attack on the informational and communicational security of a target appear?

This paper shall begin with analysing the role played by news production, which is used to serve as an instrument of foreign policy. It prepares the narrative for the domestic and international audience, which also doubles as a means for initiating a spiral of silence on events and key people (by restricting the perceived and permissible boundaries of discussion and conversation on the issue). The next section discusses the role of power and subversion in politics. It seeks to detail the means and mechanisms of subverting an opponent by attacking an opponent/target's intangible assets (reputation, credibility and brand), bringing about a crisis that witnesses a split in society between the elite and the masses, and among the elite, ultimately setting the stage for what seems like a 'popular' regime change. Finally, a SWOT analysis of BRICS is briefly conducted in order to identify potential for informational and communicational attack by external forces.

Operationalising News as an Instrument of Foreign Policy

There are two sides to the use of information in a geopolitical context — defensive and offensive. A defensive use of information involves countering the target's offensive narrative and messaging and defending one's own brand and reputation. The offensive use of information involves projecting one's own narrative into the target's information space and attacking the opponent's brand and reputation. This is very much an informational battle of perception, the success of which is dependent upon the credibility of the messenger and the penetration of the message. The intention is to create

a crisis situation, although a threat to the target, it is an opportunity for others. Ultimately, the ability or inability to control the informational flows will have a direct impact upon the operational aspects of the crisis and its eventual outcome. News is seen as a potential tool with which to shape audiences, to shape their perceptions and opinions in order to support a certain policy or agenda.

Primarily, however, the engineer of consent must create news. News is not an inanimate thing. It is the overt act that makes news, and news in turn shapes the attitudes and actions of people. A good criterion as to whether something is or is not news is whether the event juts out of the pattern of routine. The developing of events and circumstances that are not routine is one of the basic functions of the engineer of consent. Newsworthy events, involving people, usually do not happen by accident. They are planned deliberately to accomplish a purpose, to influence our ideas and actions [2: p. 119]. Here Bernays makes it clear that there is nothing random or neutral in the production of news, it serves a purpose, which is to support certain political objectives and policy through carefully 'massaging' public opinion. A later author noted that there is a "trend toward presentation of propaganda in the form of news through regular news channels" and he predicted that "this trend can be expected to continue in the future" [16: p. 12]. Entman notes that "public opinion cannot be divorced from the political discourse and media frames that surround it. The apparent impact of the public on government policy often arises from a circular process in which government officials respond to the polling opinions, anticipated or perceived majorities, and priorities that many of them helped to create" [6: p. 142]. Public opinion is highly coveted for the reason that it can be used in an instrumental sense in achieving the priorities and goals of the communicator. It may seem like a straight forward proposition, but in order to influence public opinion, an approach is needed in order to create an adequate political information environment in which to incubate it.

Public opinion is a construction: of governments, of the media, and of everyday conversation influenced by government and the media. It is accepted and treated as though it were

an objective reality to be discovered by polling or otherwise taking account of expressed beliefs and assumed beliefs about public policy. But it reflects and echoes the claims of officials and of reports in the media respecting developments or alleged developments in the news. Dramatic news reports and interpretations of events and non-events are routinely deployed to evoke concern, anger, relief, and beliefs in general, and these are then labelled *public opinion* [5: p. 53].

As is seen above, shaping public opinion is an art that requires a specific and accurate approach to news telling. Words and images are used in a deliberate manner in order to try and induce the desired emotional state that is likely to stimulate the desired response to the event being depicted. To be able to bring about this situation, the aspects of magnitude (in terms of prominence and repetition) and cultural resonance must be considered. Words and images need to be “highly salient in the culture, which is to say noticeable, understandable, memorable and emotionally charged” [6: p. 6]. New information communication technologies play an increasingly significant role in the type and nature of news, and in the means to influence audiences. This enables the projection of strongly emotional material and themes, especially with regards to mobilising and/or rallying “global consciousness” and “moral actors” on the world stage. “The admonition to “think globally” has undeniable ethical overtones: that we are part of one world whose condition should concern us all” [3: p. 7]. At its most basic point, this exercise is one of enacting influence on a target audience.

The specific influence brought about by news framing and narratives on a certain issue may be found in opinion, but also issue salience. Opinion is merely one of the aspects, issue salience is no less importance, which is related to not how an audience thinks about an issue, but what issue audiences think about. Therefore, the use of news reporting can focus attention (agenda-setting) on a given foreign policy issue and prime the given audience in terms of expectation management (of ‘inevitability’ and outcomes) [8; 9; 17; 22; 23; 26].

Use of Subversion and Power in Politics²

What is power? Seemingly it is a simple question, but it is in fact, very difficult to answer. Many people talk about power, but there are variable definitions. It is one of those things that is much easier to experience than to define or be able to accurately measure. Nye defines power as “the ability to influence the behaviour of others to get the outcomes one wants” [14: p. 2]. There are two different paths to achieving power, through the use of attraction or the use of coercion. Owing to the nature of the topic of this paper, the path using coercion is more appropriate. Coercive or command power relies on the use of demands “to change [my] preferences and do what you want by threatening [me] with force or economic sanctions” [14: p. 6]. Power involves the use of persuasion as a means to achieve a desired goal or objective. Anthony Lake, former National Security Advisor to President Clinton, stated that the US diplomatic responses to conflicts can be classified into two categories: as honest broker and powerful broker [11: p. 116]. An honest broker is defined as relying on reason, patience and non-coercion. Meanwhile a powerful-broker relies on the use of force, and by the implied logic is consequently less patient and sincere. It is about the ability to persuade another actor.

Persuasion is a commonly heard and key element in the process, however, it still requires further elaboration. It involves five different components: 1) It is a symbolic process, 2) in which people persuade themselves, 3) which involves an attempt to influence and 4) the transmission of a message, and 5) which requires free choice [15: p. 12–15]. In terms of impact, persuasion can be used for three broad effects. One effect is to *shape* attitudes and opinions on something. A second use is to *reinforce* attitudes and opinions in an audience. The third effect is to *change* attitudes and opinions [15: p. 24–25]. This is achieved through the control of a two-way flow of information. “The most successful movements simultaneously seek information about their

² The terms *coup*, *insurrection* and *revolution* are at times used to describe the action of an illegal seizure of political power by forces that use means other than a democratic vote. Their origin of use is related to the respective author of the theoretical material being consulted and quoted.

targets while managing facts about themselves” [3: p. 52]. There may in fact be different publics that need to be segmented as there may be incompatible goals between the different publics, for example an international public and a foreign government. The goal may be to garner support for regime change (although formulated in a more palatable and diplomatic form) among the international public, and to try and limit the perceived options available to a foreign government. There has been a refinement of tactics used in regime change that try to reduce the overall perception of deep rooted national interests in the process of regime change, which uses a variety of different state and non-state actors as well as international and domestic (in the target country). Keck and Sikkink make an interesting observation in the opening of their book on transnational advocacy networks.

World politics at the end of the 20th century involves, alongside states, many non-state actors that interact with each other, with states, and with international organisations. These interactions are structured in terms of networks, and transnational networks are increasingly visible in international politics [10: p. 1].

The authors have an upbeat assessment of this new form of advocacy, which they associate with positive changes in international politics within such areas as human rights and the environment. They note that “advocacy networks are helping to transform the practice of national sovereignty” [10: p. 2]. However, these networks can and are used for other purposes as well, by eroding the concept and strength of national sovereignty, it potentially exposes a targeted country to informational attack for the purposes of regime change.

A broad coalition of actors is involved in the process of advocacy, but are controlled and directed from a central point and by common practices. In their study on the role and activity of transnational advocacy networks, Keck and Sikkink, identify a number of similarities among diverse networks and causes. “Despite their differences, these networks are similar in several important respects: the centrality of values or principled ideas, the belief that individuals can make a difference, the creative use of information, and the employment

by non-governmental actors of sophisticated political strategies in targeting their campaigns” [10: p. 2]. These groups often work in issues areas where there is high value content and informational uncertainty. Information exchange is a central aspect in their relationships, which is used to mobilise informationally strategically in order to persuade, pressure and influence their target group [10: p. 2]. These groups seek to influence the political environment by trying to use the implementation of certain norms and values as leverage.

In some regards, a political ideological tone can be detected in the various revolutionary waves that have witnessed regime change (Colour Revolutions and Arab Spring for example). There seems to be inherent in the overarching narrative a clash between grand ideologies, “each of which presented a totalistic view of the world offering perspectives on how society should be organised” [19: p. 111]. This is clear in the frame where the political ideology of democracy/liberalism is projected as being superior to the stated or suggested oppositional political ideology of authoritarianism (this does not mean to say that the opposing side are authoritarian, but rather framed as being so).

Even if one regime is toppled and is replaced by another regime type that is rhetorically standing for democracy and against authoritarianism, there is no certainty of participatory democracy taking place owing to external actors spoiling the scenario. “The process of democracy is often co-opted into programmes of polyarchy and neoliberalism by the United States and international financial organisations so as to prevent popular democracy from taking root” [18]. However, this relates to unarmed revolutions that are used against a political regime. What happened in Kiev in early 2014 was something else, more akin to the notion of revolutionary warfare.

Revolutionary warfare employs ancient military tactics in conjunction with political and psychological techniques in order to acquire political power as a prelude to transforming the social structure. [...] Revolutionary warfare strategists combine unconventional military tactics with political and psychological operations in order to establish a competing political and ideological structure [21: p. 113].

There are tangible elements present in this type of political violence, however, perhaps of greater importance are the intangible elements. Brute force is but one aspect, the psychological aspect is of greater significance and importance to the outcome of the struggle. Shultz named five principles in revolutionary warfare — primacy of propaganda and political action; mass mobilisation; establishment of a political and military infrastructure; military and paramilitary tactics; and acquisition of outside assistance [21: p. 114–117]. Subversion is the art of being able to turn the intangible into the tangible. Lawrence Beilenson, a friend of Ronald Reagan, once described Vladimir Lenin as being a *Prophet of Power*. “He grasped the opportunity by translating words into deeds to become the foremost theorist-practitioner of subversion. His employment of the tool was shaped by his character, ideology, and theory of power” [1: p. 3]. This is only half the picture though, the other half is found in the capacity and actions of the target government.

Beilenson also noted that “the capability of the subversive tool — like that of any weapon — depends partly on the capacity of its target to resist. A one-time subverter can concentrate on the particular strengths and weaknesses of the target government he wants to topple” [1: p. 13]. In addition to the characteristics of a political regime’s institutional and ideological vulnerabilities, there is another aspect that needs to be considered as well – that of timing. There are different moments when a regime is either more or less vulnerable to subversion and overthrow. “The unpredictability of place and time of overthrow is a collar of the general rule that particular foresight is generally fallible. Experience illustrates the application of the rule to economics, war, and international politics” [1: p. 28]. The planners of a coup or revolution can take advantage of the state’s reaction (especially concerning police and security forces), which in some senses has been compared to a ‘machine’ insofar as it behaves in a fairly predictable and automatic manner [12: p. 21]. Insurrections and rebellions are unpredictable events that can go in a number of different directions on account of different variables.

There are, however, a number of common factors that can be used to create the ‘right’

conditions and environment to initiate insurrection against a government. Luttwak proposed at least three conditions that needed to be simultaneously present. 1) “Severe and prolonged economic crisis, with large-scale unemployment or run-away inflation; 2) a long and unsuccessful war or a major defeat, military or diplomatic; 3) chronic instability under a multi-party system [12: p. 31]. Lenin identified four elements that are needed — 1) foreign assistance to government or dissidents; 2) shifting immediate local grievances, in which underlying causes of discontent become particularised; 3) the failure or success of temporarily uniting diffuse dissident factions during an uprising; 4) the level of loyalty or disaffection in the security forces [1: p. 44]. Luttwak also notes, when a political regime (regardless of whether it is democratic or not) keeps open a channel for active dialogue, the chances of creating an environment of being overthrown are reduced [12: p. 29]. These are the necessary domestic conditions that are required in order to begin the process.

Information and communication is selectively used to resonate with the potential aspirations and fears of the target audience, which can have the effect of seducing and then mobilising the targeted population [24]. By attacking the intangible elements of a target population and its leaders, it is hoped to create fissures in society as civilians lose belief in their political leadership, their will to fight or resist. Armed forces and security force personnel lose their belief in the political and institutional leadership and are therefore less likely to fight or may even change sides [22]. Therefore intangible communication can have a direct impact upon the tangible operational environment. The significance of informational security is clear — “the 21st century is the age of information when information becomes an important strategic resource. The information obtaining, processing, and security guarantee capability are playing critical roles in comprehensive national power, and information security is related to the national security and stability” [20: p. 273]. Information security is linked to national security and social stability, which is the target of those that seek foreign policy courses that include regime change.

According to Stephen Walt there are a number of common elements and outcomes to revolutions. "First, revolutions become possible when the administrative and coercive capacities of the state have been weakened by a combination of internal and external challenges." Second, there is a rapid outburst of political activity. In mass revolutions, this is often carried out by individuals or groups that are marginalised. Third, the language of political discourse is altered and new symbols and social customs are nurtured. Fourth, the means and principles with which leaders are chosen are changed, they are drawn from the groups that were formerly excluded and now exclude members of the old regime. Fifth, violence is normally the method of revolution, and struggles between competing groups continue after the ouster of the regime [25: p. 35]. There are also external factors at play in subversion, which need to be taken into account.

When the subversion is directed from external sources, there are three distinct strategic characteristics. 1) "It was mainly auxiliary to war being waged or expected to come. 2) Decisive external subversion was always geographically spotty (i.e. not global). 3) In the particular country to be subverted, decisive external subversion was normally conducted in an opportunist manner" [1: p. 90]. There is coordination needed between the external sponsors and the domestic executors of the political power seizure. This is particularly important in shaping the external image and portrayal of those subverting a government, and in attempting to shape international public perception in order to try and mobilise support for the act and to condemn the target government and its actions.

Upon the successful seizure of power, there are two primary principles that are pursued by those that have taken political control. The first point is the need for a rapid transformation of and in society to take place, but simultaneously cloaked in anonymity so as to not alienate or mobilise any potential opposition. Secondly, is that all opposition in the form of armed formations needs to be crushed quickly [12: p. 58]. Otherwise weaknesses may emerge that can be exploited by competing groups.

A SWOT Analysis of BRICS

What are the Strengths, Weaknesses, Opportunities and Threats for BRICS in relation to the information detailed above? However, it is necessary to summarise some key points first. It is the task of the attacker to shape the attitudes and opinions of the target in order for them to behave in a manner that benefits their agenda. Whereas the defender must vary between reinforcing or changing (if the attacker succeeds in shaping them) the public attitudes and opinions. This is fought on a perceptual level, and which involves the use of emotional (rather than reasoned) logic.

It is the intention of the attacker to drive a wedge between the rulers and the ruled, and also among the rulers. The elite in society are generally held together by common sets of interests. So long as these hold, the group remains a unified and cohesive force. When the common interests disappear so does the unity and the group may split. This was witnessed in the Orange Revolution, when the Orange side were victorious against the Blue side there reason for remaining together (the defeat of Viktor Yanukovich) disappeared and the result was political infighting among the leading personalities of this group.

The forces that bind the mass level of society are different, and tend to be more emotional rather than pragmatic in nature. This segment of society are kept together through a sense of shared identity and purpose, which is expressed through symbolism — values, norms, flags, national anthems, sport, culture... etc. Their sense of identity and belonging needs to be reinforced through the appearance of active participation in the society to which they originate in order to establish a sense having an active stake in building/maintaining that society.

BRICS represents an early stage of a political-economic development that challenges the established status quo of world politics and economics that favour and therefore give advantage to the US. The brand and reputation of BRICS is not necessarily the sum of all of the individual members. To project a viable good brand and reputation, strategic communication and strategy of the members and BRICS must align in words and deeds. One good

institutional step to realise this goal came about in March 2013 at the 5th BRICS summit in South Africa with the establishment of the BRICS Business Council. The goals of this organisation are clearly communicated.

- Promote and strengthen business, trade, and investment ties amongst the business communities of the five BRICS countries;
- Ensure that there is regular dialogue between the business communities of the BRICS nations and the Governments of the BRICS countries; and
- Identify problems and bottlenecks to ensure greater economic, trade and investment ties amongst the BRICS countries and recommend solutions accordingly³ [4].

The strength of BRICS is reliant upon the values, positioning and goals of the project. In terms of market positioning, it is located as a competitor to the US dominated global order, which resonates with those publics that are dissatisfied with the status quo of world politics and economics. It is also a new brand, which means effective communication (goals and strategies) and actions (concrete results) can solidify the reputation and brand of the organisations. This is also going to be somewhat dependant on the expressed goals and values of BRICS resonating with a wider audience (than solely BRICS countries).

One of the weaknesses is found in the recent establishment of the organisation, which does not have an established brand or reputation, which means that it potentially runs the risk of getting ‘brand-jacked’ by aggressive communication. Certainly looking at the diet of Western news on BRICS and its individual member countries, the general tone of the reporting is dismissive and more linked to agenda-setting, priming and influencing the publics.³ [7]. This means that there needs to be close monitoring of media tone, content and timing as a possible early warning

indicator. It needs to be kept in mind, although some regime changes and coups are planned in advance, there are others which are spontaneous in execution.

Another potential weakness can be found in the fact that there are to five different sets of national interests within the organisation. This potentially allows for a hostile external actor to bring about political division between the member states and render the functioning of the collective organisation. There needs to be a rigorous system of frank and open communication regime between the individual members.

An opportunity exists through BRICS to attract soft power by projecting and creating a fairer and just system of global political and economic relations, which if successful, shall potentially attract the participation of further member and those who may wish to emulate the system. If economic growth and prosperity can be achieved in a general global environment of economic stagnation and downturn, further opportunities will emerge, which should be quickly acted upon. The process of building via political and economic relationships takes time and effort to create and maintain.

The primary threat is for an external actor to inflict damage on the intangible elements of BRICS as an organisation and of the individual member states. If anything, the Colour Revolutions provide a vivid example of what can happen. Those countries (Ukraine, Georgia and Kyrgyzstan) that had the emotional and psychological conditions that supported the attempts at regime change. They experienced political regimes that had lost a viable line of communication with their populations; they had experienced long-term economic upheaval and recession; Western media framing and narratives supported the ‘opposition’ and tied the hands of the government; support, training, logistics and communication supplied by foreign countries; election results were used to prime the local publics who were already discontent, creating an emotional logic; viable and recognisable slogans and symbols were used to politically mobilise the mass levels of society; attempts were made to divide the elites by only threatening to remove the national leader and not everyone, a divided elite is much more susceptible to subversion than a united one;

³ BRICS Business Council, Indian Chapter. URL: <http://www.bricsbusinesscouncil.in/htm/bbc.html> (accessed 21 October 2015)

⁴ Ghosh J. Is the Game Up for China’s Much Emulated Growth Model? The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/aug/23/china-growth-model-brics>, 23 August 2015 (accessed 21 October 2015).

security forces were either inactive or changed sides and joined the ‘opposition’.

Conclusion

In the introduction of this paper a question was posed. From a theoretical and conceptual perspective, how could an attack on the informational and communicational security of a target appear? There are a number of points that have emerged in the course of this paper, which point to some similarities in how full spectrum warfare/hybrid wars are waged. These are actions that occur in a blurred zone between war and peace, which has the effect of potentially restricting the available actions of a victim in defending themselves from such an attack.

A tell-tale sign that something is about to occur can be found in the news content and timing of the country that shall launch the attack. This is intended to serve as a subjective means of telling the audience what to think about, there is further reinforcement that coaches the international audience what opinions and attitudes they should hold based upon the values and norms that are woven in to the narratives and framing of the news. This is an example of defensive use of information as it is about securing and engineering the consent (and if possible the demand) for a certain pre-planned course of foreign policy. It is used to give the appearance of legitimacy to a powerful broker. Communication should precede the actual physical act of regime change or coup.

The logic used is an emotional one, not logical, which is based upon competing sets of values and norms. There is also the involvement of non-state actors, which serve as proxies

and a basis of plausible denial by the aggressor. The intention is to erode the concept and strength of national sovereignty. Information and perception are both key to the success or failure of these operations. On the one hand, there needs to be shared information and coordination between the various attackers. They also need to be able to disrupt the communication credibility and possibilities of their target, which is made much easier if the target does not have a viable and open form of communication with its own population. Emotions are the most effective primer in these events — in terms of attaining or avoiding a certain situation or state of being. This does not need to be true, but it does need to be believed.

Attacks are made against the intangible aspects of the existing political and social structure, which is brought to a crescendo by provoking a crisis (where the simultaneous elements of threat to values, uncertainty and time constraint exist). This crisis is then used as a basis for a political call for action (at the national and international levels) that is likely to fulfil the foreign policy plans and objectives of the supporting foreign power. The preparatory informational campaign run through the news content has conditioned publics into a certain line of thinking and opinion and therefore restricted the permissible bounds of discussion and description. Once the brand and reputation of the target government is damaged by such an attack, it also has the effect of compromising their ability to respond in an operational capacity. This represents the offensive use of an informational attack, to project one’s own narrative into the target’s population and to reduce the effectiveness of the target government’s communications to its population and the international community.

References

1. **Beilenson L. W.** Power through subversion. Washington DC: Public Affairs Press, 1972. 312 p.
2. **Bernays E.** The engineering of consent // The annals of the American academy of political and social science. № 250 (1). 1947. P. 113–120.
3. **Bob C.** The marketing of rebellion: insurgents, media, and international activism. New York: Cambridge University Press, 2007. 256 p.
4. BRICS Business Council, Indian Chapter. URL: <http://www.bricsbusinesscouncil.in/hm/bbc.html> (accessed 21 October 2015).
5. **Edelman M.** The politics of misinformation. New York: Cambridge University Press, 2001. 139 p.

6. **Entman R. M.** Projections of power: framing news, public opinion, and US foreign policy. Chicago: The University of Chicago Press, 2004. 200 p.
7. **Ghosh J.** Is the game up for China's much emulated growth model // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/aug/23/china-growth-model-brics>, 23 August 2015 (accessed 21 October 2015).
8. **Gilboa E.** Global television news and foreign policy: debating the CNN effect // International studies perspectives. 2005. № 6. P. 325–341.
9. **Iyengar S. & Simon A.** News coverage of the gulf crisis and public opinion: a study of agenda-setting, priming and framing // Communication Research. № 20 (3). 1993. P. 365–383.
10. **Keck M. E. & Sikkink K.** Activists beyond borders: advocacy networks in international politics. Ithaca: Cornell University Press, 1998. 229 p.
11. **Lake A.** Six nightmares — real threats in a dangerous world and how America can meet them. New York: Little, Brown and Company, 2000.
12. **Luttwak E.** Coup d'etat: a practical handbook. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1979. 215 p.
13. **Mermin J.** Television news and American intervention in Somalia: the myth of a media-driven foreign policy, political science quarterly. 1997. V. 112. № 3. P. 385–403.
14. **Nye J. S. (Jr.)** Soft power: the means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
15. **Perloff R. M.** The dynamics of persuasion: communication and attitudes in the 21st century. 4th edition. New York: Routledge, 2010. 448 p.
16. **Phillips Davison W.** Some trends in international propaganda // The Annals of the American academy of political and social science. 1971. V. 398. P. 1–13.
17. **Ryan M. & Switzer L.** Propaganda and the subversion of objectivity: media coverage of the war on terrorism in Iraq // Critical studies on terrorism. 2009. № 2 (1). P. 45–64.
18. **Schock K.** Unarmed Insurrections: people power movements in non-democracies. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. 210 p.
19. **Schwarzmantel J.** Ideology and politics, London: Sage, 2008. 208 p.
20. **Shen C. X., Zhang H. G., Feng D. G., Cao Z. F. & Huang J. W.** Survey of information security // Science in China series F: Information security. 2007. № 50 (3). P. 273–298.
21. **Shultz R. H. (Jr.)** Political strategies for revolutionary war in Lord C. & Barnett F. R. // Political warfare and psychological operations: rethinking the US approach. Washington DC: National Defence University Press. 1989. P. 111–138.
22. **Simons G.** Understanding political and intangible elements in modern wars // State management electronic herald. 2012. № 34. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/vipusk/34_2012.htm
23. **Soroka S. N.** Media, public opinion, and foreign policy // Press / Politics. 2003. № 8 (1). P. 27–48.
24. **Vladutescu S.** Communicational types of propaganda // International letters of social and humanistic sciences. 2014. № 33. P. 41–49.
25. **Walt S. W.** A Theory of revolution and war in Kats // Revolution: international dimensions, Washington DC: CQ Press, 2001. P. 32–62.
26. **Wanta W., Golan G. & Lee C.** Agenda-setting and international news: media influence on public perceptions of foreign nations, J&MC Quarterly, № 81 (2). 2004. P. 364–377.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ: АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ И КОММУНИКАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ БРИКС

Г. Саймонс,

Центр изучения ассиметричных угроз
Шведского университета обороны,
Стокгольм, Швеция

Ключевые слова: БРИКС; нематериальные активы; бренд; репутация; информационная безопасность; коммуникационная безопасность.

Некоторые страны (такие как Китай и Россия) и международные объединения (например, БРИКС) бросают вызов глобальной гегемонии Соединенных Штатов Америки. Государства, которые противостоят США, могут стать мишенью подрывных действий, как это случилось с Кубой, Ираном или Венесуэлой. В такой же ситуации может оказаться БРИКС или отдельные его государства-члены. Рассмотрим с теоретической и концептуальной точки зрения, как может развиваться атака на информационную и коммуникационную безопасность мишени.

Задача атакующего — сформировать установки и мнения «мишени» таким образом, чтобы они отвечали его целям. Защитник же, наоборот, должен маневрировать, заботясь об укреплении или изменении своих установок в общественном сознании (последнее — если они успешно сформированы атакующим). Это борьба на уровне восприятия, которая в большей мере использует логику эмоций (а не логику мышления).

Цель нападающего — вбить клин между правителями и управляемыми, а также между самими правителями. Элита в обществе обычно сплочена на основе общих интересов. Пока они сохраняются, группа остается единой и сплоченной силой. Когда общие интересы исчезают, исчезает и сплоченность, что чревато распадом группы. Это подтверждает «оранжевая революция», в которой «оранжевая» сторона победила «синюю», после чего общая цель (поражение Виктора Януковича) исчезла и результатом стала политическая борьба среди ведущих сил внутри победившей группы.

БРИКС представляет собой находящееся на ранней стадии развития политико-

экономическое формирование, которое бросает вызов сложившемуся статус-кво в мировой политике и экономике, дающему преимущество США.

Бренд и репутация БРИКС не обязательно представляют сумму брендов и репутаций всех отдельных членов. Чтобы спроектировать жизнеспособный хороший бренд и репутацию, стратегическая коммуникация, а также стратегии государств-членов и самой БРИКС должны быть синхронизированы в словах и делах.

Сила БРИКС базируется на ценностях, позиционировании и целях проекта. С точки зрения позиционирования на рынке БРИКС является конкурентом мировому порядку, в котором доминируют США. Проект БРИКС находит отклик у той части общественности, которая недовольна статус-кво. Это также новый бренд, который означает эффективные коммуникации (цели и стратегии) и действия (конкретные результаты), которые могут укрепить репутацию и бренд объединения. Также БРИКС обещает стать проектом, зависящим от провозглашенных целей и ценностей, разделяемых более широкой аудиторией (а не только в странах БРИКС).

Одной из слабых сторон БРИКС является недавний срок образования объединения, у которого еще нет сформировавшегося бренда или репутации. Это означает, что БРИКС потенциально рискует столкнуться с «похищением» своего бренда в результате агрессивной коммуникации противников. Определенно, оценивая направленность западных новостей о БРИКС и его отдельных государствах-членах, можно увидеть, что общий тон сообщений пренебрежителен и более связан с политической

конъюнктурой и задачами влияния на общественное мнение. Очевидно, что в БРИКС должен быть налажен тщательный мониторинг тона, содержания, распределения эфирного времени сообщений средств массовой информации. Такой мониторинг может стать индикатором раннего предупреждения угроз. Это нужно иметь в виду, хотя некоторые изменения режима и перевороты планируются заранее, а некоторые осуществляются стихийно.

Еще одна потенциальная слабость заключается в том, что в рамках объединения представлено до пяти разных наборов национальных интересов. Это потенциально позволяет враждебной внешней силе спровоцировать политическое разделение государств-членов и застопорить функционирование объединения. Противодействие этой угрозе требует налаживания строгой системы открытой и общедоступной коммуникации между отдельными членами БРИКС.

В БРИКС существует возможность привлечь «мягкую силу», спроектировав и создав более честную и справедливую систему глобальных политических и экономических отношений, которая в случае успеха привлечет новых членов и тех, кто может последовать примеру объединения. Если в глобальной обстановке экономической стагнации и спада БРИКС сможет достичь экономического роста и процветания, появятся дальнейшие возможности, на которые нужно быстро реагировать. Процесс выстраивания новой системы через политические и экономические отношения требует времени и усилий для своего формирования и поддержания.

Основная угроза, исходящая от внешних акторов, — угроза ущерба нематериальным активам БРИКС как объединения, а также его отдельных членов. Во всяком случае «цветные революции» — яркий пример того, что может произойти. Те страны (Украина, Грузия и Киргизия), в которых сложились соответствующие эмоциональные и психологические условия, поддержали попытки смены режима. Они испытали на себе власть, которая утратила возможность жизнеспособной коммуникации с населением; они подверглись долговременным экономическим потрясениям и рецессии, фреймингу и нарративам западных СМИ;

они поддержали оппозицию и связали руки существующим правительствам. Поддержка, обучение, материально-техническое обеспечение и коммуникация оппозиции обеспечивались зарубежными странами; результаты выборов были использованы, чтобы возмутить местную общественность (которая уже была недовольна), создав «логику эмоций»; эффективные и узнаваемые лозунги и символы использовались для политической мобилизации масс; были предприняты попытки раскола элит путем угроз устранить от власти только национального лидера, а не всю элиту. Расколота элита намного более восприимчива к подрывной деятельности, чем объединенная. Силы безопасности или бездействовали, или перешли на сторону оппозиции.

Нематериальные активы существующей политической и социальной структуры подвергаются атакам, которые становятся все интенсивнее, провоцируя кризис там, где одновременно существуют элементы угроз основным ценностям, нестабильность и недостаток времени для важных решений. Этот кризис затем используется как основание для политического призыва к действию (на национальном и международном уровнях), что, скорее всего, соответствует внешнеполитическим планам и целям иностранной державы, поддерживающей смену режима. Подготовительная информационная кампания, реализуемая через новостной поток, приводит общественность к определенной направленности мышления и мнений, чем ограничивает допустимые пределы обсуждения и описания происходящего.

Однажды нанеся ущерб бренду и репутации атакуемого правительства, противник добивается снижения способности этого правительства реагировать на угрозы, используя для этого все средства. Этим характеризуется наступательное использование информационной атаки, направленное на распространение своего собственного нарратива среди населения атакуемого государства, а также на уменьшение эффективности коммуникации атакуемого правительства с собственным населением и международным сообществом. В этой связи предлагаются следующие рекомендации:

– странам БРИКС нужна общедоступная и тщательно отлаженная форма коммуникации между государствами-членами, внутри этих государств, а также коммуникации с международным сообществом. Эти уровни коммуникации должны не только четко дать понять, что поддерживает БРИКС и его государства-члены с политической и экономической точки зрения, но и то, как страны БРИКС, его граждане и партнеры могут извлечь материальную и нематериальную выгоду из этих отношений;

– для того чтобы реализовывать и придавать смысл собственной стратегии и стратегической коммуникации, а также синхронизировать слова и поступки, БРИКС нужно разработать четкие и позитивные бренд и репутацию в международном сообществе. Это должно помочь, если организация отчетливо позиционирует себя на мировом рынке политических и экономических идей как гарант статус-кво, нишевой игрок или тот, кто бросает статус-кво вызов. Декларируемые ценности и нормы должны поддерживать идею бренда и репутацию;

– как БРИКС в целом, так и ее государства-члены должны принять во внимание

материальные и нематериальные условия, которые создают окружающую среду, позволяющую иностранным державам начать подрывную деятельность в отношении социальной и политической системы организации. Эти угрозы, соответственно, должны быть вовремя минимизированы.

Чтобы сформировать большее чувство сплоченности, БРИКС должен продолжать создавать, продвигать и поддерживать взаимопонимание между политическими и экономическими элитами, четкую общую цель и видение, устойчивые и выгодные в долгосрочной перспективе. Краткосрочные цели и задачи не могут поддержать эту сплоченность, так как общая логика действий и цель могут исчезнуть. Управление широкими массами требует эмоциональных вложений, сопряженных с рисками. Общество должно чувствовать, что оно принимает участие в самом политическом процессе и получении и использовании его результатов, что возможно не просто при коммуникации с обществом, но и при активном его участии в делах объединения.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ

П. Б. Мрдуляш,
РАНХиГС, Москва

В статье предложена классификация образовательных программ, построенных на проектной работе обучающихся. Основой для классификации является та часть проектной деятельности, которую осваивают обучающиеся — постановка задачи, формирование проектной идеи или планирование процесса организации и реализации проекта. Отдельно рассмотрены программы подготовки государственных служащих и проектно-проблемные программы.

Ключевые слова: управление проектами; образование; подготовка государственных служащих.

CLASSIFICATION OF PROJECT-ORIENTED EDUCATIONAL PROGRAMS

P. B. Mrdulyash,
RANEPA, Moscow

The article proposes a classification of educational programs in which students make a project. The basis for the classification is that part of the project management that students master. This is either setting the task, or forming a project idea or planning the process of organizing and implementing a project. Training programs for government officials and design-problem programs are described in more detail.

Keywords: project management; education; training programs for government officials.

Введение

Многообразие существующих образовательных программ, построенных на проектной деятельности обучающихся, делает актуальным их содержательное различие и классификацию. Это может помочь выбору нужных форматов при разработке программ для разных категорий обучающихся и при определении конкретного содержания учебной проектной деятельности¹.

Представление о проекте

Популярность словосочетания «проектный подход» в нашей стране сейчас, в начале 2017 года, можно сравнить только с популярностью слова «инновация» двумя годами раньше. Так, в Правительстве РФ создан департамент

проектной деятельности и 15 октября 2016 года вышло Постановление Правительства РФ № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [4]. В паспорте приоритетного проекта стратегического направления развития РФ «Вузы как центры пространства создания инноваций», предполагается, что к 1 октября 2017 года будут разработаны «модели реализации проектно-ориентированных образовательных программ инженерного, медицинского, социально-экономического и педагогического профилей» [5]. 27 февраля 2017 года Председатель Правительства на Сочинском форуме заявил, что вся деятельность правительства будет организована по проектному принципу. В общем, проектный подход стал очередной панацеей от обеих российских бед.

При этом в массовом употреблении слово «проект» используется для обозначения разных явлений²:

¹ Материал статьи включает как собственный, примерно 15-летний, опыт автора, так и опыт проведения таких программ его коллегами в МШУ СКОЛКОВО, РАНХиГС и во многих других университетах. Особую благодарность автор выражает проф. А. В. Щербенку и П. Л. Шестопалову за критические замечания, существенно улучшившие текст.

² Приведенные в настоящей статье анализ и выводы основаны исключительно на российской практике. Но глубина и подробность разработки проектного подхода в англоязычной литературе косвенно свидетельствует, что там никакой путаницы с проектными программами нет.

1) учебного проекта, требующего решения поставленного преподавателем задания, в котором нужно что-то изучить и описать, ранее ученику неизвестное (какой-то объект, или процесс, или что-то еще), и оформить результат этого изучения;

2) проектной идеи — достаточно проработанной идеи чего-то нового, в которой указаны основные характеристики этого нового и которая выглядит реализуемой³;

3) проектной идеи вместе с представлением о наборе мероприятий, которые нужно реализовать, чтобы воплотить ее в жизнь;

4) пакета документов, описывающих проектную идею и действия по ее осуществлению;

5) проекта как деятельности по созданию уникальных продуктов, услуг или результатов, специальным образом спланированной и осуществляемой в соответствии с утвержденной технологией, отвечающей требованиям международных и российских стандартов по проектному управлению (Project Management, далее — PM).

Таким образом, разные представления о проекте порождают разные типы образовательных программ. Но есть еще один источник путаницы.

Проектный формат в управлении

Слово «проект» всегда использовалось в российском управленческом лексиконе, в том числе и в новейшей чиновничьей практике. Еще в начале 2000-х годов у нас в стране были национальные проекты, всевозможные проекты развития территорий и отраслей. По всяким поводам при правительстве и других органах власти организуются проектные офисы. Одновременно с этим в тех видах бизнеса, где рабочие процедуры максимально нормированы (информационные технологии, фармацевтика, строительство и др.) уже давно использовались методы управления проектами (PM), списанные с западных образцов. Эти процессы в бизнесе и в практике госуправления шли параллельно и, в общем,

³ Идея, которая не может быть реализована, не проект.

не мешали друг другу. Однако в последние годы в бизнесе в результате двух встречных тенденций — роста научной проработанности управленческих процедур и роста формализации многих массовых видов бизнеса — методы управления проектами распространились на новые сферы. Прежде всего это финансы, многие виды промышленности и даже конструкторские работы. Были разработаны и переведены на русский язык подробнейшие процедуры управления проектом: как делать паспорт проекта, устав проекта, органы управления проектом и проч. и проч. Это позволило очень жестко и определенно формализовать не только «временно организованную деятельность для создания конкретного результата», но и саму деятельность по достижению этого результата. А формализация деятельности означает возможность ее проверки контролирующими органами, а следовательно, и возможность для бюджетных и даже государственных организаций вести такую деятельность.

Таким образом, деятельность в проектном формате выступает сейчас законным дополнением регулярной деятельности (функционирования) государственных и бюджетных организаций. Возможное место PM в общей структуре работ госорганов указывает П. Шестопалов, советник Аналитического центра при Правительстве РФ (рис. 1) [7: с. 5]:

Быстрое развитие получила и обеспечивающая государственные органы консультационно-образовательная практика. При этом высокий уровень формализма, необходимый для бюджетного процесса, породил соответствующий тип образовательных программ, прежде всего для подготовки госслужащих.

И здесь разное понимание слова «проект» проецируется на разные типы образовательных технологий. В результате одно и то же название — «проектно-ориентированные» — получили совершенно разные типы образовательных программ.

При этом потерялось, стало неясным главное отличие проекта в образовании от проектов в PM. Проект в образовании всегда предполагал, что учащийся придумывает что-то новое — решение задачи, проектную идею, выход из проблемной ситуации. Проект

Рис. 1. Роль и место проектного управления в реализации стратегических целей

в РМ никаких новых идей не предполагает, цели уже поставлены, нужно их реализовать, руководствуясь определенными правилами.

Проекты в управленческом образовании

В бизнес-образовании и в управленческом образовании слово «проект» традиционно означало учебное задание, формулируемое преподавателем, имеющее комплексный, иногда — междисциплинарный характер и выполняемое учащимся один раз. Как правило, для выполнения проекта формируется группа. В конце XX века в управленческом образовании получило распространение также и другое понимание образовательного проекта, когда учащиеся работают не над учебной задачей, а над решением вполне реальной проблемы из практической деятельности. Здесь уже учащиеся должны не только придумать идею, отвечающую заданию, но и продумать ее реализацию. Следует подчеркнуть, что учащиеся до начала работы над заданием не знают, каким образом его можно решить. Это главная характеристика проектного подхода в образовании, как он развивался в течение последних 15–20 лет.

При этом программы, включающие проектную деятельность учащихся, бывают нескольких типов.

1. Проект является только одним из этапов образовательной программы наряду

с другими видами образовательных форматов (семинары, тренинги, лекции, мастер-классы и т. д.). Возможно, это самый распространенный тип проектов в образовании, потому что он активно применяется для обучения студентов и школьников.

Проект как образовательная технология позволяет научить решению сложных управленческих задач. Команда обучающихся решает задачу и оформляет результат в виде отчета или описания. Например, бизнес-план по разработке нового продукта и вывода его на рынок. Или оптимизации структуры учреждения под новый функционал. Если один из элементов программы — изучение РМ, то отчет может быть оформлен по какому-нибудь стандарту. Результатом программы будет умение составлять бизнес-планы или разрабатывать организационные структуры под функционал. Такого типа проекты делают в основном студенты. Проектные задания вставляются в учебный процесс и позволяют оценить, насколько студенты освоили учебный материал (см. рис. 2).

Частным, упрощенным случаем такого учебного проектирования являются проекты в школах. Как указано во ФГОС среднего образования, «стандарт ориентирован на становление личностных характеристик выпускника: <...> способный осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационно-познавательную деятельность» [6: с. 4].

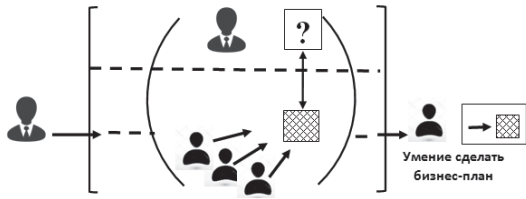

Рис. 2. Проект как образовательная технология

Здесь осваивается, прежде всего, первый тип проектной работы (его можно было бы назвать и нулевым этапом) — процесс изучения и описания объекта, по отношению к которому в дальнейшем мог бы строиться проект как идея и решение. Для школьников важно отработать такие процедуры, как формулировка темы, исследование (поиск готовых знаний или постановка опыта), а если проект коллективный — функционализация, командная работа. Это то, с чего всегда начинается любой проект. К сожалению, недостаточная квалификация многих преподавателей и методистов приводит к тому, что очень часто для школьников он этим и заканчивается и для них остается незнакомой самая суть проектной работы. Так, например, автор федеральных учебников, методист начальной школы Ольга Узорова рассказывает в «Российской газете»: «Школьный проект очень похож на исследование, но здесь не требуется оригинальность или какие-то практические выводы... Достаточно рассмотреть объект с разных сторон, хотя если удастся что-то новое выяснить, будет еще лучше» [1: с. 1].

По своей сути проект всегда нацелен на создание нового, по итогам реализации которого должно появиться нечто иное, сформироваться какое-то новое знание, вывод, результат.

2. Проект является базовым образовательным форматом, все остальные технологии применяются для его обеспечения (рис. 3).

При этом сама тема проекта, как правило, задается преподавателем, как и в первом типе программ.

3. В консалтинге по управлению проектами также активно использовались образовательные программы. Но здесь бизнес-проект приобретал значение кейса, для отработки самой процедуры РМ — разработки паспорта, календарного плана и проч., выполнения всего комплекса действий в строгом соответствии

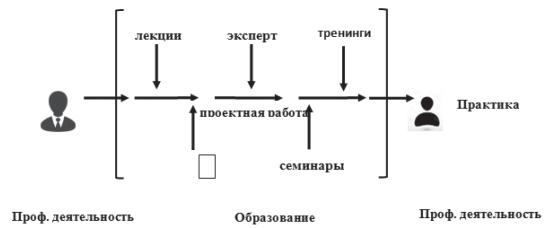

Рис. 3. Проект как базовый формат образовательной программы

со сводом знаний по управлению проектами (Project Management Body of Knowledge, далее — РМВок). Многократное повторение процедуры реализации на разном материале позволяет освоить метод и в дальнейшем применять его в реальном бизнес-проекте (рис. 4). Важно, что в этих программах, как и в самом РМ, не происходит ни формирования целей проектирования, ни поиска решений, которые затем реализуются в проекте.

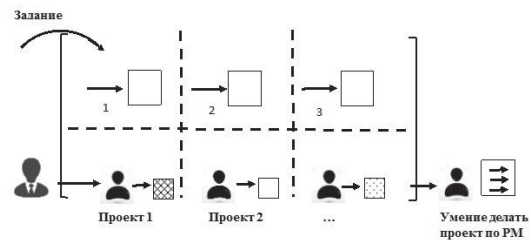

Рис. 4. Проект как метод обработки навыка РМ

Программы, в которых проектная деятельность учащихся продолжается все время, как правило, называются проектно-ориентированными.

П. Л. Шестопалов в дискуссии с автором предложил общую схему увязки обучения и бизнес-деятельности по стандартам РМ (рис. 5):

4. Однако в бизнес-образовании за последние 5–7 лет сформировался новый, четвертый тип проектно-ориентированных программ. Условно его можно назвать проектно-проблемным, и он означает обучение, совмещенное с работой над реальным проектом. В основе этих образовательных программ лежит представление о проекте как «идея плюс план ее реализации». Однако в отличие от учебного задания здесь задача должна быть взята

Рис. 5. Соответствие образовательных программ этапам жизненного цикла системы

из реальной профессиональной деятельности учащегося, иметь к нему непосредственное отношение. Соответственно, разработанный проект должен решать конкретную профессиональную задачу. А важнейшими этапами обучения являются «формирование проблемного поля проекта» и самоопределение учащегося в этом поле [2: с. 86]. Это образование по своему содержанию ближе к консалтингу, чем к классическому обучению (рис. 6). Например, проект развития нового бизнеса на территории моногорода в условиях дефицита ресурса представляет собой очень сложную интеллектуальную задачу — проблему.

Рис. 6. Проект в образовательной программе как решение профессиональной проблемы

При этом в конструкции образовательной программы проектная работа выступает как главный и интегрирующий процесс для всех образовательных форматов программы (см. рис. 3). А в процессе обучения происходит постоянное взаимодействие с непосредственной сферой деятельности слушателей. Критики подобных программ зачастую указывают, что образование в таком случае уходит на второй план и учащиеся не получают новых знаний; целью образовательной программы становится реальный бизнес-проект, который потом реализуется в профессиональной деятельности слушателей.

Образовательный эффект от самой проектной работы очень сильный. Во-первых, слушатели научаются решать реальные задачи проблемного типа. Но главное — они приобретают умение ставить такие задачи.

На рисунке 5 такие программы совпадают с образовательными программами по проектированию, но они сосредоточены на проблемной ситуации, порождающей необходимость проектных идей и решений. Собственно проектная часть бизнеса в этих программах прорабатывается, как правило, только концептуально.

Подготовка муниципальных и государственных служащих

Для массовой реализации проектного подхода на государственной и муниципальной службе развернута массовая подготовка чиновников. Но проблема такой массовой подготовки заключается в том, что если она осуществляется за счет бюджета, то полученный в процессе обучения результат (одним из которых в данном случае является проект) должен точно содержать заранее определенный набор пунктов и решений. Это связано, прежде всего, с правилами государственной контрактации.

Соответственно, за основу образовательных программ для чиновников, которым предстоит работать в новом стиле, была взята именно отработка процедур реализации и оформления проекта на учебной задаче (третий тип программ). В таких программах цель проекта поставлена заранее, методы достижения известны, и надо только правильно осуществлять заранее прописанные процедуры. И проект при этом понимается как работа по методике, описанной в утвержденном Постановлении Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 Положении об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации. Там просто и ясно указаны значения терминов, организационная структура (постоянные, временные и вспомогательные органы управления) и этапы (инициирование, подготовка, реализация, мониторинг и завершение) проектной деятельности. В частности, указано, кто и в каких случаях имеет право быть инициатором проекта (т. е. ставит цель для проектировщиков).

Таким образом, программы подготовки госслужащих — это программы на отработку процедур проектирования (см. рис. 1). Помимо обычного образовательного режима (посещение лекций и тренингов) группе учащихся ставится задача, которую нужно решить в проектном формате. Например, разработать новую организационную структуру своего учреждения, позволяющую более эффективно решать новые задачи, или разработать проект информационной системы, или проект развития

региона. Многие задачи такого типа выглядят как проблемные, для решения которых необходимо придумать новую идею, новые способы достижения результата. Однако специфика подготовки государственных служащих требует относиться к этим задачам как к учебным и не заниматься поисками реальных решений. Автор неоднократно наблюдал, как совершенно бессмысленные предложения оформлялись в «правильный проект» и успешно защищались перед аттестационной комиссией. Например, как проектное решение для развития территории предлагалось создать специальное министерство для развития именно этой территории. Или в качестве решения кадрового дефицита в одной из отраслей — доплачивать молодым выпускникам вузов по нужной специальности. Понятно, что никто и не думает реализовывать указанные предложения, главное, что они правильно оформлены.

В таких программах проектная деятельность не является ведущим образовательным форматом, она «одна из равных» (рис. 7).

Рис. 7. Проект как один из элементов образовательной программы

Под проектную деятельность выделяется определенное количество учебных часов, в конце программы проводится защита проекта. Фактически это то же самое, что и первый, «студенческий», тип образовательных программ, только здесь этап проектной работы проходит не в один модуль, а равномерно продлен по всей программе.

При этом результатом проектной части программы является отработка именно методов работы над проектом в соответствии с методиками с целью дальнейшего использования этого навыка на рабочем месте.

Зачастую в таких программах сам проект как новая идея также объявляется значимым результатом, и его оценивают на защите. Но на самом деле проект как реальное решение поставленной задачи никого не интересует:

как и в случае первого типа проектных программ, задача носит учебный характер. В большинстве случаев преподаватели не утруждают себя формулировкой задания, предлагая учащимся сделать это самостоятельно, выбрав «реальные» задачи из своей профессиональной сферы.

Декларируемые преимущества такого формата:

- учащиеся лучше усваивают знания, которые им дают на лекциях, так как соотносят их с практической задачей проекта;

- учащиеся учатся работать в команде, координировать свои усилия и коммуницировать друг с другом.

Важным реальным преимуществом такого формата является снижение затрат на реализацию образовательной программы, поскольку часы, отведенные под проектную работу, обходятся организаторам программы гораздо дешевле. Как указано в рабочих материалах заседания Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам [5], в Паспорте приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций»: «Кроме того, перераспределение ресурсов в пользу проектной работы позволит существенно снизить аудиторную

нагрузку на преподавателей» [3: с. 2]. Таким образом, в проектном формате оцениваются не индивидуальные результаты, а командные. Это позволяет не проверять конкретных слушателей, действительно ли они чему-то научились, и не ставить неудовлетворительных оценок, что важно в условиях госконтракта.

Заключение

В статье были рассмотрены четыре типа проектно-ориентированных образовательных программ. В соответствии с общими принципами проектирования, если рассматривать весь жизненный цикл проекта, любая подобная программа реализуется только на этапе предпроектной работы. Фактически проект или процесс его воплощения только «придумывается». Дальше, за пределами учебной программы, надо осуществлять этап реализации проекта, управление изменениями, послепроектный этап и проч. в зависимости от методики.

Подводя итоги, можно систематизировать основные различия двух наиболее актуальных типов проектно-ориентированных программ, а именно проектного и проектно-проблемного обучения (табл. 1).

Таблица 1

Основные различия проектного и проектно-проблемного типов обучения

	Проектная программа	Проектно-проблемная программа
Как формулируется цель проекта	В результате анализа ситуации в общей профессиональной сфере деятельности группы слушателей (например, муниципальное управление или медицина). Цель ставится преподавателем или руководством слушателей, или формулируется исходя из произвольной ситуации	Цель формулируется по итогам анализа ситуации уже в образовательной программе как первый этап работы над проектом. В качестве исходной ситуации берется непосредственная профессиональная деятельность, рабочее место конкретного слушателя (например, конкретная корпорация или город)
Цель проекта	Общая задача, которую в этой сфере можно поставить (например, усовершенствовать организационную структуру учреждения)	Целью проекта должно стать решение проблемы — задачи, которая не имеет решения в текущей профессиональной работе (например, повысить качество без дополнительных ресурсов)
Этап проектной работы	Структурирован в соответствии с осваиваемой методикой (РМ или из Постановления № 1050, или иной)	Формально слабо структурирован, связан с собственным движением слушателей по этапам проектно-проблемной работы

	Проектная программа	Проектно-проблемная программа
Результаты по этапам обучения	Регламентированы, нужный результат по каждому этапу определен правилами применения методики к теме проекта. Результат известен заранее, содержание очевидно	Зависит от интеллектуального усилия слушателей, от желания и способности осуществить мыслительную процедуру в соответствии с методом работы и темой проекта. Ни структура, ни содержание заранее неизвестны
Итоговый результат для аттестационной комиссии	Правильно оформленный набор действий по решению поставленной задачи. Работа над проектом завершается итоговой презентацией	Проект решения проблемы в конкретном деле (организации, регионе, проч.). Работу над проектом слушатели будут продолжать на рабочем месте
Результат для слушателей	Отработка процесса описания сложных проектов. Знание об организации и управлении процессом реализации сложных проектов. Умение решать задачи	Решение конкретной сложной задачи. Умение ставить и решать сложные задачи

Проектно-проблемные программы гораздо труднее в реализации и в своем социальном позиционировании. Во-первых, понятные трудности с квалификацией преподавателей — по сути, такие программы являются сложным интеллектуальным тренингом, требующим высокого профессионализма ведущих и трудной работы самих слушателей. Во-вторых, если учащиеся не принимают поставленную перед ними задачу как свою

(не осуществляют личное самоопределение в проблемном поле проекта), то программа превращается просто в поиск формальных ответов на сложные комплексные вопросы, даже без освоения методов управления проектами, которое происходит при проектных типах управленческого образования. Таким образом, массовое распространение проектно-проблемных программ пока выглядит невозможным.

Литература

1. Дуэль А. Как сделать школьный проект: семь простых идей // Российская газета. 17.12.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2014/12/17/proekt-site.html>
2. Колесникова И. А., Горчакова-Сибирская М. П. Педагогическое проектирование: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 288 с.
3. Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/OnTUmegFLNj5Uqtac57y1WG1EtMG9ABe.pdf>
4. Постановление Правительства РФ № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/Tw3T8ZAAoctXgwOxAY15z72sYiL1aVTs.pdf>
5. Протокол № 9 от 25.10.2016 заседания Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/25210/>
6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего образования, утвержден приказом МОН РФ от 06.10.2009 № 413 [Электронный ресурс]. URL: <http://xn80abucjiibhv9a.xnplai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/543>
7. Шестопалов П. Пять разворотов на пути к проектному управлению в органах государственной власти, или Как избежать профанации. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slideshare.net/mobile/ssuser33b2bc/ss-73617851>

References

1. **Duel A.** How to make a school project: seven simple ideas. Rossiyskaya Gazeta, December 17, 2014, URL: <https://rg.ru/2014/12/17/proekt-site.html>

2. **Kolesnikova I. A., Gorchakova-Sibirskaya M. P.** Pedagogical design: proc. allowance for higher education. Training. Institutions. M.: Academy, 2005. 288 p.
3. Justification of the Passport of the priority project «Universities as centers of innovation creation». URL: <http://government.ru/media/files/OnTUmegFLNj5Uqtac57y1WG1EtMG9ABe.pdf>
4. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1050 «On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation». URL: <http://government.ru/media/files/Tw3T8ZAAoctXgwOxAY15z72sYiL1aVTs.pdf>
5. Protocol № 9 of 25.10.2016 of the meeting of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and Priority Projects. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/25210/>
6. Federal state educational standard secondary education, approved by the order of the Ministry of Education of the Russian Federation of 6 October 2009, № 413. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn-p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/> 543
7. **Shestopalov P.** Five turns on the way to project management in public authorities (how to avoid profanity). URL: <https://www.slideshare.net/mobile/ssuser33b2bc/ss-73617851>.

Рецензия

Рецензия на: Рыжов Б. Н. Системная психология. 2-е изд. М., 2017. 356 с.

Создание фундаментальной теории психологии — важнейшая и вместе с тем чрезвычайно сложная проблема современной психологической науки. На пути решения этой проблемы — и негативный опыт многих неудачных попыток создать такую теорию в предшествующие периоды развития психологии, и большое число препятствий, с которыми приходится сталкиваться в современной психологии. Среди этих препятствий одно из первых мест занимает отсутствие четких психологических дефиниций и критериев, чрезвычайно усложняющее сопоставление данных, полученных исследователями, представляющими разные научные направления.

Поэтому рецензируемый труд Б. Н. Рыжова весьма актуален. Автор задался целью построить психологическую науку на едином фундаменте системной теории и в данной монографии успешно осуществил эту идею. Им представлены результаты принципиально важной работы по уточнению понятийного аппарата системного подхода в психологии, при этом автор развил и уточнил ряд его математических аспектов. С единых теоретических позиций разработаны: системные концепции мотивации, способностей, периодизации психического развития, созданы оригинальные концепции психической напряженности, структуры продуктивной деятельности и внутреннего содержания психической работоспособности. Все перечисленное обстоятельно представлено на страницах рецензируемой работы.

Предложенные в монографии теоретические концепции и их методическая реализация отличается оригинальностью и представляет собой новое направление в психологической науке.

С практической точки зрения книга представляет интерес для психологов и социологов благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, в ней развит системный метод оценки психической работоспособности и напряженности, позволяющий значительно упростить и стандартизировать технику и процедуру психологического обследования. Во-вторых, автором получены популяционные характеристики развития мотивационной сферы и психической работоспособности, которые должны заинтересовать и школьного психолога, и социолога, и специалиста по эргономике.

Представленные в монографии материалы получены автором в процессе проведения им уникальных эмпирических и экспериментальных исследований.

В силу всего сказанного можно констатировать, что рецензируемая монография Б. Н. Рыжова вносит существенный вклад в создание фундаментальной теории психологии, поэтому ее значение для современной психологии и связанных с ней дисциплин трудно переоценить.

Немаловажным обстоятельством является и то, каким языком написана книга. Это хороший литературный язык, благодаря чему данная монография легко читается, что выделяет ее среди многих других, написанных «суконным» языком.

Последнее обстоятельство вкупе со всеми перечисленными выше достоинствами монографии Б. Н. Рыжова «Системная психология» делает ее публикацию значимой (и желанной!) для издания. По моему мнению, это будет наиболее логичное и практичное завершение этого, безусловно, ценного труда.

В. П. Шейнов

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ЖУРНАЛА
«СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ», 2017, № 1 (21)**

«SYSTEMS PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY» AUTHORS, 2017, № 1 (21)

ВАЛЯВКО Светлана Михайловна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры клинической и специальной психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

VALYAVKO Svetlana Mixajlovna — PhD (Psychology), Docent. A Docent of the Department of Clinical and Special Psychology of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University.

E-mail: valyavko@yandex.ru

ШУЛЕКИНА Юлия Александровна — кандидат педагогических наук, доцент. Доцент кафедры логопедии Института специального образования и комплексной реабилитации МГПУ.

SHULEKINA Yulia Alexandrovna — PhD (Pedagogy), Docent. A Docent at the Department of Logopedia at the Institute of Special Education and Complex Rehabilitation of the Moscow City University.

E-mail: rameja@rambler.ru

ВАСИЛЬЕВА Ирина Ивановна — кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник лаборатории инженерной психологии и эргономики Института психологии РАН.

VASIL'EVA Irina Ivanovna — PhD (Psychology), Research Associate, Human Factors and Ergonomics Laboratory of the Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.

E-mail: vasirina77@gmail.com

БЕРШЕДОВА Людмила Ивановна — доктор психологических наук, профессор. Профессор кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

BERSHEDOVA Ludmila Ivanovna — Doctor of Psychology, Full Professor. A Professor at the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University.

E-mail: bershedova@mail.ru

НАБАТНИКОВА Людмила Петровна — кандидат психологических наук, доцент. Доцент кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

NABATNIKOVA Ludmila Petrovna — PhD (psychology), Docent. A Docent at the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University.

E-mail: lpnabat@mail.ru

НЕМОВ Роберт Семенович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

NEMOV Robert Semenovich — Doctor of Psychology, Full Professor, A Professor at the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University.

E-mail: rnemov@mail.ru

АЛТУНИНА Инна Робертовна — доктор психологических наук, профессор. Заведующая отделом аспирантуры и магистратуры Московского института психоанализа.

ALTUNINA Inna Robertovna — Doctor of Psychology, Full Professor. The Head of the Department of Postgraduate Studies and Master Course at the Moscow Institute of Psychoanalysis.

E-mail: inna-altunina@rambler.ru

ЯЦЕНКО Денис Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета.

YATSENKO Denis Alexandrovich — PhD (Psychology), a Docent at the Department of Social and Ethnic Psychology of the Moscow University for the Humanities.

E-mail: da947@mail.ru

ШЕЙНОВ Виктор Павлович — доктор социологических наук, профессор, академик Международной академии информационных технологий. Профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета.

SHEINOV Viktor Pavlovich — Doctor of Sociology, Full Professor, Academician of the International Academy of Information Technologies. A Professor at the Department of Psychology and Pedagogical Proficiency at the Institute of Higher Education under the Auspices of the Belarusian State University.

E-mail: sheinov1@mail.ru

МАРЧУК Наталья Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной безопасности Уральского федерального университета.

MARCHUK Natalia Yuryevna — PhD (Psychology), an Associate Professor at the Social Security Department of the Ural Federal University.

E-mail: natalia.marchuk@urfu.ru

РОМАНОВА Евгения Сергеевна — доктор психологических наук, профессор. Директор Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, заведующий кафедрой общей и практической психологии ИПССО МГПУ. Заслуженный учитель Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Лауреат премии Президента Российской Федерации (1998) в области образования, лауреат премии Правительства Российской Федерации (2009) в области образования. Почетный профессор МГПУ, член президиума УМО университетов Российской Федерации. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

ROMANOVA Evgeniya Sergeevna — Doctor of Psychology, Full professor. Director of the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University, Head of the Department of General and Practical Psychology of IPSSR MCU. Honorary Teacher of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Laureate of the President of the Russian Federation Education Award in 1998, Laureate of the Russian Federation Government Education Award in 2009. Honorary Professor of MCU, Member of the Presidium of Educational and Methodological Consolidation of the Universities of the Russian Federation. Honorary Worker of Higher School of the Russian Federation.

E-mail: RomanovaES@mgpu.ru

ШУБИН Сергей Борисович — аспирант кафедры общей и практической психологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ.

SHUBIN Sergey Borisovitch — A Post-Graduate Student at the Department of General and Practical Psychology at the Institute of Psychology, Sociology and Social Relations of the Moscow City University.

E-mail: sergej_shubin93@mail.ru

ИВАНОВ Денис Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета.

IVANOV Denis Vasil'evich — PhD (Pedagogics). A Docent of the Department of General Psychology and History Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

САЙМОНС Грег — старший научный сотрудник Центра изучения ассиметричных угроз Шведского университета обороны.

SIMONS Greg J. — a senior researcher at the Center for Asymmetric Threats Studies (CATS) at the Swedish Defence University.

E-mail: gregmons@yahoo.com

МРДУЛЯШ Павел Брунович — заместитель директора Института высшей школы государственного управления РАНХиГС. Член общественно-делового совета проектного комитета по основному направлению стратегического развития Российской Федерации «Образование».

Mrdulyash Pavel Brunovitch — A Deputy Director at the Institute of High School of Public Administration at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. A Member of the Public-Business Council Project Committee for the Basic Direction of the Strategic Development of the Russian Federation «Education».

E-mail: pavel.mrduljash@gmail.com

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

2017

№ 1 (21)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: + 7 499 181 5036.

Подписано в печать: 20.06.2017 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.